

## Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 2 том - «Путь в Версаль»  
Перевод: с фр. П. Трануа  
Издательство: ПТФ «Ореол», 1992г.

---

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
-

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.**  
**ДВОР ЧУДЕС**

## Глава 1

Сквозь оконное стекло Анжелике было хорошо видно лицо монаха Беше. Она заглядывала в таверну «Зеленый полог» с улицы, не обращая внимания на капли, падавшие с заснеженной крыши.

Монах сидел за столом и время от времени подливал себе вина из оловянного кувшина. Взгляд его оставался неподвижным.

Он находился прямо перед Анжеликой, и она отчетливо различала его лицо, несмотря на толстое оконное стекло. Внутри таверны было не очень дымно. Священнослужители, которые являлись основными посетителями «Зеленого полога», не курили трубок. Они заходили сюда, чтобы выпить вина и поиграть в шашки или кости.

Молодая женщина, которая мужественно несла свой пост на холодной и сырой улице, была одета бедно, как служанка или прачка. На ней было бумазейное платье, довольно холодное для ранней весны, а на голове — льняной чепец.

Однако в тот момент, когда дверь таверны открывалась и на крыльцо падала широкая полоса света, сторонний наблюдатель мог бы заметить замечательную правильность бледного лица девушки, благородство которого выдавало в ней даму высокого происхождения.

Действительно, еще совсем недавно эта женщина была достопримечательностью блистательного двора молодого короля Луи Четырнадцатого. Она танцевала в позолоченном платье, и одно ее появление зажигало взоры толпы поклонников, покоренных ее красотой.

Эту девушку звали Анжелика де Сансе де Монтелуп. В семнадцать лет родня выдала ее замуж за крупного тулузского сеньора графа Жоффрея де Пейрака.

Прямо перед ней за столом таверны сидел объект ее непримиримой ненависти. Глядя на жестокое, непроницаемое лицо монаха, Анжелика невольно вспоминала ужасные события последних месяцев, которые явились настоящим кошмаром для нее, повергнув ее в пучину бедствий, и страданий.

Она вспомнила своего мужа графа де Пейрака, человека странного для окружающих, но широкого и пленительного для тех, кто

знал его близко. Его не делала менее привлекательным даже покалеченная нога, за которую его прозвали «Великим Хромым из Лангедока».

Это был человек сильного духа и большого ума. Он преуспевал во всем, и его юная супруга была в конце концов покорена величием его. Из строптивой недотроги она превратилась в преданную, страстно любящую жену.

Но достоинства и богатства графа де Пейрака вызывали не только восхищение, но и зависть.

Он стал жертвой заговора, который поддержал сам король, опасавшийся влияния своего вассала. Графа обвинили в колдовстве и заключили в Бастилию. Позже состоялся трибунал, приговоривший его к сожжению на костре.

Монах, за которым наблюдала сейчас Анжелика, сильнее других жаждал смерти ее любимого. Это он руководил сожжением, которое состоялось на площади Грев. Она никогда не забудет то недавнее зимнее утро. Воздух был неподвижен и прозрачен, солнце сияло ослепительно, будто мерясь силами с огромным костром...

Так она осталась совсем одна в Париже, всеми отвергнутая, вынужденная спасаться бегством и спасти двух своих маленьких сыновей.

Перед глазами ее промелькнули родные личики Флоримона и Кантора, ресницы их растерянно моргали. Анжелика на какое-то время отвлеклась от созерцания ненавистного монаха и устало прислонилась лбом к стеклу.

Она спрятала детей у своей сестры Гортензии госножи Фалло, жены прокурора.

Та с ужасом прогнала Анжелику, не пустив ее на порог. К счастью, она могла положиться на свою добрую и преданную служанку Барбу, которая обещала позаботиться о мальчиках.

В этот вечер Анжелика долго бродила по ночному заснеженному Парижу, где с наступлением темноты становилось опасно появляться на улице: на каждом шагу можно было наткнуться на отчаянных головорезов, караулящих в засаде свою жертву. Случай привел ее к дверям таверны «Зеленый полог», куда, она видела, вошел монах Беше. Взгляд его был безумен; казалось, он хотел забыть с помощью вина пламя бушующего костра, запаленного им.

Тогда-то Анжелика и воспряла духом. Нет, она еще не окончательно побеждена, она еще не закончила счеты с жизнью. Что бы ни уготовила ей судьба, монах Беше должен умереть! Она приняла это решение без колебаний. Слишком велика была его вина. Монах был для Анжелики символом темных сил, с которыми боролся ее муж всю жизнь и которые все-таки смогли погубить его. До последней минуты жизни Жоффрей де Пейрак сохранял мужество и твердость духа. Его слова, адресованные Конану Беше, вознеслись над папертью Нотр-Дама:

— Через месяц мы свидимся с тобой, вот увидишь! Тебя призовут на божий суд!

Это случилось почти месяц назад...

— По-моему, тебе не к лицу, девка, топтаться возле этой лавки. У тебя что, нет пяти франков на стакан вина?

Анжелика обернулась, но никого не увидела. В следующее мгновение луна внезапно выглянула из-за облака, и женщина различила у своих ног карлика. Тот держал руки поднятыми, странно скрестив указательные пальцы. Она вспомнила, как однажды Мор Куасси-ба показывал ей этот знак со словами:

— Стоит тебе скрестить пальцы вот так, и мои приятели скажут: «Все в порядке, она своя».

Механически она повторила вслед за карликом этот жест, и лицо уродца расплылось в добродушной улыбке:

— А ты, оказывается, наша! Как я сразу не догадался?! Но твое лицо мне незнакомо. Ты чья: Родогона-Египтянина, Беззубого Жана или Ворона?

Не отвечая ему, Анжелика снова повернулась к стеклу посмотреть на монаха Беше. Карлик схватился за подоконник, подтянулся и тоже заглянул в залу. Идущий оттуда свет осветил его пухлое лицо и засаленную шляпу. Ручки его были тоже пухлые и скрюченные, а ножки, которыми он уже карабкался на подоконник, были одеты в полотняные детские туфельки.

— Ну-ка, покажи мне своего клиента, на которого ты так пялишься.

— Вот тот, что сидит в углу.

— Ты рассчитываешь, что этот старый мешок с костями, эта уродливая гнида много заплатит тебе за труд?

Анжелика устало вздохнула.

— Он мне нужен для другого. Я должна его убить.

Карлик обнял ее за талию.

— Но у тебя нет даже ножа. Как ты его убьешь?

На этот раз она посмотрела внимательнее на своего нового знакомого, который появился из ночи, точно крыса, прокрадываясь на мостовую. Появление карлика не удивило ее: в те времена Париж кишел всевозможным отребьем, которое выползало наружу, едва падали сумерки.

— Идем со мной, маркиза, — внезапно сказал карлик, соскальзывая на землю. — Пошли к Невинным; там я сведу тебя с ребятами, которые помогут прикончить этого святошу.

Ни минуты не раздумывая, Анжелика направилась за карликом.

— Меня зовут Баркароль, — объявил он. — Не правда ли, изысканное имя? По-моему, оно вполне мне соответствует.

Развеселившись, карлик заулюлюкал, подпрыгивая, потом слепил из грязного снега большой ком и запустил им в одно из окон ближайшего дома.

— А теперь бежим, моя дорогая, — позвал он, ускоряя шаги. — Иначе эти почтенные буржуа, которых мы разбудили, выплеснут на нас свой ночной горшок.

Едва он договорил, послышался скрип рамы, и Анжелике пришлось отскочить в сторону, чтобы обещанный карликом душ не задел ее.

Баркароль исчез так же неожиданно, как и появился, Анжелика продолжала идти. Дорога становилась все грязнее, ноги ее погружались в мокрый снег по щиколотки, платье внизу намокло, но она не чувствовала холода.

Ее внимание привлек легкий свист, раздавшийся из люка для стока нечистот. Оттуда показался Баркароль.

— Извините, что оставил вас, маркиза, но мне необходимо было повидать своего друга Жанина, которого еще называют Деревянным Задом.

Позади него, из люка, показался еще один приземистый силуэт. Это был обрубок человека, который, казалось, сидел в деревянной миске. В руках он держал деревянные упоры, с помощью которых ему

удавалось перетаскивать свою странную опору вместе с телом с места на место.

Урод пристально глядел на Анжелику, его безобразное лицо было покрыто прыщами и шишками, редкие волосы тщательно зачесаны назад на блестящем черепе. Единственным его одеянием было подобие мундира синего цвета, который, судя по пуговицам и позолоченным отворотам, когда-то принадлежал офицеру.

После того, как новоявленный изгой рассмотрел незнакомку, он хрипло кашлянул и плюнул на нее. Анжелика с недоумением посмотрела на него, потом взяла горсть снега и вытерла плевком.

— Ну что ж, — удовлетворенно сказал калека. — Кажется, она имеет представление о том, с кем она разговаривает.

— Бойкий же у нас разговор, — передразнил его карлик и залился своим улюлюкающим смехом. — Что-то я сегодня в ударе!

— Верни-ка мне мою шляпу, — сказал ему Деревянный Зад. Он нахлобучил широкополую шляпу с пучком перьев и взялся за свои упоры. По его команде все трое двинулись дальше.

— Что ей нужно? — спросил калека, когда они свернули на другую улицу.

— Чтобы ей помогли удавить одного длиннорясого.

— Плевое дело. А кто ее хозяин?

— Кто его знает?..

По мере того, как они медленно передвигались от улицы к улице, к ним присоединились другие таинственные силуэты. Сначала раздавался легкий посвист, подаваемый из темных углов, из укрытий или укромных закоулков; затем появлялись сами бродяги с длинными бородами, с босыми ногами, в своих длинных оборванных накидках; а также старухи, настолько ветхие, что имели вид пугал, перетянутых веревками или цепочками; слепые и хромые нищие с костылями, настоящие и мнимые горбуны. Большинство из этого сброда только притворялись больными.

Анжелике с трудом удавалось понимать их речь, наспигованную понятными только им одним выражениями. На одном из перекрестков к ним присоединился воинственного вида мужчина с растопыренными усами. Она решила даже, что это военные или солдаты патруля, но молодцы оказались переодетыми бандитами.



Встретив их кровожадные волчьи взгляды, молодая женщина наконец осознала опасность своего нового положения, у нее мелькнула мысль о бегстве. Но ее уже окружили их грозные силуэты.

— Боишься, красотка? — спросил один из бандитов, обнимая ее за талию.

Она отбросила нахальную руку и воскликнула:

— Нет, еще чего!

Человек снова попытался обнять ее, и она вlepила ему пощечину, звон которой привел толпу в такое волнение, что Анжелика подумала о самом худшем. Ненависть и чувство протеста так долго зрели в ее душе, что теперь она даже рада была случаю излить на кого-нибудь свой гнев. Она была готова, точно львица, вцепиться в противника и кусаться, рвать его когтями...

Порядок навел Деревянный Зад, пользующийся большим авторитетом в кругу бродяг. Человек-обрубок искусно владел своим голосом. Когда было необходимо, голос его приобретал глубинную, леденящую интонацию, будто доносился из преисподней. На людей его окружения он производил сильнейшее впечатление и доводил их до дрожи. Это был один из способов, с помощью которых Деревянный Зад мог усмирить толпу.

Едва он бросил несколько слов, как ссора была погашена. Анжелика взглянула на мужчину, который пытался приставать к ней, и увидела, что на его лице остались длинные царапины от ее ногтей. Он схватился рукой за лицо, и глаза его злобно светились. Зато остальные успокоились и стали перебрасываться веселыми словечками.

— О-ля-ля! Она неплохо поработала с тобой, старина!

Анжелика сама неожиданно улыбнулась и почувствовала, что уже ничего не боится. В конце концов, ей нечего терять. Кроме того, она быстро поняла, что попала в круг людей, где между страхом и смехом нет большой разницы.

— Чья она? — спрашивал иногда тот или другой бродяга.

— Наша! — грозно обрывал Деревянный Зад. — И передайте это всем. Его пропустили вперед. Ни один бродяга, какими бы резвыми ногами он ни обладал, не смел обогнать безногого. Там, где улица круто брала вверх, двое из мнимых солдат, которых насмешливо называли «гвардейцами», подхватили его на руки и несли до ровного места.

Между тем кварталы, мимо которых они проходили, становились все более и более смрадными. Под окнами валялись никем не убираемые обрезки мяса и сыра, груды сгнивших овощей, от которых разило густым запахом тухлятины. Это был Галльский квартал, к которому примыкало еще одно не менее загрязненное место — кладбище Святых Невинных.

Анжелике никогда не приходилось бывать на этом кладбище, хотя Невинные были местом, где назначать свидание считалось признаком хорошего тона. Сюда навевались светские дамы, чтобы выбрать книгу или что-то еще в торговых лавчонках, разместившихся прямо возле нагромождения трупов. Забавно было наблюдать, как среди бела дня по дорожкам кладбища разгуливали элегантные господа со своими любовницами, небрежно отбрасывая из-под ног концом трости человеческие головы или крупные кости, останавливаясь временами поглазеть на какую-нибудь похоронную процессию.

По обычаю, сложившемуся издавна, власти никого не арестовывали ночью на этом кладбище. Сюда приходили на встречи с сообщниками жулики и беглецы, здесь же распутники находили себе подруг.

Колонна бродяг вышла к ограде кладбища, которая была разрушена во многих местах и давала возможность свободно проникать внутрь. Из центральных ворот навстречу им вышел могильщик, одетый в черный сюртук, украшенный нашитыми изображениями скрещенных костей, черепов и поблескивающих слез. Заметив пришедших, он подошел к женщинам и невозмутимо обратился к ним:

— На улице Ферронера кто-то умер, и меня попросили нанять кого-нибудь из бедняков для сопровождения траурной процессии. Это будет завтра. Каждый получит по монете и что-то из одежды.

— Веди нас к ним! Где их дом? — закричали наперебой беззубые старухи.

Они чуть было не откололись от сборища и не бросились по указанному адресу, чтобы с ночи занять место под окнами, где их ожидала подачка. Желających было так много, что дело едва не дошло до ссоры. Деревянному Заду снова пришлось наводить порядок.

— Чтобы вы сдохли, старые шлюхи! — побагровев от злобы, заорал он. — Вам ни до кого больше кет дела, лишь бы урвать себе

кусок пожирнее! Вы забыли о Великом Коэсре, который ждет нас? О что за времена настали! Будь я проклят, но люди мельчают...

После этой гневной речи возбужденные вопли толпы сменились сдержанным роптанием. Старухи успокоились, и скоро многочисленная армия нищих через проломы в ограждениях просочилась на кладбище. Могильщик пошел своей дорогой.

...От обилия трупов у Анжелики мурашки бежали по спине, и глаза расширились в ужасе. Повсюду взгляд ее наткнулся на широкие, наполовину заполненные людскими телами братские могилы. Покойники были скрыты под саванами, их не засыпали в ожидании новых партий тел. На протяжении столетий это кладбище считалось последним пристанищем бедного люда. Богатых хоронили, как правило, на кладбище Святого Павла.

Если раньше луна, с трудом пробивавшаяся из-за облаков, лишь изредка освещала местность, по которой шли люди, то теперь она светила в полную силу. Крыши церкви и других строений покрывал тонкий слой снега, который помогал рассеивать темноту. Металлические кресты поблескивали тут и там. Холодный воздух смягчал отвратительный запах, рождаемый разлагающимися телами. Нищих этот запах несколько не беспокоил, и Анжелика поймала себя на том, что и она не придает ему большого значения.

Четыре каменные галереи, идущие от церкви, вызывали у нее ощущение, будто она попала в фантастическую, страшную западню. Эти стены возводились в средние века, с внутренней стороны они имели сводчатые углубления. Верхняя часть застраивалась позже убогими комнатками, покрытыми черепичной крышей. Удивительно то, что теперь все эти живописные постройки были сплошь завалены человеческими костями. С того места, где остановилась толпа, было хорошо видно, что костями были доверху заполнены и подвалы строений. В самом низу кости постепенно разрушались и превращались в пепел, но сверху поступали новые бесконечные порции человеческих остовов. Недалеко от подвалов были приготовлены старательно уложенные служителями кладбища зловещие пирамиды, дожидаящиеся, чтобы их раскидали на освободившиеся места.

— Что это? — бормотала Анжелика. Ей казалось, что она сходит с ума. Карлик с любопытством наблюдал за ней с одной из могил.

— На мой взгляд, это одно из самых очаровательных мест Парижа, — пожал он плечами.

Ей пришлось опуститься на могилу рядом с Баркаролем. Как только она вонзила свои когти в лицо того бандита, ее оставили в покое и никто больше не заговаривал с ней. Если же кто-то и бросал на нее любопытствующий или подозрительный взгляд, то в ответ он слышал отрезвляющие слова:

— Деревянный Зад сказал, что она наша. Будьте благоразумны, ребята! Бедная изгнанница не сразу заметила, что все пространство внутри кладбища, все еще окутанное ночным сумраком, уже почти до отказа заполнено нищим сбродом. Ее мысли все еще занимали груды костей и разлагающейся плоти, и она так и не могла поверить, что такое омерзительное место существует внутри ее любимого Парижа. Она знала понаслышке, что наиболее значительные соборы и церкви столицы давно стараются побороть авторитет церкви Невинных. Это было невероятно, и это было ужасно.

Баркароль пробормотал четверостишие:

*— Они отмучились, счастливы,  
За ними пойдут другие...  
Мир так славно устроен,  
Что смерть всегда рядом!*

Анжелика медленно повернулась к нему:

— Не поэт ли ты, Баркароль?

— Это не мои стихи, их сочинил наш поэт Вонючка.

— Ты с ним знаком?

— Если бы я был с ним знаком! Это поэт с Нового моста.

— Его мне тоже хотелось бы убить...

Карлик подскочил на месте, как ужаленный:

— Что? Только не это!

Он сокрушенно покачал головой и пробормотал:

— Она хочет всех поубивать, бедняга! Не иначе, как свихнулась.

Толпа внезапно дружно заголосила и расступилась перед странным шествием.

Впереди шел длинный и худой тип, босые ноги которого погружались в мокрый снег. На плечи этого удивительного человека

падали длинные белые волосы, но лицо было выбрито. Это был почти скелет, обтянутый кожей. Скулы его лица выпирали наружу, глаза, казалось, смотрели из пустых глазниц. В руках он держал длинный жезл, на конце которого была насажена собачонка с распоротым брюхом. Рядом с ним двигался пухлый коротышка, который угрожающе размахивал метлой.

Следом брел шарманщик, торжественно вращавший рукоять своего инструмента. Лица его не было видно: вся голова догружалась в огромную соломенную шапку, в которой были проделаны дыры для глаз. Шарманщику помогал паренек, наносящий ритмические удары в медный таз.

— Хочешь, я расскажу тебе об этих? — спросил карлик Анжелику и подмигнул ей. — Ведь несмотря на то, что ты знаешь наш знак, сама ты не из наших!

Он стал коротко описывать ей каждого из троих:

— Те, кого ты видишь идущими впереди, Большой Евнух и Маленький Евнух. Вот уже много лет Большой Евнух находится на пороге смерти, но он никогда не умрет. Маленький Евнух отвечает за сохранность жен Великого Коэсра. У него в руках символ власти королевства Тюнов.

— Метла?

— Тише! Не кощунствуй. Иначе тебя прогонят этой метлой... А за ними идет шарманщик Тибо и его паж Лино. А за ним, смотри, девки короля Тюнов.

У этих женщин, на которых указывал Баркароль, были странно опухшие лица, с которых бесстрашно смотрели цепкие глаза проституток. Некоторые из них были еще привлекательны. Первая, самая молодая, почти ребенок, даже отличалась свежестью. Несмотря на мороз, рубаха на ней была распахнута, и она с гордостью выставляла напоказ свои юные груди.

За женщинами шла группа факельщиков, затем вооруженные шпагами воины охраны, просто нищие. Следом двигался огромный детина с мутным взглядом и полуоткрытым ртом. Он катил перед собой ручную тележку, несмазанные колеса которой издавали пронзительное скрипение.

— Это Бавотан, помешанный. Он приставлен к самому Великому Коэсру.

За помешанным завершал процессию старик с белой длинной бородой, одетый во все черное. Из его карманов торчали пучки свитков, за пояс были заткнуты три хлыста, сбоку висели чернильница и гусиные перья.

— Это Ро-ле-Барон, сборщик налогов Великого Коэсра, тот, кто вершит правосудие в королевстве Тюнов.

— А где же сам Великий Коэср?

— Как где? В тележке!

— В тележке? — воскликнула пораженная Анжелика. Она поднялась на носки, чтобы лучше видеть шествие.

Тележка остановилась у развалин одного из церковных строений. Это был своего рода каменный портик под пирамидальной крышей, окруженный ступеньками.

Гигант Бавотан наклонился над тележкой и бережно вытащил что-то к себе на колени.

— О Боже! — воскликнула еще раз молодая женщина.

Она увидела наконец Великого Коэсра. Это было существо с плечами нормального человека и крохотными кривенькими ножками двухлетнего ребенка. Из-за взлохмаченных черных волос его огромная голова казалась еще больше, все лицо было покрыто гнойными язвами. Глубоко сидящие глаза горели из-под косматых бровей злым огнем. Усы черными крючьями загибались кверху.

— Что, не ожидала? — усмехнулся карлик, довольный произведенным на красавицу впечатлением. — Скоро ты поймешь, крошка, что в нашем мире меньшие ростом стоят выше здоровяков. Хочешь, я скажу тебе, кто будет Великим Коэсром, когда наш Ролин-ле-Трапю сдохнет?

Он поманил ее и прошептал на ухо:

— Деревянный Зад.

Затем он поднял указательный палец вверх и с важным видом покивал головой.

— Это закон природы. Надо иметь мозги в котелке, чтобы править этим сбродом. А тот, у кого вся сила ушла в ноги, мозгов не имеет. Скажи, прав я или нет, Тонконогий?

Тот, к кому обратился Баркароль, улыбнулся. Это был молодой человек очень мягкой и простодушной внешности, который недавно подсел к ним на могильную плиту. Одна рука его все время была

прижата к груди, будто он испытывал трудности при дыхании и боялся закашляться. Он ответил хриплым голосом:

— Ты прав, как всегда, Баркароль. Лучше иметь голову, чем ноги. Ведь в противном случае, если ноги откажут, то уж ничего у тебя не останется.

Анжелика с удивлением посмотрела на длинные ноги молодого человека, которые выглядели вполне нормальными. Тот улыбнулся грустно:

— О! Их вид обманчив. Когда-то я был резв и служил курьером у господина де ля Саблиера. Но однажды мне пришлось пробежать около двадцати лье, сердце мое не выдержало, и с тех пор я с трудом передвигаю ноги.

— Вот это да! — вскричал карлик. — Ты не можешь ходить оттого, что слишком резво пробежался! Это забавно.

— Умолкни, Барко! — велел чей-то грубый голос. — Ты нас задержал. Чья-то стальная хватка вознесла карлика над могилой и забросила на кучу костей.

— Эта падаль доведет своей болтовней кого хочешь, не так ли, красавица?

Незнакомец приблизился к Анжелике и наклонился над ней. Она так устала от ужасных картин, которые вставали перед ней последние несколько часов, что испытывала некоторое облегчение после того, как окинула беглым взглядом подошедшего. Лицо его, правда, ей почти удалось разглядеть, так как его скрывала тень широкополой шляпы, украшенной перьями. Видны были лишь правильные черты: широко поставленные глаза, прямой рот. Он был молод, в расцвете сил. Его смуглая рука привычно покоилась на рукоятке длинного кинжала, висевшего на поясе.

— Так чья же ты, такая красивая? — довольно ласковым голосом спросил он. В его голосе чувствовался легкий акцент иностранца.

Она не ответила, равнодушно глядя мимо.

Там, куда она смотрела, уже начался сбор податей. У ног гиганта, перед Великим Коэсром установили медный таз, только что служивший барабаном пажу шарманщика. Все, кто пришел на кладбище, по очереди подходили к нему и бросали какие-то ценные вещи или деньги для своего короля.

Каждый был обложен налогом в соответствии со своим ремеслом. Карлик, который снова крутился возле Анжелики, рассказывал ей вполголоса о подробностях жизни нищего племени, которое веками, как только был основан город, жило своей упорядоченной жизнью.

Он показал ей мнимых калек, которые, одетые в лохмотья, имитировали уродства, просили милостыню на перекрестках Парижа. Среди них, по его словам, были некогда уважаемые люди, у которых либо сгорели владения, либо расстроились дела, обрекая их на нищету или гибель. Многие из этих людей так и продолжали играть роль пострадавших от войны или нападения бандитов, им удавалось разжалобить прохожих невероятными историями. Иные говорили, что насильно обращены в католичество и что имущество их пропало при переезде.

Другой сорт людей, плативших дань, представлял из себя крепких молодчиков, как правило, бывших солдат или каторжан, которые не выпрашивали у прохожих деньги, а отбирали их.

Все эти хмурые и обозленные людишки не могли обойтись без власти Великого Коэсра, который поддерживал порядок и удерживал от стычек подвластные ему банды.

Сольдо, экю и золотые монеты со звоном падали в таз. Смуглокожий незнакомец продолжал стоять поблизости и не сводил глаз с Анжелики. Он вновь приблизился и положил руку ей на плечо. Она сбросила руку, и он торопливо проговорил:

— Меня зовут Родогон-Египтянин. Под моим началом работает четыре тысячи человек во всех концах Парижа. Все приезжие цыгане и гадалки платят мне налог. Хочешь быть, одной из моих женщин?

Анжелика снова не ответила ему. Луна светила ослепительно ярко. Перед портиком в этот момент проходила вереница калек, истинных и мнимых, настолько живописных со своими костылями, колодками, подвязками, что в среде своих это сборище звали Двором чудес.

Родогон-Египтянин во второй раз положил руку на плечо Анжелике. На этот раз она не пошевелинулась. Рука была такой большой, такой горячей, а она так замерзла... Мужчина был по виду таким надежным, а ей требовалась поддержка. Она подняла глаза и попробовала снова разглядеть его лицо, которое и на этот раз показалось ей несколько не ужасным. На нее смотрели удлиненные



цыганские глаза с ослепительно белыми зрачками. Он что-то процедил сквозь зубы и сжал сильнее ее плечо.

— Тогда я сделаю тебя своей маркизой, хочешь? Да, кажется, я пойду Даже на это.

— Ты поможешь мне убить одного типа? — спросила Анжелика. Голова незнакомца внезапно откинулась назад — он раскатисто захохотал:

— Десятерых, сотню, если пожелаешь! Ты только покажи мне эту тварь, и, я клянусь, еще до рассвета ее кишки будут разбросаны по улицам Парижа.

Он сжал ей руку.

— Итак, мы договорились?

Но Анжелика высвободила руку и заложила ее за спину:

— Еще нет.

Цыган отступил на шаг, но он явно не собирался упускать красивую женщину.

— А ты разборчива, — сказал он. — Ну что ж... Но все равно я буду обладать тобой.

Анжелика устало поднесла ладонь ко лбу. Кто-то уже говорил ей похожие слова, угрожающие, алчные... Она не могла вспомнить.

Недалеко завязалась ссора между двумя «солдатами». Колонна нищих и попрошайек уже прошла, их место заняла процессия самых опасных подданных короля. Это были убийцы. Не только те, кто грабил горожан, но и наемные убийцы. Среди них было много иностранцев, брошенных в столицу недавней войной: испанцев, ирландцев, немцев, швейцарцев и цыган. Здесь почти не было женщин, а из тех, кто присутствовал, на кладбище пришли далеко не все. Каким бы просторным ни было кладбище, оно не могло вместить в себя все отребье большого города...

Внезапно сборщик налогов вынул хлыст и стал разгонять им толпу, прокладывая себе дорогу по направлению к могиле, на которой сидела Анжелика. Все взоры обратились на нее, и бедная женщина поняла, что старый Ро-ле-Барон шел действительно к ней.

— Король Тюнов спрашивает, кто эта женщина? — провозгласил он, указывая на Анжелику.

Родогон обнял ее за плечи и прошептал:

— Не бойся, сейчас все уладится.

Он подвел ее к портику, не отпуская руки ее, и обвел толпу холодным и грозным взглядом, как если бы кто собирался отнять у него его добычу.

На нем были дорогие сапоги из прочной кожи и совсем новый камзол. Рядом с его мощной фигурой Анжелика чувствовала себя вне опасности. В ее положении, на самом деле, трудно было обойтись без покровителя.

Представ перед Великим Коэсром, Египтянин плюнул ему под ноги и произнес:

— Я, герцог из далекого Египта, беру эту женщину и делаю ее своей маркизой.

Он отстегнул от пояса тяжелый кошелек и широким взмахом бросил его в медный таз.

— Нет! — раздался сзади от него спокойный, но жесткий голос. Родогон медленно повернулся,

— Каломбретен!

В нескольких шагах от него, освещенный лунным сиянием, стоял человек в фиолетовом одеянии не менее мужественного вида, чем Родогон. Анжелика уже встречала два раза в толпе его лицо.

Он был того же роста, что и цыган, но шире его в плечах. Одежда плотно облегла его тело, позволяя заметить бугры мускулов на руках и кожаный пояс, человек по имени Каломбретен дерзко смотрел на Родогона. Лицо его было покрыто черной спутавшейся бородой, и один глаз перевязан черной лентой.

Мысль о том, что она может достаться этому бандиту, привела Анжелику в ужас. «Господи, помоги мне!» — прошептала она. Она бросилась к Родогону и спряталась за него. Египетский герцог был уже занят тем, что подыскивал для противника обидные ругательства.

— Пес! Сучий выкормыш! Трусливая мразь! Как ты посмел встать на моем пути? Подумай о своей шкуре, ее...

— Дерьмо, — спокойно ответил Каломбретен.

Он тоже плюнул в ноги Великому Коэсру, что являлось необходимым элементом этикета при обращении, и метнул в таз кошелек еще более тугой, чем был у Родогона.

Гримаса радости исказила лик убожества, сидящего на коленях у помешанного гиганта.

— Сейчас мы устроим маленький аукцион, клянусь чертом! — заголосил он хриплым, но резким баритоном. — И пусть уж ее разденут, чтобы мальчуганы не сомневались в достоинствах товара, за который они будут торговаться. Взнос Каломбредена пока перевешивает. Твое слово, Родогон.

Толпа завопила от радости. Корявые и грязные руки потянулись к Анжелике, чтобы стянуть с нее одежду. Египтянин спрятал ее за спину и вытащил свой кинжал. Каломбреден нагнулся, затем бросил в противника круглый белый предмет, который угодил тому в кисть и выбил кинжал. Анжелика отметила мельком, что это был отполированный дождями человеческий череп.

Они схватились за пояса, стараясь повалить друг друга на землю. Вскоре оба упали в грязь и стали бороться на земле.

Это послужило сигналом. Представители пяти или шести враждующих банд Парижа наконец получили возможность выместить друг на друге свою злобу. Шпаги и кинжалы били в темноте почти наугад, ручьями потекла кровь. Те, кто не имел оружия, следовали примеру Каломбредена: они подбирали черепа и крупные кости и бросались ими, будто снежными комьями.

Оказавшись в самом пекле баталии, Анжелика собралась было улизнуть, но чьи-то крепкие руки схватили ее за запястье и приволокли к портику, где в полной невозмутимости, покручивая усы, наблюдал за происходящим Великий Коэср, окруженный такой же невозмутимой свитой. Лишь Ро-ле-Барон подошел к тазу с деньгами и подвинул его поближе к гиганту Бавотану.

Анжелика заметила старика-хромого, потерявшего костыль и скакавшего на одной ноге. Он ухитрился все же подобрать с земли кость и стал лупить ею по голове Деревянного Зада, пока его самого не проткнула чья-то рапира.

Баркароль и жены Великого Коэсра спрятались за королевскую свиту и бросали оттуда в дерущихся черепами, пока они не кончились.

К ужасающим крикам раненых, к яростным воплям сражающихся стали прибавляться возмущенные крики горожан, живущих на прилегающих улицах Фер и Линжери, которые, высунувшись из окон, осыпали бродяг бранью и звали на их разгон патрульных.

Родогон и Каломбреден, подобно яростным псам, продолжали схватку, осыпая друг друга ударами. Силы их были приблизительно

равны, и никто еще не решался предсказывать исход поединка. Вдруг среди тех, кто наблюдал за ними, пронесся крик изумления. Родогон исчез, будто испарился. Это было как знамение злого рока, обещавшего покарать безбожников, осквернивших святое место. Сначала замерли и замолкли те, кто находился ближе всех к зачинщикам побоища, а затем притихли и все дерущиеся. В наступившей тишине раздались слабые призывы цыгана о помощи. Оказалось, что от сильного толчка он откатился в сторону и свалился в случайную пещеру, оказавшуюся в одной из братских могил. Запутавшись в скелетах, он звал людей, чтобы они помогли ему выбраться оттуда.

Осознав комичность ситуации, самые близкие наблюдатели этой сцены разразились громким хохотом, заражая им остальных. Это был странный хохот, заставивший поежиться от страха обывателей, которые еще не покинули своих наблюдательных пунктов; хохот, сквозь который пробивались вопли умирающих. Женщины крестились.

Вдруг раздались громкие удары колокола, означавшие приход нового дня и служившие сигналом нищему сброду, по которому он должен был покинуть кладбище. Этот звон точно разбудил все окрестные колокола.

Нищие покидали кладбище. Подобно тому, как совы или демоны избегают освещенных мест, эти люди с приближением рассвета старались укрыться в какой-нибудь щели.

Каломбрден торжественно улыбнулся.

— Она твоя, — изрек король, перед тем как велеть свите трогаться и обратный путь.

В отчаянном порыве Анжелика бросилась бежать к решетке. Ее нагнали и схватили за воротник. От удушья она потеряла сознание.

## Глава 2

— Не бойся, у меня ты в безопасности, — сказал Каломбретен. Он сидел перед ней на грубом табурете, упершись руками в колени. На полу стоял серебряный подсвечник, в котором горела свеча.

Анжелика приподнялась и увидела, что лежит на ложе, представляющем из себя нагромождение пальто самых разных фасонов и рас цветов. Среди них были роскошные, украшенные золотыми пуговицами наподобие тех, в которые облачаются молодые сеньоры, собираясь распевать серенады под окнами своих возлюбленных, и совсем легкие накидки, и плотные, добротные пальто, предназначенные для длительных путешествий.

— Не бойся, Анжелика, — повторил бандит.

Она посмотрела на него мутным взглядом, ей казалось, что разум покинул ее. Потому что этот человек не только знал ее имя, но и говорил: на родном ей редком пуатинском наречии!

Он поднес руку к лицу и решительным движением оторвал от щеки прикрепленное подобие шрама. Не успела она опомниться, как были удалены борода, повязка, взлохмаченный парик.

Теперь перед Анжеликой стоял молодой человек с суровыми чертами лица, коротко стриженные волосы его обрамляли квадратом высокий лоб. Его грустные, глубоко сидящие глаза смотрели тревожно и настойчиво.

Она поднесла руку к своему горлу, она задыхалась. Ей хотелось закричать, но она была слишком слаба. Наконец с большим трудом ее губы сумели произнести:

— Никола!

Губы молодого человека растянулись в улыбке.

— Да, это я. Теперь ты меня узнала?

Анжелика бросила взгляд на упавшие рядом с ним парик и черную бороду.

— Так, значит, это тебя все зовут Каломбретеном?

— Да, это я — Каломбретен. Знаменитый Каломбретен с Нового Моста. Как видишь, я не терял времени даром и кое-чем сделался с тех пор, как мы не виделись, не так ли?

Она молча продолжала смотреть на него, все еще лежа на странном ложе, не в силах пошевелиться. Вся эта комната с неожиданно появившимся дружкой из детства показалась ей скорее сказочным видением, чем реально существующим домом.

— Да, в лесах мне жилось неплохо, но только до того момента, пока не ударили холода, — начал говорить он. — Мы выдавали себя за торговцев солью... А потом я перешел в банду, скрывающуюся в лесах Меркера. Там были бывшие наемники и беглые каторжники, а с ними несколько крестьян с севера. Мы обчищали путешественников и торговцев на дороге из Парижа в Нант. Но в лесу хорошо, пока стоит теплая погода. Как только приходит зима, надо, хочешь или не хочешь, перебираться в город. Сначала я попал в Тур, потом в Шатодон. А потом и в Париж. Почти все из нашей банды были схвачены в городе, им опаливали лица и отправляли обратно в деревню или на каторгу. У нас не было опыта для жизни в городе. Но я нашел убежище, где меня не могли сразу поймать: я прятался в подвалах и сточных подземных каналах, по которым можно безопасно переходить с улицы на улицу. А с наступлением сильных морозов я стал забираться в лодки, которые вмерзают в лед вдоль всей Сены. По этим лодкам, прыгая с одной на другую, можно проникнуть в город, минуя сторожей.

Она спросила с укором:

— Как ты мог пасть так низко, Николя?

Он вздрогнул и подскочил к ней, пылая от ярости:

— А ты сама? Разве ты не пала так же низко, как и я?

Анжелика взглянула на свое порванное платье.

— Не сравнивай меня с собой, — сказала она.

Зубы Николя скрежетали, он был похож на разъяренного оцетинившегося пса.

— Ну почему же! По-моему, сейчас мы представляем из себя почти одно и то же. Ты слышишь... девка!

Анжелика слабо улыбнулась в ответ... Он был совсем такой же, как и прежде. Она вспомнила его стоящим над ней на солнечной поляне, в своей широченной ладони он держат горсть лесной земляники. А на лице его было то же, что и теперь, жесткое и мстительное выражение. Она вспоминала все отчетливее и отчетливее. Он так же наклонился над ней, неловкий, неотесанный, но такой же вспыльчивый и недружелюбный, воспламененный весенним лесным

воздухом. Он был взволнован, напоминая испуганного бычка, и даже спрятал за спину руки, чтобы случайно не причинить ей боли. «Я хочу сказать тебе... В моей жизни никого нет, кроме тебя... Но мне кажется, что ты играешь мной и никогда не будешь по-настоящему рядом...» Не так уж плохо он выражался для деревенского парня. И вот он стал тем, кем ему предназначалось быть. Еще тогда у него были наклонности разбойника: время от времени он оставлял своих коров, которых пас, и отправлялся приглядывать отбившуюся скотину у других пастушков. А Анжелика была его сообщницей! Она очнулась от воспоминаний и посмотрела на него долгим холодным взглядом.

— Я запрещаю тебе оскорблять меня. Я тебе не девка. А теперь дай мне есть, я голодна.

Она не ела, можно сказать, несколько суток, и сейчас ее просто мутило от голода.

Николя-Каломбрден казался обиженным и разозленным ее упрямым нежеланием поставить себя наравне с ним.

— Подожди минуту, — буркнул он. — Сейчас я распоряжусь. Подняв с пола металлический стержень, он ударил им по медному подносу, висевшему на стене. Тотчас послышался стук деревянных башмаков, и в дверном проеме показался человек с перепуганным лицом. Николя указал на него Анжелике:

— Его зовут Жактанс, это один из лучших моих воров. Но он грубо поработал несколько дней назад, и теперь я должен прятать его здесь. Пусть горожане подзабудут его длинный нос. Потом мы снова наденем на него парик и пошлем в город. Эй, ты, вор! Что там осталось у тебя на кухне?

Жактанс обиженно поднес руку к лицу и вытер рукавом свой нос, который действительно был не из коротких.

— Бараньи ножки с капустой, капитан.

— Сам ты баран! — отозвался Николя. — Разве это кушанье подходит для такой дамы?

— Не знаю, капитан...

— Подходит, подходит! — воскликнула Анжелика, дрожа от нетерпения. От запаха пищи, идущего из коридора, она снова почувствовала, что теряет сознание. Как ни странно, самые сильные приступы голода нападали на нее в самые драматические моменты жизни.

Через некоторое время Жактанс вернулся с деревянной миской, полной горячей капусты с мясом. Под ногами у него вился карлик Баркароль. Увидев Анжелику, он изысканно поклонился. При свете свечи его крупная голова казалась не такой уродливой, а в чертах лица был даже намек на одухотворенность и красоту. Это было единственное существо за последнее время, которое казалось Анжелике более-менее симпатичным.

— По-моему, ты не зря потратил время на поиски этой дамы, Каломбрден, — обратился он к Николя. — Но разделяет ли мое мнение маркиза де Поляк?

— Пошел ты!.. — огрызнулся главарь. — Ты еще будешь вмешиваться в мою жизнь. По какому праву?

— По праву верного слуги, который заслужил награду за труды последней ночи. Ты уже забыл, что я первый разыскал эту красивую девочку, тогда как ты столько времени не мог выследить ее и искал по всему Парижу?

— Первый разыскал и тут же отвел ее к Невинным. Еще немного, и она попала бы в лапы Коэсра или ублюдка Родогона.

— Но все-таки ты получил ее, — невозмутимо ответил Баркароль, которому приходилось задирать кверху подбородок, чтобы смотреть на высокого Николя. — А как же иначе? Какая это маркиза, если она не завоевана в смертельной схватке! Не забывай также, что ты еще не расплатился с ней. Не так ли, моя прелесть?

Анжелика слушала их беседу вполуха, она была поглощена едой.

— Что ты хотел сказать, говоря, что я еще не расплатился с ней? — грубо спросил Николя. — Где твоя память? А святоша, которого ей хочется отправить на тот свет? Монах с косыми глазами, про которого я говорил?

Главарь повернулся к Анжелике.

— Ты все еще хочешь убить его?

Она успела съесть очень много и в изнеможении растянулась на ложе из набросанных пальто.

Закрывая глаза, она устало произнесла:

— Да, его надо убить.

— Да это совсем по нашим законам, — оживился карлик. — Кровь должна пролиться в честь свадьбы нашего предводителя! Кровь монаха! Это восхитительно! Ха-ха!



Он принялся было пританцовывать перед ложем, но, заметив угрожающий жест предводителя, проворно выскочил на лестницу. Каломбретен ногой захлопнул за ним дверь.

Он долго стоял над своей новоявленной маркизой, не сводя с нее глаз. Наконец она подняла веки и посмотрела на него.

— Это правда, что ты давно меня ищешь по всему Парижу? — спросила она.

— Он преувеличил. Я сразу попал на твой след. Можешь мне поверить: с таким количеством людей, как у меня, я сейчас же узнаю о всех прибывших в город. Я даже знаю лучше, чем они сами, опишь их драгоценностей, а также то, как к кому пробраться ночью, когда часы бьют двенадцать раз на площади Грев... Один раз я даже прошел перед самым твоим носом!

— Герой! — пробормотала она. — Почему ты улыбаешься?

— Потому что предчувствую, что скоро ты станешь моей.

Она холодно взглянула на него, потом пожала плечами и зевнула. Она не боялась Николая так, как боялась Каломбретена. Она всегда чувствовала свою власть над ним.

Ее одолевал сон. С трудом открывая веки, она спросила:

— Зачем ты уехал из Монтелупа?

— Снова ты об этом! — вскричал Николай и скрестил руки на груди. — Почему? Думаешь, мне очень хотелось, чтобы старый Гийом проткнул меня своим копьем после того, что произошло с тобой. Ведь я убежал из Монтелупа в вечер твоей свадьбы... Ты это, конечно, забыла?

Она вспомнила ту буйную ночь, запах соломы и вина. Тяжесть мускулистого тела Николая, собравшегося овладеть ею.

— Да что там! — сокрушенно продолжал он. — Держу пари, что я никогда не занимал важного места в твоей жизни. Сознайся, ведь ты так ни разу и не вспомнила меня с момента расставания?

— Разумеется, — равнодушно подтвердила она. — Мне было чем заняться, вместо того чтобы вспоминать какого-то наемного работника с фермы!

— Шлюха! — крикнул он, выходя из себя. — Следи за тем, что ты мелешь! Сегодня этот работник с фермы — твой хозяин. Ты принадлежишь мне, поняла?

Он еще несколько раз крикнул что-то, но Анжелика уже провалилась в глубокий сон. Этот громкий голос, несмотря на грубость, обещал ей поддержку и защиту.

Николя замолчал.

— Ну вот, — сказал он тихо. — Так было и раньше: ты засыпала на траве в самый разгар наших ссор. И все-таки ты принадлежишь мне.

Он поднял одно из широких пальто и набросил на спящую. Потом наклонился над ней и нежно дотронулся ладонью до ее лба.

\*\*\*

Комната, в которой оказалась Анжелика, представляла из себя странное место. Стены ее были выложены из огромных глыб, точно башня древнего замка. Комната была круглой, ее слабо освещало небольшое зарешеченное окошко.

Анжелика потянулась. Она плохо выспалась. Растерянно глядя перед собой, она с трудом поднялась.

За поясом у Анжелики, под платьем, находился какой-то предмет, который мешал ей нагибаться. Она нащупала медную рукоятку и вытащила длинный обоюдоострый кинжал. Где она уже видела его? Это было той кошмарной ночью на кладбище, покрытом человеческими скелетами. Кинжал держал в смуглой руке человек по имени Родогон-Египтянин. Потом он выронил свое оружие, и оно упало к ногам Анжелики. Она спрятала его под одежду... Так мало-помалу ее память восстановила события последних суток.

Она подбежала к окну. Между прутьев решетки виднелась Сена, по ней медленно плыли лодки и суда. На другом берегу сквозь опускающиеся сумерки виднелся Лувр и Тюильри.

Обезумев, она бросилась к двери и обнаружила, что та заперта на засов. Анжелика стала стучать в нее и царапать дерево ногтями, при этом она кричала во весь голос. Почти сразу загремел засов, и дверь открыл знакомый ей человек с толстым носом.

— Какого черта ты долбишь эту несчастную дверь, маркиза? — спросил Жактанс.

— Почему она была заперта?

— Откуда я знаю?

— Где Николя?

— Откуда я знаю?

Он рассеянно смотрел на нее с минуту, потом сказал:

— Иди познакомься с нашими, это тебя развлечет.

Она пошла за ним по каменной винтовой лестнице, сырой и темной. По мере того как они спускались все ниже и ниже, до слуха Анжелики все отчетливее долетала грязная брань, взрывы смеха, визги грудных детей.

Перед ней открылся просторный, но низкий сводчатый зал, заполненный нищим сбродом. Посреди зала стоял стол, на котором — это сразу бросалось в глаза — точно кусок мяса на блюде, восседал Деревянный Зад в своей плошке. В глубине горел камин, а на огне висел вместительный котелок, возле которого хозяйничал другой ее знакомый, Легкая Нога. Рядом с ним толстая пожилая женщина ощипывала утку. Другая, более молодая, пыталась запеленать в лохмотья крохотного ребенка, зажатого между коленями.

Весь пол зала был устлан соломой, повсюду на ней лежали старики, старухи, укрытые тряпьем, грязные, неухоженные дети.

Несколько мужчин, сидя вокруг бочки, заменявшей им стол, играли в карты. Некоторые пили вино и курили трубки.

— Иди смелее, моя девочка, — сказал Деревянный Зад и сделал рукой величественный жест. — Ты избраница нашего предводителя Каломбредена.

Один из мужчин, курящих трубку, толкнул своего соседа:

— Смотри-ка, наш храбрый Каломбреден сделал неплохой выбор. Можно подумать, что ты помогал ему.

Тот, к кому он обратился, отложил трубку и подошел к Анжелике. Он взял ее рукой за подбородок — наполовину ласково, наполовину развязно — и сказал:

— Я — Красавчик.

— Это на чей вкус! — отрезала она, отмахнувшись от его руки. Дружный смех заглушил все другие звуки в подвале. Ее ответ нашли весьма остроумным.

— При чем тут вкус, — усмехаясь, произнес Деревянный Зад. — Это его имя. Здесь его все называют Красавчиком. Эй, Жактанс, веди же свою госпожу к нам, мы дадим ей вина. Она мне нравится.

— За твое здоровье, маркиза! — сказал Деревянный Зад. — Как твое имя, ты еще не говорила.

— Анжелика.

— Вот это имя, смешнее не придумаешь! Ха-ха! Анжелика! Ангельское создание! Чего-чего, а ангелов среди нас пока не водилось!.. А раз уж ты стала нашей маркизой, то будь маркизой ангелов. За здоровье маркизы ангелов!..

Они продолжали веселиться, смеясь, топая ногами. Их безумные лица снова повергли Анжелику в растерянность.

— За твоё здоровье, маркиза, — повторил Жанин.

Но Анжелика не пила, продолжая стоять среди беснующихся нищих, обводя испуганным взглядом их небритые рожи.

— Пей! — зарычал Деревянный Зад.

Она пристально посмотрела на него, но не стала пить. Мало-помалу установилось напряжённое молчание. Жанин сокрушенно вздохнул и растерянно обратился к товарищам:

— Она не хочет пить! Что с ней?

— Пусть у неё спросит Красавчик, он умеет разговаривать с женщинами, — предложил кто-то.

Красавчик пожал плечами.

— Сборище подонков, — презрительно сказал он. — Как вы не видите, что перед вами стоит утонченная дама, и вы должны благодарить судьбу за то, что она удостоила вас своим присутствием.

Он подошел к Анжелике и осторожно, точно перед ним был ребенок, дотронулся до ее плеча.

— Не бойся их. Знаешь, они совсем не злые. Это всего лишь напускные гримасы, которыми нам приходится пугать буржуа. Ты думаешь, что они хотят тебе зла, но они уже почти полюбили тебя. Ты наша маркиза. Маркиза ангелов! По-моему, это совсем неплохое имя. Оно тебе идет, идет твоим прекрасным глазам. Иди же к нам, наше сокровище, выпей с нами. Это вино лучшего сорта, его доставили из гавани Грев, но оно немножко не дошло по назначению. У нас такие вещи не редкость. Как-никак ты находишься во Дворе чудес.

Он поднес рюмку к ее губам. Ее успокоил его мужественный и одновременно мягкий голос, она взяла рюмку и выпила вино, которое, действительно, оказалось хорошим. По телу разлилось приятное тепло. Она выпила вторую рюмку и села на освободившийся табурет.

К вечеру под сводами подвала нашли приют многие мужчины и женщины. У многих женщин были с собой дети, даже грудные младенцы, завернутые в грязные тряпки, крики которых нескончаемо

разносились по подвалу. Одного ребенка, на лице которого красовался крупный нарыв, усадили к камину. Его мать, к изумлению Анжелики, счистила ужасную язву с лица и спокойно дала ребенку грудь.

Деревянный Зад улыбнулся и сказал хриплым голосом:

— Как видишь, у нас быстро поправляются. И не надо ходить на представления бродячих артистов. Увидев такого ребенка, какая-нибудь милосердная дама бросит монету — другую. А трудов всего-то ничего: размять хлебный мякиш и смешать его с медом, чтобы побольше мух налетело... А вот и Крысобойщик! Ты пойдешь с ним.

Анжелика удивленно посмотрела на Жанина.

— Не удивляйся, — успокоил ее тот. — Каломбретен знает. Вошедший мужчина, которого звали Крысобойщиком, был испанец.

Он был до того худ, что его острые локти и коленки протерли дыры в одежде. Крысобойщик был когда-то военным, но времена сражений прошли, и он нашел себе занятие хоть чем-то напоминающее военные действия. Он до сих пор носил широкополую шляпу с перьями, длинные черные усы и исцарапанную шпагу. Сейчас на этой шпаге были насажены, как на вертеле, пять или шесть крупных крыс.

Днем испанец продавал на улице порошок, убивающий грызунов, а по ночам отдавал себя в распоряжение Каломбретена.

С большим достоинством Крысобойщик принял стакан вина и выпил его, закусив репой, которую достал из кармана. Тем временем к нему подошли женщины, чтобы купить у него крыс и съесть их. После торга охотник спрятал медяки в карман, взмахнул несколько раз шпагой и спрятал ее в ножны.

— Я готов, мы можем отправляться, — торжественно произнес он.

— Иди с ним, — повторил Деревянный Зад.

Анжелика направилась к выходу. К ним присоединились еще несколько мужчин. Машинально она сунула руку за пазуху, но не обнаружила на месте кинжала.

В гневе она обернулась и, забыв всякую осторожность, крикнула:

— Кто стащил у меня кинжал?

— Вот он, маркиза, — отозвался спокойный голос Жактанса.

Он с невинным видом протянул ей нож. Анжелика была поражена. Как ему удалось вытащить незаметно такой крупный предмет?

Своды подвала сотряс хохот банды, довольной шуткой, которую сыграл один из их товарищей со строптивой женщиной.

— Хороший урок, крошка, — объявил Жанин. — Теперь ты знакома с руками Жактанса. Его руки — как у волшебника. Лучше всего это знают кухарки, которым приходится часто посещать рынок.

— Неплохой клинок, — сказал один из «гвардейцев», беря из рук Анжелики кинжал.

Он несколько мгновений рассматривал его, затем с силой воткнул в табурет.

— Это кинжал Родогона-Египтянина!

Собравшиеся посмотрели на свою маркизу одновременно с уважением и спокойствием. Они не знали, при каких обстоятельствах попало к ней оружие их самого заклятого врага. Как бы то ни было женщину уже окружал ореол таинственности и мужественности.

Когда они вышли из своего убежища и отошли немного, Анжелика обернулась и, хотя ночь была очень темной, без труда узнала силуэт башни Несль. Она сразу поняла, что комната, куда поместил ее Николя, находилась на самом верху.

Такой крепости не было ни у одной из конкурирующих банд. Это был почти пригород Парижа, и никому не приходило в голову выселять этих сомнительных людей, связываться с которыми было небезопасно. Многим это соседство было не по душе, так как обитателям квартала путь через горбатый мост мимо башни Несль превратился в непроходимый барьер, где в любой миг человека могли подстеречь и отобрать кошелек.

Иногда через Сену доносилась игра скрипок из Тюильри. Их мелодичные звуки кощунственно заглушались воплями и крикливыми песнями, сопровождающими оргии тюнов.

\*\*\*

Лодочки с небольшой пристани, находящейся неподалеку, приглушили голоса, заметив приближение молчаливых силуэтов.

Место было совсем глухое. Лодочникам давно не давала житья эта новоявленная банда из башни Несль.

— Приветствую вас, господа! — сказал Крысобойщик, забираясь в одну из лодок. — Не будете так добры отвезти нас до пристани Грев?

— А деньги у вас есть?

— Денег нет, но зато есть вот что, — сказал испанец и направил на спрашивающего острие шпаги.

Человек пожал плечами и согласно кивнул.

Лодка прошла под мостами Неф и Нотр-Дам и достигла пристани Грев.

— Мы на месте, приятель, — сказал Крысобойщик хозяину. — Мы не только благодарим тебя, но и разрешаем возвращаться, не дожидаясь нас. Дай-ка нам только свою лампу. Тебе вернут ее потом.

Пристань Грев представляла собой мощное сооружение из массивного камня. Огромные своды были отличным укрытием для злоумышленников. Группа прибывших безмолвно растворилась в темноте.

Через три или четыре темных перехода они достигли мясной лавки на улице Вьей-Латерн. Они пошли вдоль улицы, она сужалась, постепенно превращаясь в узкий переулок.

Внезапно совсем рядом раздался голос Николя.

— Это вы, ребята? Девчонка с вами?

— Цела и невредима.

В свете лампы она различила высокую и грозную фигуру Каломбредена, настолько неприятной внешности, что отвернулась. Она знала, что это Николя, но не могла избавиться от страха.

— Хватит вонять здесь своей коптилкой. Побереги масло для дела. Мне кажется, что интересующий нас господин скоро появится.

Николя крепко сжал локоть Анжелики:

— Ничего не бойся, детка, не пугайся меня. Ведь ты прекрасно знаешь, что я твой друг Николя.

Затем он отвел ее в темный безопасный угол и стал расставлять своих людей для засады:

— Ты, Пивуан, встань с той стороны улицы за тумбой. Ты, Мартын, останешься со мной. Ты, Гобер, иди вон туда. Остальные отправляйтесь в засаду на перекресток. Баркароль, ты наготове?

Послышался знакомый голос, идущий откуда-то сверху:

— Как всегда, Кало!

Карлик, оказывается, сидел на вывеске одной из лавок. Из своего угла, куда вскоре пришел и Ни коля, Анжелика могла видеть почти всю улицу.

— Сейчас они получают! — процедил сквозь зубы Николая и прибавил более ровным голосом: — Сейчас я заплачу свой долг тебе, Анжелика. Заодно ты увидишь, как мы работаем. Имей в виду, что это у нас принято: человек платит за понравившуюся девчонку, как будто покупает драгоценность.

— Это единственное, что можно купить у нас, — усмехнулся один из бандитов, что находился поблизости.

Каломбретен сделал ему знак замолчать. Послышались чьи-то шаги, бандиты приготовились к атаке.

Какой-то человек спешил вдоль улицы, прыгая из стороны в сторону, чтобы не попасть в лужи помоев и крови, разлитые повсюду.

— Это не он, — прошептал Каломбретен.

Бандиты стали прятать оружие. Услышав скрежетание металла, прохожий остановился. Заметив темные силуэты, он повернулся и бросился бежать, вопя на всю улицу.

— Ублюдок! — пробасил с другой стороны улицы Пивуан. — Если его грабишь, он молчит, если его пропускаешь с миром, он начинает орать, как осел!.. Непонятный народ!

С другой стороны улицы послышался легкий свист.

— Смотри, кто там появился, — прошептал Николая, показывая Анжелике на показавшийся силуэт.

К тому времени она так продрогла, что перестала интересоваться происходящим. От холода она даже не почувствовала прикосновения его руки.

Она знала, что происходит, зачем ее сюда привели. Она осознала также, что сбывается ее заветное желание.

Она видела, как в желтом свете фонаря прощались друг с другом два монаха. В одном из них она без всякого труда узнала Конана Беше. Другой, очень полный, что-то говорил на латыни, размахивая руками. Должно быть, они были немного пьяны, так как брели по улице, не обращая внимания на грязь.

Анжелика расслышала ненавистный голос монаха. Он тоже говорил на латыни, возражая чем-то компаньону.

Но вот они достигли перекрестка, и Беше воскликнул по-французски, прощаясь:

— Закончим на сегодня нашу дискуссию, брат Амбуаз. Все же я скажу вам напоследок, что ваша идея крестить детей в мясном бульоне



представляется мне еретичкой. Вода, знаете ли, — это символ чистоты, а окунать юное существо в то, что осталось от грязных животных... Побойтесь бога, брат Амбуаз!

Он с трудом высвободил свою руку из лап толстяка и пошел своей дорогой. Толстый брат Амбуаз бормотал пьяным голосом ему вдогонку:

— Вы меня расстроили, брат Беше... Увы! Но я еще докажу вам, что я прав, мне удастся вас убедить...

Монах Беше прошел мимо Анжелики и Николая, не заметив их. Следом за ним брел монах Амбуаз.

— Теперь ваша очередь, дети мои! — неожиданно изрек он. Идущий впереди Беше резко обернулся:

— Вы что-то сказали, брат Амбуаз?

Но он обнаружил, что находится совсем один на темной улице. Его испугал собственный голос.

— Брат Амбуаз! — позвал он. — Брат Амбуаз, где вы?

Его бледное восковое лицо исказилось ужасом, он тяжело дышал, боясь сделать хоть один шаг.

— У! У! У! — поразил его чей-то протяжный вой.

Это был крик Баркароля, который первым начал атаку на затравленного монаха. Он кричал по-совиному, раскачиваясь на железной вывеске, которая лязгала и скрежетала. Потом он, подобно огромной жабе, пружинисто спрыгнул под ноги монаха.

Беше покачнулся и отступил к стене.

— У! У! У! — повторил карлик свой клич.

Прыгая по мостовой, он принялся кривляться, гримасничать и улюлюкать, производя ужасное впечатление на бедного монаха.

Из тени подъезда, зловеще посмеиваясь, появилась другая ужасающая фигура. Она казалась огромной, оттого что человек этот раскинул руки, растянул свой плащ. Лицо его представляло собой маску смерти. Широченный рот издавал нечеловеческие звуки, а лоб окружала окровавленная повязка.

— А-а-а!.. Демоны! — прокричал монах из последних сил. Потеряв силы, его длинное худое тело медленно опустилось. Он стоял на коленях на грязной мостовой. Глаза его вылезли из орбит, лицо было белым как снег, рот исказил страшный оскал, обнаживший два ряда судорожно сжатых зубов.

Медленно, словно во сне, он поднял кверху руки со сцепленными пальцами. Язык уже не слушался его, он с последним усилием произнес:

— Пейрак!

Это имя, произнесенное презренными устами заклятого врага бывшего мужа Анжелики, вывело ее из состояния оцепенения. Оно пронзило ее сердце, точно удар кинжала. Безумная ярость, дремавшая до сих пор, вскипела в ней. Не помня себя, как безумная, она закричала:

— Убейте его! Убейте его!

И, не понимая, что делает, судорожно вцепилась в Каломбредена и впиалась зубами в плечо. Он оттолкнул ее и вынул из ножен широкий нож, который был его обычным оружием.

Но внезапно на улице установилась непонятная тишина. Ее нарушил голос карлика:

— Готов! Как быстро!

Тело монаха лежало вытянутым вдоль стены. Бандиты вышли из укрытий и столпились возле него.

Главарь прошел вперед, наклонился над трупом и приподнял неподвижную голову. Челюсть монаха отвалилась и замерла в последнем предсмертном крике. Открытые глаза начинали стекленеть.

— Сдох, и вправду, — подтвердил он.

— Но мы не трогали его! — заверил Баркароль. — Правда, ребят, -», мы его не трогали? Мы только орали и корчили рожи, чтобы нагнать на беднягу страха.

— Вам удалось это, — сказал Каломбреден. — Мне кажется, он умер от страха.

Открылось окно на втором этаже. Испуганный голос нерешительно спросил:

— Что там у вас случилось? Кто кричал о демонах?

— Уходим, — крикнул вожак. — Нам нечего здесь больше делать.

На другое утро горожане нашли на мостовой безжизненное тело монаха Беше. На нем не обнаружено ни одного следа, который говорил бы о насильственной смерти. Тогда люди вспомнили слова, которые адресовал ему сжигаемый на костре колдун де Пейрак: «Мы встретимся с тобой через месяц!»

Кому-то пришла в голову мысль заглянуть в календарь, обнаружили, что на самом деле казнь была месяц назад. Люди с улицы Серизе, где монаха настигла смерть, рассказывали, крестясь, что слышали ночью под своими окнами странные крики, прервавшие их сон.

Священнику и могильщику пришлось платить двойную цену за то, чтобы они согласились исполнять свои обязанности.

А банда Николя-Каломбредена проводила остаток ночи в ночных питейных заведениях. Среди них видели женщину с бледным лицом и растрепанными светлыми волосами.

Анжелика была пьяна до того, что едва стояла на ногах. В последнем кабаке она не смогла выйти из-за стола и бессильно уронила голову на локти. Мысли ее путались, она бормотала бессвязные слова, из которых можно было разобрать только одно:

— Проклятье!.. Проклятье!..

Николя уверенным движением приподнял ее голову и обеспокоенно спросил:

— Ты заболела? Но ведь мы еще почти ничего не выпили. Мы должны достойно отпраздновать нашу свадьбу.

Анжелику не ободрили его слова. Голова ее опустилась на стол, веки сомкнулись. Тогда он поднял ее на руки и вышел.

Ночь была холодной, но, прижавшись к груди Николя, молодая женщина чувствовала себя уютно, и ей было тепло.

Поэт Вонючка, живший на мосту Неф и спавший между копыт бронзовой лошади, видел, как по мосту брел огромного роста бандит, который легко, словно куклу, нес на руках девушку, светлые волосы которой развевались по ветру.

В сводчатом зале, в подвале башни Несль, Каломбредена ждали остатки шайки, собравшиеся вокруг камина. От них отделилась одна женщина и с негодованием пошла навстречу.

— Скотина! Ты взял себе другую! Мне все рассказали... Стоило мне только исчезнуть на короткий срок... Но я тебя исполосую до крови, как свинью, а заодно и ее!

Сохраняя спокойствие, Николя осторожно опустил Анжелику на землю и прислонился к стене.

Потом он подошел к женщине и с такой силой залепил ей пощечину, что она упала.

— Теперь слушайте все, — сурово произнес он. — Анжелика принадлежит мне. Тот, кто осмелится тронуть ее или будет домогаться, — тот будет иметь дело со мной. А что касается маркизы де Поляк...

Он подтянул ее к себе за кофту, потом взял за руку и, раскрутив, бросил играющим в карты мужчинам.

— ...можете делать с ней, что вам захочется!

После этого величественный Николя Мерло, родом из Пуату, в прошлом пастух, вернулся к своей новой маркизе, которую любил всю жизнь и которую судьба распорядилась вернуть ему.

## Глава 3

Он поднял ее на руки и стал подниматься по сумрачной лестнице башни. Его медлительность придавала восхождению оттенок торжественности.

Поднявшись наконец до последней ступеньки, Николая ударом ноги открыл дверь в комнату-склад. Он дошел до ложа из пальто, опустил Анжелику и воскликнул:

— Теперь оно послужит нам обоим!

Его торжествующий смех, а также дикий блеск в глазах вывели ее из состояния безразличия, в котором она пребывала с момента посещения последней таверны. Открыв глаза, она неожиданно села на ложе, потом встала и побежала к окошку. Она схватилась руками за решетку, плохо понимая в чем облегчение от этого движения.

— Ну-ка ответь мне, — с негодованием проговорила она, — что ты имел в виду, сказав: послужит нам обоим?

— Я... я хотел... но... — пробормотал Николая, совсем сбитый с толку ее неожиданным протестом.

На лице ее появилась презрительная ухмылка.

— Ты вообразил себе, что тебе предоставился случай стать моим любовником, Николая Мерло?

Он сделал к ней два осторожных шага, его лоб пересекли две строгие морщины.

— Я не вообразил себе, — ответил он. — Я в этом уверен.

— Ну что ж, посмотрим.

— Не так долго придется ждать.

Он пронзил ее настойчивым взглядом. Через окошко проникал красноватый свет от костров, зажженных лодочниками на набережной. Он придавал глазам Николая дьявольский блеск.

— Послушай, — сказал он голосом низким и угрожающим. — Я еще раз попытаюсь объяснить тебе все словами — заметь, что делаю это только потому, что разговариваю с тобой, а не с кем-то другим. Пойми, сейчас ты не имеешь права отказать мне, иначе ты нарушишь законы. Я дрался за тебя, я убил человека, которого ты указала. Мы

повенчаны самим Великим Коэсром. По нашим законам мы повенчаны, все правила соблюдены. Теперь ты моя.

— А что если я не хочу подчиняться вашим примитивным и смешным законам?

— В таком случае ты должна будешь умереть, — сказал он с недобрый блеском в глазах. — И даже не насильственной смертью. От голода или от чего-нибудь еще. Но это случится, посмотри правде в глаза. У тебя нет другого выхода, кроме как подчиниться.

Анжелика опустила глаза. Никола подошел почти вплотную.

— Или ты не поняла еще, что ты больше не гордая графиня, что на площади Грев сожгли не только твоего колдуна-мужа — там сгорело то, что прежде отделяло тебя от меня. Слуга, госпожа — этого больше нет! Я — знаменитый Каломбрден, а ты... ты больше никто. Твои отказались от тебя. Те, которые напротив...

Он взял ее за подбородок и повернул лицом к окошку, где за Сеной отчетливо виднелись галереи Лувра, которые были освещены ярким светом.

— Для них ты больше не существуешь. Вот почему ты попала к бродягам. Это удел тех, кого изгоняют из своей среды. Но здесь, на этом грязном дне, ты всегда найдешь себе пропитание. Здесь тебя защитят, помогут, за тебя отомстят. И не предадут.

Николя замолчал, немного задыхаясь. Она чувствовала на щеке его горячее дыхание. Он поднял свои огромные ручищи, чтобы обнять ее, но все не мог решиться.

Теперь он уговаривал ее почти ласково, переходя на их родное пуатинское наречие:

— Славная моя, не будь такой упрямой. Зачем ты заставляешь меня мучиться? Разве я прошу у тебя чего-то невыполнимого. Мы здесь вдвоем... одни... как и раньше. Чем еще заниматься после такой пирушки, как сегодня, если не любить друг друга?

Анжелика усмехнулась и пожала плечами.

— Тогда пойдем!.. Нам хорошо будет вместе. Ведь мы, наверно, созданы друг для друга. С этим ничего не поделаешь. Ведь я знал, что мы будем когда-нибудь вместе. Я верил в это. И вот сама судьба подарила мне тебя.

— Нет, — ответила она, мотнув головой так, что ее волосы рассыпались по плечам.

Разъяренный, он закричал:

— Она отказывается. Да я мог бы взять тебя силой, если захотел бы! Мне это раз плюнуть!

— Попробуй только, я раздеру тебе все лицо ногтями и выколю глаза.

— Я позову своих людей и заставлю их держать тебя!

— Грязный трус!

Совсем обескураженный, Николая принялся ходить кругами по комнате, извергая страшные проклятия.

Анжелика почти не слушала его. Она отчетливо увидела безнадежность своего положения. «Твои отказались от тебя» Эхом этой фразы, которую бросил ей Николая, прозвучали другие слова: «Я не желаю больше ничего слышать о вас. Вы должны исчезнуть. Никаких титулов, никакого имени, никакого имущества... Ничего!..»

Перед глазами ее возникла сестра Гортензия, разъяренная, как фурия, встретившая ее со свечой в руке у двери и не пустившая за порог: «Убирайся прочь! Убирайся!»

Внезапно решившись, она прошла к ложу и медленно стянула с себя корсаж. Затем скинула юбку. Оставшись в одной рубашке, она колебалась еще несколько мгновений. Холод начинал сковывать ноги, но голова горела. Наскоро она сбросила свое последнее одеяние и легла на краденые пальто.

— Иди же, — спокойно сказала она.

Задыхаясь от волнения, Николая безмолвно стоял на своем месте. Ее покорность была непонятна ему. Недоверчиво он приблизился к ложу, потом начал медленно снимать с себя свою грубую одежду. От волнения он не мог взять себя в руки и унять дрожь. На стене возвышалась его гигантская тень.

— Иди же, — повторила она. — Мне холодно.

Опускаясь на нее, Николая остановился на мгновение и разразился длинным счастливым смехом.

— Ну вот! На этот раз ты согласилась! Как это чудесно! Ты — моя. Ты больше не избегаешь меня! Ты — моя... Моя! Моя!

Немного позже он лежал возле нее и тяжело дышал, как загнанная собака.

— Анжелика, — пробормотал он.

— Какой ты грубый, — ответила она.

Завернувшись в пальто, она тут же уснула. В течение ночи она несколько раз просыпалась: Николая ворочался во сне и бормотал бессвязные слова.

На рассвете ее разбудил чей-то шепот. Это был Красавчик, который пришел за главарем.

— Каломбретен, — звал он, — вставай, нужно уладить одно дельце. На рынке Сен-Жермен люди Родогона пристают к нашим. Уже отобрали выручку у папаши Урлюро.

— Сейчас я подойду. Только не шуми. Не видишь, малышка еще спит, она очень устала.

— Что-то я сомневаюсь в том, что она спит. Что за буря бушевала сегодня в башне Несль! Крысы не могли уснуть. Какая у тебя дурная привычка орать во все горло, когда занимаешься любовью.

— Заткнись! — проворчал Каломбретен.

— Маркиза де Поляк тоже не скучала этой ночью. Я исполнил твое приказание и до рассвета развлекал ее. Думаю, что у нее не было особого желания подниматься к вам сюда со штыком. Сейчас она пьяна так, что будет спать до следующего утра.

Красавчик бесшумно удалился. Анжелика незаметно наблюдала за ним сквозь приоткрытые ресницы.

Николя уже встал и одевался на другом конце комнаты. Затем она различила его согнутую спину: Николая открыл крышку сундука и рылся в нем, отыскивая что-то.

Женщина, более-менее искушенная в общении с мужчиной, без труда угадала бы в положении этой согнутой спины какую-то неловкость, смущение.

Николя захлопнул крышку сундука, зажав какой-то предмет в кулаке, и подошел к ложу. Видно было, что он торопился и не был уверен, стоит ли будить женщину.

Он наклонился над ней и прошептал тихо:

— Анжелика, ты меня слышишь?.. Я должен идти, меня ждут. Я хотел бы сказать тебе... Я хотел бы услышать от тебя... Хорошо ли тебе было со мной в эту ночь?.. Если ты сердисься, что я добился тебя почти силой, то должна понять: я не виноват, это было сильнее меня. Ты такая красивая!..

Он положил свою горячую руку на нежное плечо, высовывающееся из-под одеяла.



— Ответь мне, я знаю, что ты не спишь. Посмотри, что у меня есть для тебя. Это кольцо с настоящим бриллиантом. Оно попало ко мне от торговца с набережной Орфевр. Посмотри на него... Не хочешь? Тогда я положу его здесь, возле тебя... Скажи, что я могу для тебя сделать? Что будет приятно тебе? Хочешь, тебе принесут ветчины, совсем свежей? Ее, наверно, уже доставили в башню из торговых рядов на площади Грев: к ним приставлены двое наших парней, добывающих пищу к завтраку. А хочешь, я принесу тебе нарядное платье? У меня их много... Ответь мне, или я потеряю терпение!

Анжелика отбросила локоны со лба, открыла глаза и проговорила требовательным голосом:

— Мне нужен большой чан с подогретой водой.

— Чан с водой? — повторил Николя удивленно.

Несколько секунд он смотрел на нее с подозрением:

— Что ты задумала?

— Всего лишь умыться. Ты удивлен?

— Вот оно что! — успокоился он. — Тебе принесут все необходимое. Я отдам распоряжение де Поляк. Она будет прислуживать тебе. Если тебе что-нибудь не понравится, потом скажешь мне.

Успокоенный тем, что его красавица наконец чего-то пожелала, а он сумел это исполнить, Николя повернулся к стене, где над холодным очагом висело маленькое зеркальце, и стал прикреплять к лицу свою обычную маскировку.

Анжелика села на ложе, свесив ноги.

— А теперь относительно твоего грима, Николя Мерло, — объявила она торжественным голосом. — Я запрещаю тебе, слышишь, запрещаю тебе появляться передо мной в этом диком виде старого каторжника. В противном случае я буду испытывать к тебе отвращение и не разрешу притрагиваться ко мне.

Выражение детской радости появилось на лице Николя.

— Значит, если я выполню это требование, ты согласишься мне притрагиваться к тебе?

Анжелика вместо ответа укуталась в пальто и спрятала лицо, чтобы скрыть улыбку. Она не могла не улыбнуться, различив в глазах бандита Каломбредена ребячий блеск глаз прежнего, юного Николя.

— Николая, — окликнула Анжелика. — У меня оцарапана нога, смотри. Есть ли у тебя какая-нибудь мазь?

— Я постараюсь найти что-нибудь.

На прощание он поднес двумя руками ее ногу к губам и поцеловал. Когда Николая вышел, Анжелика снова улеглась на ложе, собираясь продолжить сон. Ей было тепло под несколькими пальто, несмотря на то, что в комнате было очень холодно. Бледное раннее солнце слабо освещало комнату. «Вполне неплохо, — думала она. — В этом есть свой плюс: думать лишь о пропитании и крове над головой. По крайней мере, в голову не лезут изматывающие мысли. Как хорошо ни о чем не думать!»

Возле нее поблескивал бриллиант, оставленный Николая. Она улыбнулась. Уж с Николая-то она найдет общий язык!

\*\*\*

...Это была собственная идея Николая-Каломбредена — поселиться всей шайкой в развалинах древних укреплений, построенных в средние века Августейшим Филиппом. В течение четырех веков город растаскивал и поглощал это каменное кольцо. Укрепления правого берега Сены почти полностью исчезли. На левом берегу еще кое-что осталось, но там жили одни крысы и привидения.

Завоевывая эти развалины, Каломбреден организовал неторопливую, но неотступную осаду. Деревянный Зад, главный советник главаря, применял самые надежные методы наступления, отработанные в воровском мире.

Сначала тут и там были разбросаны нищенского вида женщины с замороженными младенцами, к присутствию которых постепенно привыкли окрестные жители.

Затем на сцену вышли побирушки и бродяги. Они бродили повсюду, мозоля глаза обывателям, шпионя за конкурентами.

И наконец появились «солдаты» со своими шпагами и кинжалами. Они заняли постепенно наиболее укромные и часто посещаемые места побережья, узкие переулки, тупики и развалины. Они отыскивали подземные каналы и погреба, где можно было прятаться в случае облавы. Сюда стали переселяться со своими семьями приближенные Каломбредена, пользующиеся его покровительством. Все прежние обитатели подземелья, ремесленники и рабочие, были выселены в считанные дни.

Все-таки наступление не всегда было таким гладким, как хотелось бы Каломбреду. Нашлись такие, кто не хотел сдавать позиций. Это были, как правило, члены других шаек. Случались кровопролитные схватки. На рассвете появляющиеся на улицах горожане набредали на трупы, а мостовая казалась красной от крови. Останки бродяг сразу же скидывали в Сену.

Самой дорогой ценой досталась изюминка позиции — башня Несль, отделенная от набережной остатками колонных сооружений. Но это была настоящая крепость, настоящий замок.

Вот тогда-то другие главари преступного мира обнаружили, что в их среде появился новый «брат», который захватил весь Университетский квартал, простирающийся от старых ворот Сен-Жермена, Сен-Мишеля и Сен-Виктора до Сены.

Студентам, любившим приходить на развалины подраться, детям буржуа, любившим по воскресеньям ловить пескарей в реке, молодым парам, укрывающимся в зарослях от посторонних глаз, все чаще и чаще приходилось оставаться без кошельков или одежды. Группы нищих нападали на прохожих и всадников, останавливали кареты в узких местах улиц или на пустынной набережной.

Крестьяне или купцы, въезжавшие в Париж с этой стороны, должны были откупаться от бандитов, ибо в противном случае их обещали разыскать в городе и обчистить по-настоящему.

\*\*\*

Это был в некотором роде вызов, брошенный королевству Тюнов. Но мудрый и расчетливый король его, Великий Коэср, рассудил, что спокойнее будет принять в братство нового предводителя. Каломбрעד безропотно заплатил положенное и стал регулярно пополнять королевскую казну. Конфликт был исчерпан. Каломбреду простили даже последующий захват моста Неф — самую блестящую победу.

Каломбрעד был воинственным и одновременно расчетливым захватчиком, кроме того ему помогал опытный Деревянный Зад. День ото дня они делали сильнее. Укрепившись в башне Несль, они подготовили захват моста, одной из самых выгодных для разбоя точек Парижа, где разгуливали с утра до вечера толпы богатых ротозеев, срезать кошельки у которых было так легко, что такому виртуозу, как Жактанс, опротивело охотиться там.

Битва за мост Неф была жестокой, она длилась несколько месяцев. Каломбретен победил потому, что завоевал прежде подступы к мосту. Повсюду он разбросал мнимых калек, которые валялись на каменной мостовой, прося подаяния, а на самом деле были отличными «солдатами», готовыми при случае наброситься и разгромить непрощенных гостей.

В последующие дни, исследуя в сопровождении Баркароля или Легкой Ноги подземные переходы, Анжелика оценила, какую надежную оборону занял здесь ее бывший друг детства, с которым они играли в лесу в разбойников.

Они сидели перед очагом в одном из подвалов. Кроме шайки Каломбретена сюда сходилась посторонний нищий люд. Николя поощрял такие посещения, способствующие его популярности среди тюнов. Для пришедших всегда находилась кружка вина и что-нибудь из съестного. Особенно много людей собиралось в непогоду и зимними вечерами.

Деревянному Заду как доверенному лицу предводителя отводился целый стол, на котором он восседал с надменным и немного мрачным видом разочарованного философа. Баркароль, его первый приятель, не мог усидеть на месте и бродил между бродягами или вмешивался в карточную игру бандитов. Крысобойщик продавал свою дичь скрюченным старушкам. Иногда сюда забредал шарманщик Тибо со своим пажем Лино. Они музицировали для всеобщего веселья, и кто-то обязательно пускался в пляс.

Среди свиты Каломбретена были также бывший курьер всегда задыхающийся Легкая Нога, Жактанс — Сорви-Кошелек, Осторожный, медлительный и боязливый, но талантливый вор, и сутенер Красавчик, умеющий перевоплощаться с помощью грима и одежды в любого персонажа, проститутки любых сортов, акробаты и фокусники, но их было мало, так как большинство такого рода людей служили у Родогона-Египтянина, а также бросившие учебу студенты, которых нищета заставила примкнуть к ворам, — это были самые образованные люди королевства, они помогали составлять законы Великому Коэсру, записывая их по-латыни. Таким бывшим студентом был Толстосум, который, переодевшись монахом, помог расквитаться с Беше.

В подвалах башни Несль находили приют порой целые толпы бродяг. Старые стены башни, которые были свидетелями роскошных оргий, устраиваемых королевой Маргаритой Бургонской, слышали предсмертные вопли молодых дворян, задушенных после свиданий, — теперь эти старые стены слушали вопли, порождаемые самыми худшими представителями человеческого рода.

Это был проклятый богом мир отверженных: дети, которые давно не были похожи на детей; женщины, которые отдавались мужчинам там же, на залежах соломы; старики и старухи, мутные и грустные глаза которых напоминали глаза брошенных псов.

\*\*\*

Сидя перед огнем очага, Анжелика оперлась о жесткие ноги Каломбредена. Щуплый мальчишка, каким он был в детстве, превратился теперь в огромного силача с упругими мускулами. По его широким плечам можно было догадаться о предках-крестьянах. Но это было в прошлом. Теперь Николя выглядел городским волком, гибким и быстрым.

Холодными вечерами они часами сидели перед огнем. Иногда она прислонялась щекой к его жесткой щеке. Ей доставляло удовольствие наблюдать, как в холодных глазах Николя загорался ребяческий блеск. Он означал одновременно, что этот хищник радуется, как ребенок, и упивается своею властью над красавицей.

Они разговаривали между собой почти только по-пуатински, и те же слова, которыми они обменивались когда-то на опушках или лесных тропинках, воскрешали теперь целый мир детства. Душевные раны Анжелики постепенно заживали.

Гордость обладания Анжеликой доводила его самого иногда до умиления. Он любил повторять:

— Ты была благородного происхождения... Ты была запретна, недоступна мне, а я говорил себе: «Она будет моей...» Я всегда знал, что ты будешь моей... И вот ты появилась...

Дружба, которая установилась между ними, имела очень давние корни. Анжелика ничуть не боялась Николя. Она знала его с детства, поэтому сейчас никакого другого отношения к нему, кроме братского чувства, не могло возникнуть.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросил он. — Что мне позволило так преуспеть в Париже, так утвердиться в нем? Я делал все так, как

мы в наших детских играх в лесах. Помнишь, как мы заранее готовили наши вылазки и нападали на чужаков?

Поколебавшись, он осмелился погладить ее по голове. Его всегда немного пугало, как она отнесется к его нежности. Ее зеленые глаза оставались всегда спокойными и опасными, точно он пытался погладить незнакомую кошку, готовую в любую минуту отскочить в сторону. Иногда она дулась на него целыми днями, отгоняя от себя Баркароля и Красавчика, пытавшихся ее развеселить. А в другие часы она была с ним веселой, игривой, почти нежной. Он как бы снова обретал ее и бывал счастлив.

Она находилась иногда в глубоком размышлении, как будто отсутствовала в комнате. Она отвечала механически на его обращения, но Николая чувствовал, что мысли ее где-то совсем далеко...

Она была непростой и переменчивой, эта его маркиза ангелов! Анжелика не тяготилась присутствием Николая. Она вела себя с ним так же, как и в детстве. Женский инстинкт подсказывал ей, что Николая-Каломбретен целиком у нее в руках. Не могло и речи идти о том, что она сделается его рабыней или прислужницей. Наоборот, это у нее была власть, она могла добиться от него, чего хотела. Страсть главаря день ото дня становилась все сильнее.

В этот вечер, не встретив на лице Анжелики протеста, Николая позволил себе обнять ее. Она податливо, как лиана, прильнула к его плечу. Наблюдая за ними из дальнего угла, прежняя маркиза де Поляк скрежетала зубами от раздражения.

Давняя любовница грозного Каломбретена не собиралась легко уступать свои позиции. Особенно ее приводило в бешенство, что мерзавец Каломбретен сделал ее служанкой своей новой любовницы. Она была обязана теперь затаскивать на самый верх башни кастрюли с горячей водой. Об этом позорном занятии знала уже вся округа до самых пригородов Сен-Дени. Но дисциплина в обществе бродяг была такой строгой, что де Поляк не могла послушаться приказа и даже выразить свое недовольство ненавистной конкурентке.

В прошлом де Поляк была маркитанткой, у нее накопилось опыта и воспоминаний о сражениях больше, чем у бывалого швейцарского наемника. Она знала все о пушках, аркебузах, пиках, лошадях и крепостях, так как за время службы успела пройти через все

разновидности войск. Всю кампанию она прослужила в Польском батальоне, откуда и пошло ее имя.

На поясе у нее висел длинный нож, который она вытаскивала по любому поводу и которым, судя по отзывам окружающих, превосходно владела.

Теперь по вечерам, опорожнив несколько кружек вина, де Поляк любила поговорить о пожарах и убийствах.

Придя в себя под утро, де Поляк держалась молчаливо. В ней снова поселялась надежда отбить Каломбредена у новой маркизы.

Она надеялась, что Каломбредену скоро станет мало общества этой I странной чужачки, которая редко улыбается и глядит в пустоту. Пусть они были из одних краев, но она слишком хорошо знала Каломбредена. Ему скоро будет мало одной женщины. Даже две ему покажется недостаточно. У Великого Коэсра их шесть!

Однажды вечером Анжелика пошла навестить Деревянного Зада в его нору неподалеку от моста Сен-Мишель. Она принесла ему колбасы. Жанин был единственным человеком в банде, кому она оказывала знаки внимания. Впрочем, он принимал их как должное.

В этот вечер, съев сразу колбасу, он посмотрел на Анжелику и сказал:

— Куда ты сейчас идешь?

— В Несль.

— Лучше иди не туда, а в таверну «Раме». Там сейчас гуляет Каломбреден со своими друзьями и де Поляк.

Он выждал с минуту, чтобы до нее лучше дошли его слова.

— Ты знаешь, что должна делать?

— Нет.

Она, как обычно, стояла на коленях, разговаривая с Жанином, чтобы быть вровень с ним. Пол и стены его каморки были из камня. Единственной мебелью был сундук, обтянутый тисненой кожей, в котором Деревянный Зад сложил куртки и три шляпы.

Комнатка освещалась лампадой, украденной в церкви, она висела невысоко на стене. Лампада была старинной ручной работы.

— Ты войдешь как ни в чем не бывало в таверну и, как только заметишь, что делает Каломбреден с де Поляк, то бери сразу первое, что попадет тебе под руку и бей этим по голове.

— Кого?

— Каломбредена, черт возьми! В таких случаях женщину нельзя трогать, она не виновата.

— У меня есть нож, — просто сказала Анжелика.

— Оставь его в покое, ты не умеешь им пользоваться. И потом, чтобы дать урок мужлану, который пренебрегает своей маркизой, достаточно удара по голове, поверь мне.

— Но мне совершенно все равно, что он будет делать с де Поляк. Глаза Жанина сверкнули злым огнем под густыми бровями. Он начал говорить, ударяя на каждое слово:

— Ты не имеешь права... Я скажу больше: у тебя нет выбора. Каломбреден слишком яркая фигура в нашем мире. Он тебя завоевал. У тебя нет права отказываться от него. И у тебя нет права позволить ему отказаться от тебя. Это твой мужчина.

Анжелику пробрала легкая дрожь, приступ гнева на секунду сжал ей горло.

— Я не желаю... — проговорила она хрипло. Деревянный Зад пренебрежительно хмыкнул.

— Я тоже не желал бы, чтобы ядро оторвало мне обе ноги в Нордлингене. Но моего мнения никто не спрашивал. Есть вещи, которые сильнее нас. Так я и научился бегать в деревянной миске...

Пламя лампы освещало все детали крупного лица Жанина. Анжелике пришло в голову, что он похож на трюфель, на гриб, вынутый из сумрачной и влажной почвы.

— Ты тоже должна научиться быть своей у нас, — снова начал свои наставления Деревянный Зад. — Сделай то, что я тебе сказал, иначе тебе грозит смерть.

Она гордо вскинула голову.

— Я не боюсь смерти.

— Я говорю тебе не о той смерти, — изрек он. — о другой, о худшей. О той, которая находится в тебе самой...

Внезапно он рассердился.

— Какого дьявола ты упрямисься! Сколько я должен уговаривать тебя? Тебе что, трудно вдарить по Каломбредену? Я же сказал: ты не имеешь права спускать ему измены! Ты поняла наконец?

Глаза его горели недобрым огнем.

— Встань немедленно и беги туда! Стой, дай-ка мне вон ту бутылку в углу. Перед тем как протянуть ей стакан с водкой, он



произнес:

— На, выпей все залпом, а потом ступай... И не бойся бить сильно. Я его знаю, у него череп твердый.

На улице стоял густой туман. В таверне, казалось, он был ничуть не слабее: там плавал табачный дым. Несколько рабочих сидели за низкими столиками и молча пили.

В глубине зала перед очагом Анжелика заметила четверых обычных телохранителей Каломбредена. Здесь же были и остальные его друзья вместе с Баркаролем, Жактансом, Осторожным, Толстосумом и Крысобойщиком. Наконец в дальнем углу она разглядела самого Николая, державшего на коленях де Поляк с расстегнутым платьем, которая горланила какую-то песню.

Водка сделала свое дело: Анжелика вскипела от злости. Она схватила попавшийся под руку оловянный кувшин, стоявший на одном из столов, и пошла к парочке. Вся свита была слишком пьяна, чтобы узнать и остановить ее.

Как только она оказалась за спиной у Николая, она собрала все свои силы и ударила почти наугад.

От удара Николай вскрикнул и повалился вместе с де Поляк на очаг.

В таверне поднялась паника. Рабочие в спешке выскочили на улицу, телохранители выхватили шпаги, ища, кого бы проткнуть. Жактанс суетился вокруг Каломбредена, пытаясь оттащить его тяжелое тело от огня. С улицы слышалось: «Убийство!»

Волосы де Поляк вспыхнули. Баркароль побежал к ведру с водой, черпнул кружкой и выплеснул на голову женщины.

Внезапно чей-то голос закричал:

— Уходим! Солдаты!

Снаружи послышался тяжелый стук сапог. Сержант городского патруля распахнул дверь, размахивая пистолетом.

— Всем стоять на месте, каналы!

Но, пока он пытался рассмотреть что-либо через дым и полумрак, бандиты, подхватив неподвижное тело своего главаря, выскочили через заднюю дверь и оказались на улице.

— Беги, маркиза ангелов! — завопил Толстосум.

Анжелике преградила путь перевернутая лавка. Пока она перелезала через нее, солдат подбежал к ней и схватил за запястье.

— Я поймал их сообщницу, сержант!

Неожиданно Анжелика увидела, что к ней бежит де Поляк. В ее руке поблескивал нож. «Она хочет убить меня, чтобы не отдавать в лапы полицейских», — подумала Анжелика. Не успела она опомниться, как солдат вскрикнул и отпустил ее.

Де Поляк опрокинула стол навстречу другим солдатам, схватила Анжелику за руку и подтолкнула к окну. Они выскочили на улицу и побежали прочь, за ними раздался выстрел.

Через несколько минут они настигли остальных неподалеку от своей башни. Все остановились, чтобы перевести дыхание.

— Ох! — вздохнул Пивуан, вытирая рукавом пот со лба. — Мне казалось, что они все еще продолжают гнаться за нами... Чертов Каломбретен! По-моему, он отлит из свинца!

Де Поляк объяснила:

— Они схватили маркизу ангелов, но я прирезала одного полицейского. И она показала сообщникам свой окровавленный нож.

Все двинулись к башне Несль. Новость передавалась из уст в уста.

— Каломбретен ранен! Сам Каломбретен!

Толстосум объяснил:

— Это маркиза ангелов пробила ему голову за то, что он тискал де Поляк.

— Так и надо, — отвечали ему.

Кто-то предложил:

— Я пойду за Великим Матье.

В Несле Каломбретена положили на стол в главном зале. Анжелика подошла к нему, стянула парик и осмотрела рану. Было так непривычно видеть Николя неподвижным, покрытым кровью. Она не ожидала, что ударила так сильно. Если бы не парик, рана была бы еще серьезнее. Падая, Каломбретен ожег себе лоб.

Она приказала:

— Пусть принесут горячую воду.

Несколько подростков бросились за водой. Все уже знали о пристрастии к горячей воде маркизы ангелов.

Анжелика занималась Каломбретеном, а бедная де Поляк, у которой тоже были ожоги, не смела пожаловаться... Все было по закону, никто ни на кого не должен держать обиды. Никому не

приходило в голову жалеть Каломбредена. Все знали, что его голова достаточно крепка.

Скоро дверь в подвал распахнулась, и раздалась веселая болтовня. Это пришел дантист с моста Неф, знаменитый врач Парижа Великий Матье.

С непонятым удовлетворением врач посмотрел на неподвижного Каломбредена.

— Наконец-то и ему пустили кровь. Это ты его обработала? — спросил он Анжелику.

Прежде чем она успела ответить, он решительно взял ее за подбородок и посмотрел на зубы.

— Ничего не надо рвать, к сожалению, — неприязненно сказал он. — Может быть ты беременна?

И он с такой силой надавил ей на живот, что она вскрикнула. Это исследование взбесило ее.

— Мешок с дерьмом, ты зачем пришел сюда, чтобы меня лапать или заниматься раненым?

— Хо-хо-хо! Маркиза! — захохотал Великий Матье. — Хо-хо!

Он долго не мог успокоиться и едва удержался на ногах от смеха. Это был полный гигант, одетый в розовый костюм, он выглядел среди грязного сборища, как солнце.

Пока врач смеялся, Каломбреден пришел в себя.

— Что вас так развеселило всех, ублюдки? — прорычал он. — Жак-тане, сюда! У тебя на кухне сгорела свинина. Ты что, не чувствуешь?

— Так ты и есть та свинья, которая подгорела! — крикнул Великий Матье и разразился таким приступом хохота, что ему понадобился платок, чтобы вытереть слезы. — А де Поляк... Она тоже... — он не мог выговорить ни слова и с трудом отдышался.

Долго еще никто не ложился спать этой ночью в башне Несль, напротив Лувра.

## Глава 4

— Посмотри-ка вон туда! — сказал Пивуан Анжелике. — Видишь человека, который прогуливается у воды. У него шляпа надвинута на глаза и поднят воротник. Видишь? Так вот это полицейский.

— Откуда ты знаешь?

— Шпион. Следит за башней.

— Но почему ты решил, что это шпион?

— Я это чувствую безошибочно.

Человек, на которого указал Пивуан кончиком своей трубки, имел вид невинного прохожего, вышедшего прогуляться на берег Сены перед обедом. Он наблюдал за слугами, мывшими лошадей, и изредка поднимал голову на башню Несль, как будто любовался ее древней архитектурой.

— Знаешь, кого он ищет? — спросил Пивуан, выпуская в лицо Анжелики струю дыма.

— Нет.

— Тебя.

— Меня?

— Да, тебя, маркиза ангелов.

— Ты придумал это. — Отчего же!

— Никто не может искать меня. Никто обо мне не думает. Я не существую больше ни для кого.

— Вполне вероятно. Но там в таверне, когда на нас напали солдаты, Толстосум крикнул тебе: «Беги, маркиза ангелов!» Они услышали это, а потом обнаружили убитого солдата, который схватил тебя. Они считают теперь, что маркиза ангелов — это бандитка, убившая его. Поэтому они ищут тебя. Я знаю это потому, что мы иногда собираемся с товарищами по войне, а некоторые из них служат в полиции. Мне передали...

— Что за опасность вы выдумали? — раздался позади них голос Николя. — Если потребуется, мы в одну минуту прикончим этого парня и сбросим в Сену. Что они могут сделать против нас? Их едва наберется сто человек, а нас...

И он взмахнул рукой, как бы охватывая весь город.

...На мост въехала карета. Она проехала мимо небольшой группы людей, но у конца моста пришлось остановиться. Какой-то нищий вырос перед лошадьми. Это был Черный Хлеб, один из людей Каломбредена, старик с белой бородой.

— Смилуйтесь, — пропел он жалобно, — смилуйтесь над несчастным паломником. Я иду в Компомтеллу, но мне не на что продолжить путь. Дайте мне несколько сольдо, и я буду молиться за вас у могилы Святого Жака.

Кучер с размаху ударил его кнутом.

За дверцей показалась голова пожилой дамы.

— Что происходит, Ларрен? Поторопите лошадей. Я хочу поспеть вовремя в Сен-Жермен-де-Пре.

Появился Николя и положил руку в перчатке на дверцу кареты.

— Госпожа, — торжественно произнес он, снимая с головы шляпу с перьями, — вы, которая едет в аббатство, отказываете в помощи нищему старику, держащему путь к святым местам Испании?

Дама в недоумении посмотрела на темное лицо и бороду незнакомца, появившегося из сумерек, через дыры на рукавах его камзола разглядела мускулистые руки борца. На поясе его висел широкий мясницкий нож. Она раскрыла от ужаса глаза и завопила:

— На помощь! Убивают!

Пивуан уже наставил шпагу на живот кучера. Черный Хлеб и паренек Флипо держали лошадей за поводья. Каломбреден забрался в карету и зажал рукой рот женщине. Он крикнул Анжелике:

— Затычку! Дай мне тряпку!

Не помня себя от волнения, Анжелика оказалась в карете. Николя сорвал с нее шейный платок и запихал его в рот даме.

— Осторожный, сюда! Займись ее драгоценностями.

Женщина яростно защищалась. Осторожный никак не мог снять с ее шеи колье, украшенное несколькими бриллиантами.

— Помогите мне, маркиза ангелов, — крикнул он. — Я не умею обращаться с этими украшениями.

— Быстрее! — торопил Каломбреден.

Пальцы Анжелики нашли замочек и легко расцепили цепочку колье. Она зажала его в кулаке и выскочила из кареты.

— Пошел! — крикнул Пивуан кучеру.

Кучер, обрадованный, что его отпустили, хлестнул по лошадям, и карета умчалась. Немного погодя раздались вопли женщины, которой удалось наконец вытащить изо рта платок.

— Уходим! — приказал Николя.

В главном зале башни все участники нападения собрались вокруг стола, каждый с восхищением смотрел на кольцо, которое выложила Анжелика.

— Черный Хлеб получит свою долю. Он мог попасть под лошадь.

— Да и мы кое-чем рисковали, — обиделся Осторожный. — Как-никак, середь бела дня...

— В таких случаях нет риска. Побежал, отобрал, убежал. Вот и все... А если уж говорить о тебе, то ты чуть все не испортил. Не мог снять кольцо! Если бы не маркиза...

Николя посмотрел на Анжелику и улыбнулся.

— Тебе тоже кое-что достанется.

Он отцепил от кольца золотую цепочку и протянул ей. Она отшатнулась с презрением.

— Все-таки мы рисковали, — не унимался Осторожный. — Все знают, что поблизости бродят полицейские; может быть, они все видели.

— Кругом туман, они ничего не могли видеть... Да что нам эти сыщики! — продолжал Николя. — Что они могут нам сделать? Есть среди них только один, кого я опасаясь, но этого что-то давно не было видно. Наверно, занимается другими делами. Жаль, он достойный противник. Он и его чудная собака.

— А, эта собака! — всполошился Осторожный. — Однажды она схватила меня за...

Каломбретен пристально смотрел на Анжелику.

— Однажды я видел тебя стоящей рядом с ним у Малого моста, — сказал он. — Ты его знаешь?

Он приблизился к ней, не сводя с нее глаз и улыбаясь зловещей улыбкой.

— Ты его знаешь! — утвердительно повторил он. — И это очень хорошо. Ты поможешь нам выследить его при случае.

— Его больше нет в Париже. Он больше не вернется, я знаю это точно, — спокойно ответила Анжелика.

— Нет, он вернется, — уверенно усмехнулся Николая. Он мотнул головой, и присутствующие оставили их одних. С порога Пивуан бросил:

— Человек с собакой всегда возвращается.

— Итак, ты поможешь нам? — спросил Николая. Он положил цепочку на стол.

— Возьми ее, она твоя. Ты ее заработала.

— Нет!

— Почему?

— Я не люблю золото, — сказала Анжелика. — Оно противно мне, ты понял?

Она вышла, не в силах больше выносить напряжения, созданного упоминанием о полицейском Дегре.

\*\*\*

Шпиона на набережной не оказалось. Анжелика шла вдоль берега, пока не начались заросли ив неподалеку от развалин, из-за которых веяло деревенским запахом. Было совсем темно.

Анжелика тихо произнесла: «Дегре». Она вспомнила его слова, сказанные когда-то:

— Когда ночь опустится над Парижем, мы отправимся на охоту. Мы спустимся к Сене, будем неслышно идти под мостами, пока не начнутся старые развалины, там полно всяких укрытий, где прячутся городские воры и бродяги...

Анжелика подошла к берегу и зашла по щиколотки в ледяную воду. Карлик Баркароль сказал бы потом:

— Бедная маркиза ангелов. Как, должно быть, трудно было ей умереть в холодной воде, ей, которая так любила горячую воду!

В тростнике зашевелилось какое-то животное, скорее всего крыса. Икры Анжелики коснулась его шершавая шкура. Она вскрикнула от отвращения и выскочила из воды, но лапки животного уцепились за подол ее юбки.

По тропинке вдоль берега проходили двое матросов, у одного из них в руках светил фонарь. Анжелика подскочила к ним.

— Эй, стойте, осветите-ка мне.

Двое остановились и подозрительно посмотрели на женщину.

— Красивая шлюха! — сказал один.

— Посмотри внимательнее, это женщина Каломбредена, — сказал другой. — Не зарься на нее, если хочешь остаться живым.

— Господи, да это обезьяна! — воскликнула Анжелика. Обезьянка продолжала судорожно цепляться за одежду Анжелики и не хотела слезать с нее.

— Наверное, она ваша или кого-то из ваших приятелей, — спросила она моряков.

— Да нет же. По-моему, это обезьянка артиста с Сен-Жерменской ярмарки, — сказал один.

— Я нашла ее там, у воды.

Матрос поднял лампу.

— Там кто-то лежит.

Все трое подошли к кустам и увидели человека, который спал в траве. Человек не двигался. Матрос перевернул его и отшатнулся: человек был мертв. Это был бродячий артист из тех, которые показывают трюки с животными в разных городах.

Обезьянка, сидя на руках Анжелики, издавала жалобный писк.

— Остается только сбросить его в реку, — предложил один.

Но другой, набожный, решил позвать священника и похоронить мертвого по христианскому обряду.

Анжелика незаметно покинула их и направилась к башне. По дороге она вспомнила случай, которому тогда не придавала значения. Это произошло в одном из кабачков, там она впервые увидела эту обезьянку. Он смешила посетителей тем, что подражала их манере есть и пить. Анжелика зашла туда со своим братом Гортраном, который сказал:

— Смотри, какая смешная!

Она вспомнила, что хозяин звал обезьянку Пикколо.

— Пикколо! — позвала Анжелика.

Обезьянка снова жалобно пискнула и перебралась к ней на плечи. Только сейчас она заметила, что в лапке Пикколо зажала красный платок хозяина.

\*\*\*

В этот момент в Лувре испустил дух Мазарини. Знаменитый кардинал ценил жизнь и умел ею пользоваться.

Из последних сил приподнимая над подушкой свое пожелтевшее лицо, Мазарини открыл молодому королю секрет своего могущества:



— Не назначайте никого первым министром, никого не приближайте к себе! Только вы один... Правьте один...

Затем итальянец скончался, оплакиваемый королевой-матерью. Луи Четырнадцатый дал распоряжение о повсеместных молитвах в течение сорока часов и принял траур.

Отдав должное памяти кардинала, король принялся за работу. Встретив в приемной президента духовной Ассамблеи, который спросил его кому теперь относить доклады, направляемые обычно кардиналу, Луи XIV ответил:

— Мне, господин епископ.

\*\*\*

На другой стороне Сены, напротив Лувра, обсуждали рассказ Баркароя о новостях из королевской жизни. Карлик всегда был хорошо информирован о том, что происходит во дворце. Время от времени он облачался в наряды шута XIV века с колокольчиками и перьями и захаживал к самой знаменитой прорицательнице Парижа.

Он называл имена отдельных дам и сообщал о них такие подробности, что у Анжелики не оставалось сомнений в том, что почти все женщины из цветника, окружавшего короля, пользуются услугами предсказательницы.

Эту женщину звали Катрин Мовуазен. Но обычно ее называли просто Вуазен. Баркароль говорил, что она — пройдоха, но ловка и умна. Сидя подобно жабе, на столе рядом с Деревянным Задом, он понемногу приоткрывал перед Анжеликой скрытую схему дворцовых интриг, а также рассказал о средствах и приемах, которые применяют заговорщики.

Почему знатные дамы или вельможи выходили украдкой из своих роскошных покоев и крались по ночным улицам Парижа, чтобы доверить свои самые интимные секреты наполовину пьяной женщине? Они хотели получить то, чего не добьешься одними деньгами. Они хотели добиться любви. Ее хотели добиться женщины весьма зрелые или те, которые хотели с ее помощью вознестись вверх по лестнице успеха как можно выше!

У Вуазен требовали волшебных лекарств, способных омолодить тело или приковать к себе сердце возлюбленного.

Кое-кто надеялся на скорое наследство старого дядюшки, который не торопился покидать сей мир, или на смерть супруга или соперника.

Кому-то нужно было освободиться от зачатого плода.

Колдунья Вуазен была способна на многое. У нее и просили много: указать место, где зарыто сокровище, замолвить словечко перед дьяволом, умертвить на расстоянии человека. Надо было лишь договориться с ней о цене. Затем колдунья связывалась с верными людьми. Врачи готовили для нее ЯД. слуги или служанки крали ценные письма, священники воздействовали на жертву молитвами и предсказаниями...

...Некто Жан-Пурри продал Вуазен множество детей для жертвоприношений. Через него Баркароль получил возможность пристроиться к колдунье.

Этот Жан-Пурри любил серьезный подход к делу, хорошо налаженную организацию и крупные суммы.

Анжелика при встрече с ним не могла скрыть неприязни. Когда в зал входил этот маленький человек с бледным лицом, с немигающими мутными глазами, как у дохлой рыбы, ее охватывала дрожь, точно она видела перед собой ползучую гадину.

Жан-Пурри был профессиональным торговцем детьми. Несколько в стороне от пригорода Сен-Дени, во владении самого Великого Коэсра, находилась его «ферма», о которой даже самые бывалые бродяги говорили приглушенными голосами. И днем, и ночью над домом стоял плач невинных жертв перекупщика. Дети, найденные в городе и деревнях, украденные младенцы относились сюда. Самым уродливым наносились еще большие уродства, чтобы они могли в дальнейшем просить милостыню. Самые красивые мальчики и девочки росли при хорошем уходе и, подросшие, продавались богатым господам, которые использовали их для извращенных наслаждений. Наиболее счастливая судьба ждала тех, кого покупали женщины, которые от природы не имели детей. Таких детей брали как из материнских чувств, так и для получения наследства.

Малышей покупали циркачи и артисты, чтобы с детства готовить их для сложных трюков.

Дети постоянно прибывали и убывали на этой зловещей «ферме». Многие из них умирали, но поток не прекращался. Жан-Пурри был неутомим. Он подговаривал кормилиц помогать ему, его люди рыскали по Окрестностям Парижа, заглядывали в приюты для брошенных и сирот, Просто крали детей у бедных людей и особенно у приезжих.

Некоторым из малышей суждено было стать эпилептиками. Другие Учились воровать. Из девочек готовили проституток.

\*\*\*

Анжелика, пользуясь поддержкой Каломбредена и дружбой Жанина, вела в суровом царстве нищих почти праздную, беззаботную жизнь.

Она считалась неприкосновенной особой во всем округе. Законы здесь были суровыми. Все знали, что Каломбреден не прощает ослушания. Анжелика могла появиться на улицах глубокой ночью и не опасаться, что кто-то пристанет к ней. Она принадлежала только ему, и, несмотря ни на какое влечение, которое она вызывала, ни один бандит не смел прикоснуться к ней.

Однажды ночью банда Каломбредена нацелилась обработать один зажиточный дом. Ночь была безлунной, улицы не освещались. Отворив замок, парнишка с ловкими руками отпер засовную дверь для слуг, и грабители беспрепятственно проникли внутрь.

Анжелика шла в конце группы. Она участвовала в подобном посещении в первый раз. Анжелика пришла сюда не для воровства, а для развлечения. Николая сначала не хотел ее брать с собой.

— Я боюсь за тебя, а кроме того, ты будешь нам обузой, — сказал он. Но ей удалось убедить его.

Ей попалась свеча в небольшом подсвечнике, и она зажгла ее от лампы Николая. Бандиты уже заполняли мешки поживой. Анжелика заметила дверь в боковую комнату и нажала на ручку.

— Что такое? — встрепнулся Осторожный от неожиданного щелчка. Пламя свечи осветило множество узкогорлых колб, фаянсовые миски и змеевидные медные трубы, баночки с разноцветными порошками.

— Что такое? — протянул зачарованный Осторожный.

Очень аккуратно Анжелика обошла комнату и остановилась перед кирпичным пьедесталом для разведения огня. Рядом на столе лежал конверт с надписью: «Для госпожи де Сен-Круа». В раскрытой коробочке рядом она разглядела белый порошок. Анжелика потянула носом — запах порошка был ей знаком.

— Это что, мука? — спросил Осторожный. — Хорошо пахнет, чесноком.

Он взял щепотку порошка и поднес ко рту. Анжелика мгновенно ударила его по руке.

— Не вздумай, Осторожный. Это яд, это цианистый калий. — Она с интересом еще раз оглядела комнату.

— Яд! — повторил пораженный бандит.

Он так энергично отскочил от столика, что столкнул колбу, и она, упав, разбилась.

Воры дружно выскочили из гостиной. Анжелика осталась одна. Послышался стук палки по ступенькам, и голос старика прокричал с лестницы, ведущей на второй этаж:

— Мари-Жозефина, вы забыли внизу свою кошку. Когда вы поймете, что ей не место в лаборатории. Теперь мне нужно спускаться туда и посмотреть, что она натворила.

Затем, наклонившись над перилами, старик спросил:

— Это не вы ли, Сен-Круа? Вы пришли за своими формулами?

Анжелика и Осторожный тихо прошмыгнули на кухню, оттуда в кладовку и отперли дверь на улицу. Пробежав несколько улочек, они остановились.

— Стой! — задыхаясь, сказал Осторожный. — Ну и испугался же я. Кто бы мог подумать, что мы нарвемся на колдуна! Как бы это не принесло нам теперь несчастья! Где остальные?

— Они должны были возвращаться по другой дороге.

— Они, должно быть, ждут нас где-нибудь. Где их теперь искать?

— О! Перестань трусить, куда они не денутся.

— Но вокруг ни черта не видно!

— Такой человек, как ты, должен видеть в темноте.

Осторожного, несмотря на уговоры Анжелики, охватила паника. Он схватил ее за руку.

— Слушай!

— Что там еще?

— Ты не слышишь? Слушай... — голос его дрожал от ужаса. Чуть позже он прошептал:

— Собака! Собака!

И, бросив на землю свой мешок с награбленным, Осторожный бросился бежать без оглядки.

— Бедняга, — проговорила Анжелика, глядя ему вслед.

Машинально она подняла мешок с вещами и тут расслышала рычание собаки. Оно доносилось из тихих переулков. Слышалось царапанье когтей о булыжник, когда животное бежало галопом.

Собака появилась на другом конце улицы. Анжелика, обезумев от страха, тоже бросилась бежать. В эти мгновения она считала себя погибшей, ей хотелось кричать, но ни один звук не вырвался из ее перехваченного ужасом горла.

Животное навалилось ей на плечи и сбило с ног. Анжелика ощутила на затылке горячее дыхание, она ждала, что вот-вот собака схватит ее за шею, но та даже перестала рычать. Анжелика попыталась столкнуть ее с себя и нащупала колючий ошейник.

— Сорбонна! — вскричала она. — Это ты?

Без всякого сомнения, это была Сорбонна, она молча стояла рядом и смотрела в сторону, откуда она прибежала. Анжелика наклонилась и погладила крупную голову датской овчарки.

— Сорбонна, моя храбрая Сорбонна, как ты меня испугала! Если бы я знала, что это ты!

Собака повернула голову и широким языком лизнула ее в лицо.

Анжелика сильно ушиблась, падая. Она не могла быстро идти, ей надо было спрятаться где-то и отдохнуть.

Послышались чьи-то шаги. Кровь бросилась в лицо несчастной женщины. Этим человеком мог быть только Дегре.

— Не предавай меня, Сорбонна, — взмолилась она шепотом.

Она едва успела скользнуть за угол дома и спрятаться за тумбу. Сердце ее бешено колотилось. Она все еще надеялась, что это не Дегре. Его не могло быть сейчас в городе, он не мог вернуться. Он ушел в прошлое, как и все, что прежде окружало ее.

Шаги были уже совсем рядом.

— Так вот ты где, Сорбонна! — воскликнул он. — Что произошло? Ты упустил эту воровку?

Такой знакомый голос! Голос бывшего, адвоката ее и ее мужа! Ночь была такой темной, что ничего нельзя было разглядеть в двух шагах. Они были совсем рядом друг от друга.

— Клянусь, что это снова маркиза ангелов! — пробормотал Дегре. — Что-то долго мы ее ищем. Но теперь у нас есть шейный платок, который Она оставила в карете. Иди по следу, Сорбонна, и она

не уйдет от нас. Давай-ка повернем в сторону башни Несль, все их дорожки сходятся там, я уверен в этом.

Он исчез за поворотом, просвистев собаке.

По лбу Анжелики струился пот, ноги дрожали. Наконец она решилась выйти из укрытия. Если Дегре направился к мосту Неф, ей не следует идти туда. Надо пройти несколько кварталов и переночевать в каморке у Жанина.

Во рту у нее пересохло. Но скоро послышалось журчание воды фонтана на одной из площадей. Площадь была слабо освещена фонарем. Анжелика подошла к фонтану и окунула испачканное грязью лицо в воду. От прохладной воды ей стало легче.

Как только она распрямилась, стальная рука схватила ее за талию, другая рука зажала рот.

— Ну вот, моя милая! — сказал голос Дегре. — Ты думаешь, меня так просто перехитрить?

Анжелика попробовала освободиться, но он так держал ее, что она не могла пошевелиться, испытывая боль от малейшего движения.

— Не брыкайся, не вырвешься! — злорадно усмехнулся Дегре. Несмотря на неудобное положение, она ощутила знакомый запах его поношенной одежды. А также запах кожаного пояса, чернил и табака. Это был сумрачный адвокат Дегре... Ее беспокоила мысль: «Только бы он не узнал меня! Я умру от стыда! Только бы мне удалось бежать до того, как он узнает меня!»

Он держал ее одной рукой. Другой рукой он достал свисток и три раза свистнул в него.

Громыхая сапогами, из ближайших улочек прибежали пять или шесть солдат. Им трудно было передвигаться по городу незамеченными из-за стука, производимого обмундированием, и Дегре держал солдат в засаде.

— По-моему, я поймал птичку, — сообщил он солдатам.

— Удачная ночь, — сказал один. — Мы схватили там еще двоих из этой банды. Если наши поймают в придачу маркизу ангелов, то это будет вашей заслугой, господин Дегре. Вы так хорошо знаете Париж!

— Это моя собака хорошо знает Париж. Понюхав платье маркизы, она рано или поздно нападет на след. Однако... мне немного странным кажется ее поведение. Только что она удивила меня... Скажите, сержант, вы когда-нибудь видели маркизу ангелов?

— Это девчонка Каломбредена, и больше мы ничего о ней не знаем. Единственный человек, который видел ее близко, уже умер, это случилось в таверне.

— Да, мне рассказывали. Но был еще один свидетель.

— Вы правы, господин Дегре. Если эта мадемуазель, что вы поймали, и есть та самая маркиза, то ограбленная госпожа де Бринвилье ее узнает. Ведь было светло, когда ее карета была остановлена бандитами. Она утверждает, что запомнила их сообщницу.

— Слава богу, что это так! — проворчал другой солдат. — Эти негодяи уже ничего не боятся. Остановить карету дочери самого начальника полиции! И это среди бела дня почти в центре Парижа!

— Они заплатят за это, поверьте мне!

Анжелике оставалось молча слушать. Она совсем не шевелилась в надежде, что Дегре ослабит хватку. Тогда ей, может быть, удастся неожиданно вырваться и скрыться в темноте. Она была уверена, что Сорбонна не побежит следом, а тяжело нагруженные солдаты не смогли бы ее догнать.

Но бывший адвокат ни на минуту не забывал о добыче, его рука оставалась плотно сжатой.

— А это что за инструмент? — спросил он, и его пальцы вытащили оружие, спрятанное у нее на боку.

Дегре присвистнул.

— Кинжал, клянусь честью! И ведь не складной ножичек, господа, можете мне поверить. Ого, красотка! А ты мне показалась довольно безобидной!

Он опустил рукояткой вниз кинжал Родогона-Египтянина в один из своих карманов и продолжил обыск. Она вздрогнула, когда его горячая рука коснулась ее груди.

— Как бьется ее сердце... — пробормотал Дегре. — Наконец-то попалась хоть одна, которая боится тюрьмы. Давайте подведем ее к лампе у той лавки и посмотрим на лицо.

Анжелика дернулась от ужаса, но несколько рук уже держали ее и тянули к свету.

— Зараза! Тебе мало было, что мы ловили тебя почти месяц?

Ее дотащили до самой лампы. Дегре схватил ее за волосы и подставил под лампу ее лицо.

Анжелика закрыла глаза. Дегре не мог узнать ее перепачканного грязью и кровью лица. Тем не менее она дрожала так сильно, что зубы ее стучали.

Секунды, пока они смотрели на ее лицо, показались Анжелике вечностью. Затем Дегре отпустил ее и выругался.

— Это не она. Это не маркиза ангелов. Солдаты разочарованно зароптали.

— Почему вы так решили? — осмелился спросить сержант.

— Я видел ее однажды. Один мой знакомый из другой банды показал мне ее как-то днем на мосту Неф. Эта девчонка, действительно, похожа на нее, но это не она.

— Все равно отведем ее в полицию. Она может рассказать о сообщниках, а если она ни при чем, то, может быть, видела кого-нибудь на улице...

Дегре задумался, глядя в сторону.

— Сорбонна никогда не ошибается. Если она гналась за этой красоткой и не стала задерживать, значит, она не опасна. Видите, она стоит рядом и даже не смотрит в ее сторону.

Затем он спросил у сержанта:

— Где вы задержали двоих грабителей?

— На улице Пети-Лион, у дома старого аптекаря Глазера.

— Вернемся туда.. Наверное, там остались какие-нибудь следы.

— А что делать с ней?

— Я думаю, ее можно отпустить. Я запомнил ее лицо, она больше не опасна.

Анжелика поспешила отойти от освещенного участка, она подошла к стене дома и остановилась, не решаясь покинуть площадь. У фонтана она различила светлое пятно и всплеск воды: собака, устав от бега, лакала. Возле нее держалась высокая тень сыщика.

Анжелика замерла: Дегре сделал шаг в ее сторону. Он вынул руку из кармана и бросил в ее направлении какой-то предмет.

— Держи, — голос адвоката был равнодушным. — Возвращаю тебе твой штык. Я не занимаюсь грабежом юных особ. Для девушки вроде тебя совсем не лишнее иметь при себе что-то острое для ночных прогулок. Итак, до свидания, красавица.

Анжелика безмолвствовала.

— Ты не скажешь мне: до свидания?



Она собрала всю свою храбрость и выпалила:

— До свидания.

Это было первое слово, сказанное ею в этот вечер Дегре. Шаги полицейского удалились. По улицам долго разносился стук его подкованных гвоздями ботинок.

Анжелика бесцельно побрела по улицам.

## Глава 5

Рассвет застал ее в районе Латинского квартала, у начала улицы Бернанден. Над черными крышами коллежей зарозовело небо. В окнах мелькали свечи, их зажгли рано просыпающиеся студенты.

Над городом начали перезваниваться колокола. Анжелика впервые с вечера ощутила усталость. Ей приходилось идти босиком, так как она давно потеряла туфли. Лицо ее осунулось. Выйдя на набережную Турнель, она почувствовала запах свежего сена. Сухая трава наполняла свежий парижский воздух множеством ароматов. От этого запаха можно было сойти с ума... У Анжелики закружилась голова, она улыбнулась, вспомнив родовое имение.

Она подошла к самым лодкам. Моряки и крестьяне собрались возле костра и не видели ее. Анжелика подошла к крайней лодке, подумала и залезла в сено. В глубине его запах был еще более одуряющим, как в знойный летний день во время покоса. Откуда его могли привезти? Из какой солнечной деревни?

Глаза ее закрылись сами собой, она будто утонула в сене и погрузилась в глубокий сон. Она точно парила в облаках. Перед ней появился родной Монтелуп. Ветер был насыщен ароматом цветов, он ласкал ее лицо, развеивал волосы, он точно поднимал ее к солнцу.

Какой ужасной компанией был для нее Каломбрден, этот дикий волк, заставляющий ее иногда во время своих ласк вскрикивать от боли. Ее тело совсем забыло нежные прикосновения.

Теперь она неслась по ветру обратно в Монтелуп. Воздух был пронизан запахами малины. Ее пылающие щеки, сухие губы будто освежала прохладная вода ручейка. Она прошептала:

— Еще!

Во сне слезы потекли по ее щекам и потерялись в волосах. Это были слезы радости.

Она потянулась, не открывая глаз. Шепот листвы родного леса донес до нее ласковые слова:

— Не плачь... Не плачь, моя радость... Все будет хорошо... Все плохое уйдет... Не плачь, бедняжка...

Под брезентом был полумрак, Анжелика не сразу разглядела неподалеку от себя тень человека, лежащего, как и она, на мягком сене. За ней следили насмешливые глаза.

Она произнесла настороженно:

— Кто вы?

Незнакомец поднес палец к губам.

— Я ветер, ветерок, летающий над некоей деревушкой в Берри. Когда косили сено, скосили случайно и меня. Смотрите...

Он встал на колени и вывернул свои карманы.

— Видите, ни одной монеты! Ни одного медяка. Таким меня погрузили в лодку и отправили в Париж.

Молодой человек был одет в черный тесный костюм, дырявый в нескольких местах. Однако лицо его было приятным, почти красивым, несмотря на исключительную бледность. Его тонкий рот, казалось, был создан для бесконечной болтовни и насмешек. Выражение лица постоянно менялось: он гримасничал, улыбаясь, но в лице его было что-то наивное, крестьянское. Может быть, такое впечатление производили мягкие длинные волосы цвета льна.

Пока Анжелика изучала его внешность, молодой человек продолжал монолог:

— Что делать бедному ветерку в Париже? Я привык дуть непрерывно. На улицах мне приходится задувать под юбки к женщинам, и они награждают меня пощечинами; мне приходится срывать шляпы с прохожих, и они начинают гнаться за мной; мне придется звонить в колокола, чтобы прокричать миру последнее прощание... Меня окружают вечные скандалы!

— Но... — повторила Анжелика, пытаясь подняться.

Он остановил ее проворным движением.

— Не двигайся, тихо!

«Этот студент немного не в себе», — подумала Анжелика. Он подвинулся ближе к ней, протянул руки и погладил ее по щеке. Он прошептал:

— Не плачь.

— Я не плачу вовсе, — ответила Анжелика. Но она почувствовала следы слез на своих щеках.

— Я тоже люблю спать в сене, — продолжал он. — Когда я залез сюда под брезент, чтобы выспаться, то нашел здесь тебя. Ты плакала во

сне. Тогда я стал гладить тебя по волосам, чтобы утешить, а ты сказала мне: «Еще!».

— Я?

— Да. Я откинул волосы с твоего лица и обнаружил, какая ты красивая. Твой нос тонок и изящен, как раковины, которые выносит море на берег. Они такие тонкие, что кажутся прозрачными. Твои губы подобны лепесткам розы. Твоя шея...

Анжелика мечтательно слушала его и подумала, что уже давно никто не говорил ей такие изящные слова. Как он мог назвать ее красивой, если лицо ее должно быть страшным после бессонной ночи, во время которой она поняла, что теперь не может смотреть в глаза тем, кто знал ее прежде.

Шепот его не прерывался:

— Твои плечи точно выточены из слоновой кости. Твои груди ни с чем нельзя сравнить, настолько они красивы. Твои бедра гладки и округлы, а к животу так и хочется прижаться щекой.

— Но мне хотелось бы знать, — небрежно прервала его Анжелика, — как вы можете судить об этом, не повывав своими глазами?

— Но я видел все это! Пока ты спала, я сумел подробно рассмотреть тебя.

— Скотина! Вонючий школяр!

— Тише! Не так громко. Ты хочешь, чтобы лодочники изловили нас и избивали палками?.. Но почему вы рассердились, милая госпожа? Когда находишь в дороге драгоценность, невольно подносишь ее к глазам и начинаешь рассматривать. Хочется знать, действительно ли это так ценно, как кажется с первого взгляда, и что с этой вещицей делать: оставить себе или отбросить.

Студент почесал голову и снова уставился на нее.

— Так кто же ты? — мягко спросил он. — Твои ноги все сбиты и кровоточат. Ты долго скиталась? Тебя что-то испугало?

Она не отвечала, и он продолжал:

— У тебя за поясом нож... Для женщины это страшное оружие — кинжал Египтянина. Ты умеешь им пользоваться?

— Может быть!

Он выудил из сена травинку и стал ковырять ею в зубах. Его светлые глаза сделались мечтательными. У нее возникло ощущение,

что он думает не о ней. Может быть, о тюрьме в Нотр-Даме, куда, по его словам, его могли заточить. Его лицо, отчужденное и задумчивое, теперь казалось не таким юным. В уголках его глаз она заметила зарождающиеся морщинки, вызванные бедностью и постоянным преследованием.

Впрочем, ему все равно было не много лет. Его худое тело, одетое в узкую одежду, казалось по-мальчишески костлявым. Она даже улыбнулась при мысли, что он может исчезнуть случайно.

— А кто вы сами? — прошептала она, тронув его за руку. Он повернул к ней лицо и посмотрел серьезными глазами:

— Я же сказал тебе: я ветер. А ты?

— А я морской бриз.

— А что делают ветер и бриз, когда встречаются?

Она откинулась назад и различила над своим лицом его тонкий чувственный рот. Губы его, когда были сжаты, напоминали злую усмешку, но взгляд его оставался нежным и улыбающимся. Он осторожно навис над ней, ожидая, чем она ответит ему. Анжелика улыбнулась ему, и он поцеловал ее.

Его поцелуй длился долго, он был нежен и опьяняющ. Анжелика, отвыкшая от нежности после грубых ласк бывшего пастуха, словно возродилась после длительного оцепенения.

— Ничего не могу понять, — пробормотал он, лежа потом рядом с ней. — У тебя манеры знатной дамы. Как это может быть? Ведь по виду ты уличная девка.

— А вам приходилось иметь дело со знатными дамами?

— Иногда.

Он поцекотал ее по носу сухим цветком.

— Знаешь, в чем мой секрет? Женщинам больше всего нужно, чтобы их забавляли. Никто в Париже не знает столько смешных историй, сколько знаю я. Эти истории как нельзя лучше поднимают настроение, они заставляют смеяться. Хочешь, я расскажу тебе сказку о молоте и наковальне?

— Нет, нет! — живо возразила Анжелика. — Мне не нравятся такие истории.

— Вот те раз! Как странно! Я много раз встречал знатных дам, которые ведут себя как развратницы, и впервые вижу развратницу, которая ведет себя как знатная дама!.. Может быть, это потому, что ты

красива, как мечта... Слушай, ты слышишь оживление на мосту Неф? Скоро полдень. Не хочешь ли отправиться туда со мной и раздобыть яблочек нам на завтрак? Мы посмотрим на танцующих колдунов и акробатов. А заодно устроим какую-нибудь шутку со шпигом, который собирается меня повесить.

— За что вас хотят повесить?

— Да ведь ты не знаешь, что меня постоянно хотят повесить! — воскликнул студент с удивлением.

Она потянулась. Ей хотелось, чтобы он снова начал ласкать ее. Но студента занимали какие-то отвлеченные мысли.

— Теперь я вспомнил, — сказал он задумчиво. — Я видел тебя уже на мосту Неф. Значит, ты должна входить в банду Каломбредена, главаря местной бедноты.

— Это так, я принадлежу Каломбредену.

Он изобразил на лице притворную гримасу ужаса.

— Ай-ай-ай! Мне только не хватало связываться с этим волкодавом! А ты случайно не та знаменитая маркиза ангелов, которую так ревниво охраняет Каломбреден?

— Да, но...

— Черт бы побрал этих невинных красоток! — драматически всплеснул руками молодой человек. — Ты не могла сказать мне это раньше? Или тебе не терпится созерцать ручьи моей несчастной крови, которые мне пусьт за то, что я посмел прикоснуться к тебе? Каломбреден! Вот так везение! И надо же было случиться, что я встречу самую дорогую мне девушку — и она окажется<sup>1</sup> любовницей Каломбредена! Ну что ж, за счастье всегда приходится платить. Теперь прощай, красавица!

Он нахлобучил на голову старую шляпу с коническим верхом, какие носили школьные учителя, и выскользнул из-под брезента.

— Будь так добра, — улыбнулся он ей на прощание, — не говори обо мне своему хозяину... Да, я вижу, что ты ничего не расскажешь ему. Прощай, моя любовь, маркиза ангелов... Я буду помнить о тебе до самого дня, когда меня повесят...

Он спрыгнул с лодки на пристань, и Анжелика увидела его в лучах солнца. Его дырявое пальто развевалось по ветру, он был похож на подстреленную птицу.

Лодочники заметили, как он выбрался из-под брезента, и стали бросать в него камнями. Он повернул к ним лицо и широко улыбнулся. После чего исчез, будто сон.

## Глава 6

Эта неожиданная, почти невероятная встреча вывела Анжелику из того гнетущего состояния, в которое она была повержена после ночной встречи с Дегре.

Ей пришло в голову, что она, по сути, обманула Николая. Маркиза ангелов пожала плечами и злорадно улыбнулась. Такого рода любовников нельзя обманывать.

Анжелика ополоснула лицо и, повеселев, выбралась из лодки. Отсюда было недалеко идти до моста Неф. Как бы впервые она открыла для себя его изящные белые арки, его веселую, неутомимую жизнь.

Она заметила Черного Хлеба и его напарников. Здесь же стоял Крысобойщик с нанизанными на шпагу крысами.

— Гляньте-ка! — раздался неподалеку радостный голос. — Смотрите, кто идет! Какой вчера тут был переполох! Все кричали, что ее сцапала проклятая собака. Уже собирают всех нищих по Парижу, чтобы идти громить полицию в Шателе, а она как ни в чем не бывало гуляет себе по мосту Неф!

— Почему бы не погулять? — смущенно спросила Анжелика.

Стихи поэта с моста Неф раздались из другого угла. Давняя ненависть постепенно возвращалась к молодой вдове. Она смотрела в сторону бронзовой лошади, лежащей у подножия моста. Возле нее, говорили, любил ночевать поэт Вонючка. Разбойники почтительно обходили его стороной, впрочем, у него нечего было отобрать. Всегда недовольный властями, поэт имел и множество друзей. Он мог обойтись без скандалов, но его злой язык осмеивал и уязвлял кого только можно было.

«Как же до сих пор его никто не убил? — думала Анжелика. — Я сама убила бы его, если бы встретила. Но сначала я хотела бы сказать ему, за что...»

Одна из цветочниц подозвала Анжелику, чтобы та помогла ей составить букет. Анжелика подобрала цветы с большим вкусом, и торговка дала ей двадцать сольдо.



— По виду ты слишком зрела, чтобы быть ученицей, — сказала она. — На это уйдет два года. Но ты и так хорошо разбираешься в букетах. Давай работать вместе, мне хорошо платят.

Анжелика покачала головой и удалилась.

Она купила два пирожка с яблоками и пошла бродить по мосту.

Недалеко устроился ослепительный дантист Великий Матье. Его обычный оркестр из трех человек привлекал внимание зевак, создавая веселую атмосферу, и одновременно покрывал крики пациентов, которым Матье вырывал зубы.

В перерывах между пациентами Великий Матье разгуливал по платформе и рекламировал, ссылаясь на новейшие достижения науки, различные лекарства, порошки, эликсиры от всех болезней.

— Перед вами, дамы и господа, наиболее значительная фигура в научном мире, виртуоз, мастер своего дела, светило в медицине, последователь Гиппократ, знаток природы и выпускник лучших европейских факультетов. Вы видите перед собой эмира, химика, патолога, гомеопата. Я вылечиваю нищих за благодарность и богатых за деньги. Я не доктор и не философ, но знаний у меня больше, чем у докторов и философов. Практика дает больше, чем книга.

Анжелика не выдержала и засмеялась. Матье заметил ее и дружески подмигнул.

«Я смеюсь. Почему? — спросила себя Анжелика. — Ведь все это глупо — то, что он рассказывает».

Неподалеку от платформы Матье разносился голос старика с деревянной ногой.

— Идите все сюда посмотреть на красного человека. До сих пор вам приходилось видеть людей с черной кожей. Но что может быть обыкновенней чернокожих марокканцев, которых продают нам турки! А я покажу вам человека из далекого неведомого мира, который называют Америкой. Я недавно приехал из Америки...

Упоминание об Америке заставило Анжелику приблизиться. У него был далеко не такой красочный и привлекательный вид, как у обычных зазывал на мосту Неф. Да и голос его звучал хрипло и не мог привлечь много гуляк. В одном ухе старика висело небольшое золотое кольцо.

— Я старый матрос, я плавал много лет под парусами королевского флота. Нет ничего, что бы я не знал о далеких землях. Вы

торопитесь, дамы и господа, но вы должны найти минутку, чтобы посмотреть на человека, которого я привез с собой из-за моря.

Он указывал деревянной палочкой на плетеную клетушку, почти полностью закрытую занавеской.

— Красный человек, господа, красный человек!

Анжелика бросила в миску, которая стояла возле старика, несколько сольдо. К ним подошло несколько прохожих. Они тоже бросили деньги. Когда старик решил, что зрителей набралось достаточно, он театральным жестом откинул занавеску.

В клетке, как показалось сначала Анжелике, сидело на коленях неподвижное медное изваяние, голова и бедра которого были покрыты перьями.

Изваяние пошевелилось, и кожа его сверкнула в лучах солнца. Зрители зашептались. Не было сомнения: перед ними сидел человек. У него были человеческий нос, рот и уши, полузакрытые удлиненные глаза, руки и ноги. Кожа его была красноватого оттенка и напоминала смуглую кожу испанцев или итальянцев.

Поглядев немного на американца, люди стали расходиться. Старик накинул на клетку занавеску, достал из кармана листья табака, скатал из них шарик и стал медленно жевать.

Америка... Она вспомнила своего брата Жосселена, который однажды сказал ей:

— Знаешь, скоро я поплыву за море! — глаза его горели, а в голосе чувствовалась решимость.

...Однажды в их замок приехал под вечер пастор Рошфор. Вокруг него собрались все дети де Сансе и восхищенно смотрели на этого таинственного путешественника. Жосселен, Раймонд, Гортензия, Гортран, Анжелика, Маделон, Дени, Мари-Анн... Какие они были тогда счастливые и красивые, дети де Сансе! Слова пастора проникали в самую глубь их сердец.

— Я лишь путешественник, которому не дает покоя любопытство. Но меня покорили те далекие земли, где никто не знает, что такое нищета, где человек чувствует себя свободным. Там я понял, что все зло в мире идет от людей с белой кожей. Они не следуют наставлениям Бога. Они не слушают Его, а делают наоборот. Ведь Бог не приказывал убивать, разрушать, любить себя...

Анжелика закрыла глаза. Когда она открыла их, то увидела перед собой Жактанса, Толстосума, Пивуана, Гобера и Красавчика.

— Наконец-то! — воскликнул Пивуан, хватая ее за руку. — Мы не верили, что когда-нибудь увидим тебя живой.

— Ты должна была погибнуть в зубах этого пса!

— Осторожного и еще одного нашего взяли. Их повесили сегодня на площади Грев.

Их лица, пропитые голоса, бранная речь вернули Анжелику к действительности. Она поняла, что опутана такими цепями, которые не разорвать в один день. Но с этого дня, который она называла про себя «днем сена» или «днем на мосту», у нее появилась надежда на освобождение.

— Знаешь, почему мы гуляем по мосту Неф? Сейчас малыш Флипо будет показывать свое искусство по срезанию кошельков.

Флипо, один из ловких пареньков, обитавших в башне Несль, имел по такому случаю парадный вид. На нем был фиолетовый костюмчик и тяжелые кожаные башмаки, в которых он не мог сделать и шага без боли.

Жактанс давал ему последние наставления:

— Слушай меня, малыш. Сегодня у тебя дельце посложнее, чем просто срезать кошелек. Сегодня ты должен устроить хорошую свалку.

— Да, — ответил Флипо и нервно вытер рукавом нос. Его напарники тщательно разглядывали толпу.

— Смотрите, вон подходящий господин, который слишком занят своей красивой дамой. Ты видишь их, Флипо? Они подошли сейчас к Великому Матье. Подходящий момент! Вперед, малыш!

Бдительный взор Жактанса следил за действиями своего ученика. Внезапно он закричал:

— Господин, господин! Эй! Хотят срезать ваш кошелек! Прохожие посмотрели в том направлении, куда он указывал, и побежали туда. Пивуан подхватил:

— Монсеньор, осторожнее! Вот тот мальчишка ограбит вас. Выбранный бандитами господин протянул руку к своему кошельку и схватил за руку Флипо.

— Я поймал вора! — закричал он. Его спутница завопила от страха.

Мост Неф охватила всеобщая сумятица... Люди стали кричать, хватать друг друга, отбиваться, в то время как «солдаты» Каломбрена усиливали смятение своими выкриками.

— Вот он!

— Я поймал вора!

— Держите его, уходит!

Испуганные дети заплакали, прилавки опрокинулись. Продавцы, защищаясь, стали кидать в дерущихся апельсинами и яблоками.

Красавчик подбегал от одной женщины к другой и целовал их на глазах у мужей, которые сразу же кидались за ним в погоню, стараясь ударить тростью.

Среди всей этой неразберихи Жактанс и его напарники срезали у господ кошельки, срывали драгоценности и дорогую одежду. А Великий Матье с высоты своей низкой тележки горланил, гремя саблей:

— Вперед, ребята! Всем в драку! Это полезно для здоровья! Анжелика отступила за торговые ряды, откуда ей было удобно наблюдать за свалкой. Находясь вне опасности, она смеялась до слез.

— Ты находишь, что это смешно, паршивка! — проворчал у нее над ухом медленный голос.

Чья-то рука схватила ее за запястье. «Шпика нельзя определить по одежде, его надо чувствовать», — учил ее Пивуан, и за эту ночь Анжелика научилась. Она продолжала смеяться, но не громко, стараясь придать лицу невинное выражение.

— Да, они очень смешны, эти люди, которые бьют друг друга без разбора.

— А ты, может быть, знаешь, почему они дерутся, а?

Анжелика повернулась к полицейскому и улыбнулась. Внезапно она схватила его за нос, а когда тот задрал голову от боли, другой рукой ударила его по шее. Этому научила ее де Поляк. Такого удара было недостаточно, чтобы свалить полицейского, но хватило, чтобы он отпустил ее руку.

Освободившись, Анжелика бросилась бежать через толпу.

В башню Несль каждый возвращался своей дорогой.

— Теперь можно сосчитать награбленное, — сказал Жактанс. — Ко что это была за жатва! Что за жатва!..

На центральный стол посыпались пальто, шпаги, украшения, кошельки.

Флипо, оборванный, с достоинством бросил на стол пухлый кошелек указанного ему господина.

С этих пор он обедал на равных с матерыми ворами за столом Каломбредена.

## Глава 7

— Анжелика, — бормотал Николя, — если бы ты не вернулась...

— Что бы тогда произошло?

— Не знаю...

Он притянул ее к себе и прижал к груди так сильно, что чуть не раздавил.

— Ох! Отпусти меня, — вздохнула она, вырываясь.

Она подошла к зарешеченному окну и стала смотреть вдаль. Звезды отражались в спокойных водах Сены. Воздух был наполнен ароматом цветов, распустившихся в пригородах и садах Парижа.

Николя приблизился к Анжелике, продолжая пожирать ее взглядом. Ей был любопытен этот всплеск страсти.

— Что бы ты сделал, если бы я не появилась?

— Все зависит от того, что бы они с тобой сделали. Если бы тебя замучили полицейские, я собрал бы всю свою армию и разгромил бы полицию. Если бы тебя загрызла эта собака, я разыскал бы ее вместе с хозяином и прикончил обоих. Если бы... — голос его стал грозным. — Если бы ты ушла к другому... я вернул бы тебя, а его изрезал на куски.

Она улыбнулась, потому что ей вспомнилось бледное и насмешливое лицо студента. Но Николя был проницательнее, чем она думала.

— Не думай, что тебе удастся легко избавиться от меня, — продолжал он угрожающим тоном. — В нашем мире не предадут, за это платят жизнью. И для тебя не будет исключения. Нас очень много, мы сильны. Тебя разыщут, где бы ты ни спряталась: в монастыре, даже в королевских покоях... Ты знаешь, как мы организованы. А я очень люблю устраивать облавы.

Он распахнул куртку и вытащил небольшой медальон на цепочке:

— Смотри, это медальон, который передала мне моя мать. Она сказала: «Это талисман твоего отца!» А моим отцом был не толстяк, которого звали папашей Мерло. Моя мать зачала меня до него, с офицером довольно высокого звания. Она никогда не говорила мне его имени. Но, когда папаша Мерло хотел меня поколотить, она кричала:

— Не трогай его, он благородной крови! Ты забыл об этом?

— Незаконнорожденный от солдафона! Есть чем гордиться! — кричал он в ответ.

Николя снова взял огромными руками Анжелику за плечи.

— Теперь ты предупреждена. Если когда-нибудь ты меня обманешь... Если ты будешь спать с другим...

— Не бойся. Мне вполне хватает твоих объятий.

— Почему ты говоришь это таким злым голосом?

— Потому что после тебя, после твоего безумного темперамента уже не хочется думать о любви. Если бы ты умел быть чуточку нежнее!

— Я, я недостаточно нежен с тобой? — побагровел он. — Я, который обожает тебя! Ну-ка повтори, что ты сказала!

Он занес над ней свой массивный кулак. Она вскрикнула пронзительным голосом:

— Попробуй только тронь! Вспомни лучше о де Поляк! Рука его опустилась. После некоторого раздумья он вздохнул.

— Прости меня, Анжелика. Ты, как всегда, одержала верх. Он попробовал улыбнуться и протянул к ней руку.

— Николя, — мечтательно сказала Анжелика. — Помнишь, как мы хотели убежать в Америку?

— Да.

— А если нам отправиться туда сейчас на самом деле?

— Ты с ума сошла!

— Нет, уверяю тебя... Это страна, где все свободны...

Николя молчал, а она стала убеждать его.

— Что нас ждет в Париже? Тебя здесь ожидают тюрьма, виселица или галера. А что будет со мной, если ты навсегда исчезнешь?

— Когда ты находишься во Дворе чудес, никогда не надо думать о завтрашнем дне. Лишь бы сейчас было хорошо.

— Там мы сможем бесплатно взять невозделанные земли. Мы будем выращивать пшеницу. Я буду тебе помогать.

— Ты с ума сошла! — повторил он, и в голосе его послышались гневные нотки. — Я не имею ничего общего с землепашцами. А кроме того, как я могу оставить Родогону Сен-Жермен?

Она не ответила ему и уныло посмотрела на окошко.

— Бабье... Когда им что-нибудь взбредет в голову...

Рассерженный, он отвернулся к стенке. Потом, заметив, что Анжелика уснула, он хотел разбудить ее, но молодая женщина улыбнулась во сне. Ей снилось, как корабль с белоснежными парусами несет ее в открытое море.



## Глава 8

Одним летним вечером в башне Несль появился Жан-Пурри. Он зашел повидать женщину, которую звали Фанни-Несушка и у которой было десять детей.

Жан-Пурри пришел заранее купить у нее ребенка, которого она ждала. Она предупредила его:

— Тебе придется заплатить за него дороже, так как одна нога у него будет кривой.

— Откуда ты это знаешь?

— У того, кто его сделал, была кривая нога.

Обезьянка Пикколо вспрыгнула на плечо к Жану-Пурри и дернула его за волосы.

— Проклятая тварь! — вскрикнул человек, отмахиваясь от Пикколо своей шляпой.

Анжелика была весьма довольна выходкой своей любимицы. Она не скрывала неприязни, которую вызывал у нее торговец детьми. Но Жан-Пурри был опасен, так как пользовался доверием самого Великого Коэсра. Поэтому ей пришлось отозвать обезьянку.

Жан-Пурри приводил свои волосы в порядок, бормоча проклятия. Он уже не раз доносил Великому Коэсру, что банда Каломбредена отбилась от рук, ведет себя нагло и отказывается подчиняться, чувствуя себя хозяевами в городе.

— Иди лучше опрокинь стаканчик, — позвала де Поляк, чтобы успокоить его.

Вино, которое она предложила ему, только что сняли с огня, и оно должно было согреть щуплого коммерсанта. Он всегда мерз, даже летом.

Выпив, Жан-Пурри приободрился, на его лице заиграла злорадная улыбка.

В этот момент дверь отворилась, и в зал вошли шарманщик Тибо с маленьким Лино.

— А! Вот и товар! Иди-ка сюда, крошка, — сказал Жан-Пурри, потирая руки. — Тибо, на этот раз решено: я покупаю у тебя отрока и плачу за него — прислушайся! — плачу за него пятьдесят ливров.

Старик растерянно захлопал глазами через отверстие в верхе своей шляпы.

— Что я буду делать с этими пятьюдесятью ливрами? А кто будет стучать в бубен вместо Лино?

— Ты найдешь себе другого паренька!

— Но это мой внук.

— Тогда ты должен заботиться о его счастье, — возразил продавец детей с улыбкой. — Подумай только, что твой внук будет носить бархат и жемчуга. Я ведь знаю, кто будет покупатель. Мальчика возьмет к себе один из принцев, и если он будет достаточно ловким, когда вырастет, то сможет устроить свою судьбу совсем неплохо.

Жан-Пурри потрепал мальчугана по каштановым локонам.

— Скажи, малыш, тебе хочется одеваться, как дворянину, есть из серебряной посуды?

— Не знаю, — ответил мальчик, надув губы.

Лучик света скользнул через незапертую дверь и осветил маленького Лино. Это был красивый мальчик с длинными ресницами, крупными черными глазами, губами мягкими и красными, как малина. Походка его была грациозна. Даже в рваной одежде он выглядел привлекательно.

— Пойдем, пойдем! — взял его за руку Жан-Пурри. — Идем со мной, мой милый агнец.

— Но я не давал согласия! — крикнул старик, которого уже била дрожь. — Ты не имеешь права забирать у меня моего внука!

— Я не отнимаю его у тебя, я покупаю. За пятьдесят ливров! Это справедливая цена, не так ли? Будь доволен тем, что тебе предлагают. Иначе ты можешь остаться вообще без всего. Пойми меня правильно, — он отстранил старика от двери и уже совсем было вышел, как его остановил резкий крик Анжелики:

— Ты не сможешь увести его без разрешения Каломбредена! Взяв Лино за руку, она увела его в глубину зала.

Лицо торговца детьми, и без того бледное, побелело до предела. Он не находил слов от возмущения. Наконец он перевел дух.

— Ну что ж, подождем Каломбредена.

— Можешь ждать его, если хочешь, — сказала, приближаясь, де Поляк, — но знай, что он всегда делает так, как говорит она.

В голосе ее звучали одновременно зависть и восхищение.

Каломбретен вернулся в сопровождении своей свиты только в пол-ночь. Прежде всего, он велел принести ему выпить. Затем они с Жанином стали обсуждать что-то вполголоса.

В этот момент в дверь башни постучали. Это не было в обычае бродяг. Пивуан, доставая на ходу шпагу, пошел открывать. Снаружи послышался женский голос.

— Здесь Жан-Пурри?

— Заходите, — ответил Пивуан.

Факелы, торчащие из стены у входа, осветили крупную женщину, лицо которой скрывала мантия. За ней стоял лакей, который держал перед собой прикрытую корзину.

— Мы разыскиваем тебя от самого Сен-Дени, — сказала женщина торговцу. — Нам сказали потом, что ты здесь.

Анжелика отошла в тень, чтобы не попадаться на глаза неожиданной гостье. Она узнала в ней Бертиллу, горничную графини де Суассон, которая несколькими месяцами раньше содействовала ей в покупке Куасси-ба.

— У тебя кто-нибудь есть для меня? — спросил Жан-Пурри. Многообещающим жестом женщина сняла с корзины полотенце и поставила ее на стол. Потом она вынула из нее новорожденного.

— Вот! — сказала она.

Жан-Пурри со скептической гримасой осмотрел младенца.

— Голова вроде бы ничего, — недовольным голосом сказал он. — Но больше тридцати ливров ты за него не получишь, будь я проклят.

— Тридцать ливров! — воскликнула женщина. — Ты слышишь, Жак? Но ты, должно быть, недостаточно хорошо рассмотрел его. Неужели ты не можешь с первого взгляда оценить товар? Посмотри-ка на него хорошенько.

Проснувшийся малыш начал шевелить ручками и ножками.

— Какой он загорелый! — удивилась де Поляк.

— Это сын негра и белой женщины, — объявила хозяйка ребенка.

— Представляешь, каким красивым он будет, когда вырастет? Это редкий товар, Жан-Пурри. Через несколько лет ты сможешь перепродать его очень дорого как пажа.

Она отмахнулась и сказала:

— Кто знает, может быть, ты продашь его своей же матери, госпоже де Суассон.

Глаза Жана-Пурри уже горели жадным огнем.

— Хорошо, — сказал он. — Я даю за него сто ливров.

— Сто пятьдесят.

— Ты хочешь разорить меня! Да знаешь ли ты, как дорого обходится их содержание? Сколько еды он проглотит за шесть лет! Я ведь должен сделать из него розовощекого красавца.

Они продолжали торговаться. Ребенок лежал на столе, и все по очереди подходили и разглядывали его немного испуганно.

— Но кто мне подтвердит, что это действительно сын негра?

— Я клянусь тебе, что его отец был черным, как уголь.

Фанни-Несушка с ужасом воскликнула:

— Можно сойти с ума от страха... Как же твоя хозяйка решилась на такое?

— Говорят, что негру достаточно посмотреть прямо в глаза женщины, чтобы сделать ее беременной, — сообщила де Поляк.

Служанка залилась смехом.

— Говорят! Так стали говорить и в Тюильри, в Пале-Рояле, когда заметили, что живот моей хозяйки пухнет. Когда слухи дошли до короля, он сам пожелал взглянуть на нее. Представляете, как рассердился Его Величество? Король пришел в ярость от подозрения, что человек с черной кожей спал с его любовницей. Но мы нашли выход. Объявлено, что роды будут в декабре. Негр покинул дворец в феврале. Если госпожа родит в декабре, то все подозрения будут сняты. Сейчас она носит под платьем подушку и отказывается от выездов под предлогом, что ребенок сильно ворочается у нее в животе. В нужный момент мы купим белокожего младенца. А негр пусть горбатится на галерах...

— За что его отправили на галеры?

— За одну историю с черной магией. Он был сообщником того колдуна, которого сожгли на площади Грев.

Анжелика при этих словах не могла удержаться, чтобы не посмотреть в сторону Николая. Но тот равнодушно ел. Она еще глубже спряталась в тень. Ей нестерпимо хотелось выйти незаметно из зала, но еще больше она жаждала услышать продолжение истории.

— Это была грязная история, — заговорила вновь Бертилла, понижая голос. — Этот черный дьявол умел колдовать. Он точно

наслал на наш дом порчу... Вот почему Вуазен отказалась нам помочь избавиться от плода, когда госпожа обратилась к ней.

Баркароль восседал на столе рядом с корзиной.

— Ха! Я эту даму и тебя видел несколько раз. Вспомни, кто открывал дверь в покои Вуазен, моей знаменитой колдуньи.

— Действительно, это был карлик, только я не узнала тебя.

— Вуазен не хотела браться за это дело, так как знала, что в животе твоей хозяйки сидит ребенок от негра.

— Откуда она знала?

— Она знает все.

— Это правда, — испуганным голосом произнесла Бертилла. — Она посмотрела на руку и по линиям ладони определила, что это ребенок со смешанной кровью, что он сын колдуна. Она пообещала, что поможет с родами и что никто об этом не узнает. И еще — она запросила много денег за работу. Дело было позавчера ночью в Фонтенбло. Вуазен пришла со своим сподручным, волшебником по имени Лесаж. Госпожа рожала в домике, принадлежащем родственнице Вуазен. На рассвете я увезла ее домой, а уже в девятом часу она предстала перед королевой, как заведено. Все, кто ждут скандала, будут разочарованы: для них госпожа де Суассон по-прежнему остается беременной и родит только в декабре. Ребенок будет белым, и господин де Суассон будет вынужден признать его своим сыном.

— Я слышал, как моя наставница хвасталась Лесажу, как много она содрала с твоей госпожи.

— Да, Вуазен жадна, как акула. Она так причитала и набивала себе цену, что моя госпожа и меня отблагодарила за содействие в таком опасном деле. Она подарила мне небольшое кольцо.

Затем служанка посмотрела на карлика и задумалась.

— Мне кажется, — произнесла она, — что ты мог бы сделать счастливой одну довольно знатную госпожу, которую я знаю.

— Мне всегда казалось, что мне суждено приблизиться к кругу знатных людей, — немедленно отозвался карлик.

— Карлик королевы умер, отчего она так опечалена, что много дней не может прийти в себя. Не меньше горюет и карлица. По-моему, ей нужен новый спутник ее же роста.

— О! Я уверен, что с первого взгляда понравлюсь этой благородной даме! — воскликнул Баркароль, хватая за рукав служанку. — Веди меня к ней, красавица, веди меня к самой королеве. Не правда ли, я нравлюсь женщинам?

— По-моему, он вовсе не урод, а Жак? — обратилась она с улыбкой к своему лакею.

— Я даже по-настоящему красив, — возразил новоявленный жених. — Если бы природа отпустила мне еще пару дюжин сантиметров роста, я был бы самым известным соблазнителем женщин. А что касается моего красноречия...

— Но карлица говорит только по-испански!..

— Я говорю по-испански, по-немецки и по-итальянски.

— Тогда надо вести тебя! — воскликнула Бертилла, захлопав в ладоши. — Это будет замечательное дельце, меня заметит Его Величество! Поторопимся. Нам надо к утру быть в Фонтенбло, весь двор сейчас там. Хочешь, я спрячу тебя в корзинку?

— Приехали... Вы смеетесь надо мной, мадам! Не забывайте, что перед вами не кто-нибудь, а фаворит самой королевы...

— Не забывай своих бывших друзей, — мрачным голосом попрощался с ним Каломбрден, — когда станешь богатым.

— Можешь повесить меня своими руками, если я хоть кого-нибудь забуду! — прокричал с порога карлик.

Точно вспомнив о чем-то, он развернулся и побежал в тот угол, где пряталась Анжелика.

— До встречи, незабвенная маркиза ангелов, — он поднял на нее свои глазки и воскликнул с пафосом растроганного влюбленного, — я верю, моя драгоценная, что мы встретимся когда-нибудь. Назначаю тебе свидание... в покоях королевы!

## Глава 9

Король работал, король танцевал, король охотился. Король был влюблен. Прекрасная Луиза де ля Валльер смущенно поднимала на монарха свои великолепные карие глаза. Двор чутко следил за восхождением скромной блондинки, у которой Луи Четырнадцатый был первым мужчиной.

Ей едва исполнилось семнадцать лет. Она происходила родом из бедной многодетной провинциальной дворянской семьи и могла бы легко остаться незамеченной среди фрейлин, окружающих королеву. Теперь же все они перешептывались и завистливо восклицали: «Она стала фавориткой!-)» Как трудно ей было переносить изобилие обращенного на нее внимания! Как она пыталась скрыть возникшее чувство к возлюбленному и стыд от совершенного греха! Но придворные не отставали. Они слишком хорошо знали механизм должностных перетасовок и получения льгот. В то время как королева была обременена материнскими обязанностями и проводила дни в обществе одной лишь безутешной карлицы, двор вместе со своим королем предавался развлечениям.

Принц де Конде, вместо того чтобы побеждать в сражениях или интриговать против короля, неизменно участвовал в роскошных банкетах на открытом воздухе, собственноручно обслуживая Луи Четырнадцатого и его избранницу...

Сидя на берегу Сены, Анжелика задумчиво наблюдала, как спускаются сумерки на башни Нотр-Дама. Над его крышами стремительно проносились ласточки. Время от времени какая-нибудь птица с резким криком пролетала совсем рядом от нее.

Внезапно Анжелика поднялась с камня.

«Я должна повидать своих малышей», — подумала она.

За двадцать сольдо ее отвезли в Сен-Ландри. Анжелика побежала по улице Анфер и остановилась у дома прокурора Фалло де Сансе. Она и не думала входить в дом прокурора в своей бедняцкой одежде. Но решила, что может спрятаться неподалеку и хотя бы издали посмотреть на своих мальчиков. Она ловила себя на мысли, что плохо помнит их лица. Сколько им сейчас исполнилось? Флоримону

немногим больше двух лет. А Кантору? Семь месяцев. Она оставила его таким крошечным!

Прислонившись к стене возле мастерской сапожника, она пристально смотрела на входную дверь в надежде, что та откроется. Роскошный экипаж привозил ее сюда из Лувра. Сюда приезжал король, пышно разодетый. Сюда же ей приносили письма от главного интенданта королевства Фуке. «Соглашайтесь, дорогая моя... Это лучше, чем лишиться жизни...»

Она отказалась. И потеряла все. В глазах окружающих она действительно перестала существовать.

Время шло, но никто не появлялся. Только за занавесками приемного зала прокурора двигались тени клерков.

Один из них вышел на крыльцо, чтобы зажечь ночной фонарь. Анжелика приблизилась к нему.

— Господин, скажите, прокурор Фалло де Сансе живет сейчас здесь или уехал в свое имение?

— Нет, господин Фалло больше не живет здесь. Он продал свою должность и переехал. Он скомпрометировал себя в ходе судебного процесса над одним из колдунов, в котором была замешана его семья. Ему пришлось переехать в другой квартал.

— Скажите мне, в какой квартал?

— Нет, — ответил клерк суровым голосом. — Я не знаю. Но если бы я знал, то не сказал бы тебе. Ты не можешь быть клиенткой господина де Сансе.

Анжелика почувствовала себя потерянной. Вот уже несколько дней она жила ожиданием встречи с детьми. Она представляла, что встретит их возвращающимися с прогулки. Кантора несет на руках служанка Барба, Флоримон весело скачет вокруг них.

Сапожник, который приготовился запереть мастерскую на ночь и который слышал разговор, сказал ей:

— Тебе очень нужно повидать господина Фалло? Ты хочешь судиться с кем-то?

— Нет, — ответила Анжелика, стараясь не подавать виду, что взволнована. — Я хотела бы повидать свою подругу, которая служила у него. Ее звали Барба. А вы не знаете, часом, адреса господина де Сансе? Или хотя бы квартал, где он сейчас живет.



— Я не знаю, где теперь живет прокурор со своей семьей, но Барбу я однажды видел. Она не живет больше с ними, но служит кухаркой на улице Валле-де-Мизер под вывеской «Кок-Арди».

Она бежала в указанном направлении по совсем темным улицам. Эта улица находилась позади тюрьмы Шателе, почти всю ее занимали харчевни и гостиницы. По ней разносились вопли куриц и петушков, которым сворачивали шеи, и скрип вертелов с поджариваемым мясом. Харчевня «Кок-Арди» находилась дальше всех.

Анжелика вошла в слабо освещенный зал. За стойкой возле кувшина с вином стоял грузный хозяин в грязном кухонном фартуке. Казалось, он больше занят собственной выпивкой, чем обслуживанием посетителей. Их было немного, это были ремесленники и крестьяне.

Анжелика подошла к хозяину.

— У вас служит кухарка по имени Барба?

Молча человек указал ей на дверь за стойкой.

Анжелика прошла на кухню и увидела свою бывшую служанку, которая сидела перед очагом и общипывала курицу.

— Что тебе нужно, девушка?

— Барба! — сказала Анжелика.

Служанка широко раскрыла глаза от удивления и издала приглушенный вскрик.

— О! Мадам!.. Извините меня, мадам...

— Не надо больше называть меня мадам, — коротко сказала Анжелика. Она села на табуретку. Здесь было очень жарко.

— Барба, где мои сыновья?

Толстые щеки Барбы задрожали, будто она собралась разрыдаться. Она с трудом смогла ответить.

— Они у кормилицы, мадам... В деревне возле Лонгшам. Госпожа Гортензия сразу отдала их кормилице. Я ходила один раз к ней, чтобы передать деньги, которые вы оставили. Гортензия требовала, чтобы я отдала ей эти деньги, но я хотела, чтобы они послужили детям. Потом уже я не смогла больше навещать кормилицу, Я ушла от Гортензии и сменила несколько мест...

Теперь она говорила торопливо и сбивчиво, избегая встречаться взглядом с Анжеликой.

Анжелика задумалась. Местечко Лонгшам лежало недалеко от города. Светские дамы даже навевывались туда для прогулки.

Барба продолжала нервно ощипывать курицу. На Анжелику смотрел жадными глазами один из поваров, которому приглянулась красивая женщина. Но она давно привыкла к подобным взглядам.

— Где ты сейчас ночуешь, Барба?

— Здесь же, у меня есть каморка за кухней.

— Почему остановилась работа? — крикнул недовольным голосом хозяин. — Давид, тебя зовут посетители. А курицу л сегодня так и не дождусь, Барба? И какого черта здесь толчется эта нищенка? А ну, пошла отсюда!

— О мадам!.. — в отчаянии прошептала Барба.

Но в этот момент у Анжелики не хватило сил смолчать. Она уперлась в бока и выплеснула на хозяина дюжину отборных ругательств де Поляк.

— О мадам!.. — повторила Барба, не веря своим ушам. Анжелика воспользовалась замешательством хозяина и шепнула:

— Я буду ждать тебя на улице, во дворе.

Немного погодя они встретились за кухней, и служанка показала свою комнатку, которую хозяин, мэтр Буржуе, сдавал ей за несколько сольдо.

— У меня очень бедно, мадам, — смущенно сказала Барба. Анжелика сбросила туфли и забралась на кровать, на которой лежал соломенный тюфяк.

— Не сердитесь на мэтра Буржуса, — снова начала извиняться Барба. — Он не злой человек. Но с момента смерти жены он совсем упал духом и сильно пьет. К нему приехал племянник из деревни, чтобы помочь вести хозяйство, но дела идут все хуже и хуже.

— Барба, если ты согласишься, я останусь у тебя. Завтра я уйду на рассвете, чтобы найти своих малышей.

— Мадам, это сделает мне честь.

— Честь... — задумчиво произнесла Анжелика. — Посмотри на меня повнимательнее и не говори больше о чести.

Барба зарыдала.

— О мадам! — всхлипнула она. — Ваши прекрасные волосы... Такие прекрасные волосы... Кто теперь будет их расчесывать?

— Я сама расчесываю их иногда. Барба, не плачь так сильно, я тебя прошу.

— Если вы разрешите мне, мадам, я попытаюсь... У меня здесь есть расческа...

Ловкие руки служанки принялись перебирать золотистые локоны. Анжелика закрыла глаза. Достаточно было пальцам Барбы притронуться к ее волосам, как ее воображение полностью воссоздало атмосферу давно ушедшего уюта в ее прежнем доме.

— Не плачь, — сказала Анжелика. — Все это когда-нибудь кончится. Не скоро, конечно, но мой день еще придет. Я сумею вырваться, я чувствую это. Не плачь, Барба...

Они спали на одной кровати. Барбе приходилось начинать работу с первыми лучами солнца. Анжелика спустилась вместе с ней на кухню. Барба дала ей выпить горячего вина и два пирожка.

Анжелика вышла через ворота Сен-Оноре, не зная еще точно, что она предпримет, найдя своих малюток. Может быть, она посмотрит на них издали и уйдет. А может быть, ей удастся угостить их пирожками.

Наконец, она вышла к дому, в котором, как ей сказали, жила кормилица. Анжелика издали увидела кучу детей, играющих в пыли под присмотром девочки лет тринадцати. Они выглядели неухоженными, но вполне здоровыми.

Из дома вышла дородная женщина в деревянных башмаках, и Анжелика поняла, что это и есть кормилица.

— Я хочу видеть двух малышей, которых принесла вам госпожа Фалло де Сансе, — сказала она кормилице.

Крестьянка презрительно посмотрела на нее. Это была сильная темноволосая женщина.

— Вы что, соизволили принести деньги за их содержание?

— Разве вам что-то задолжали за них?

— Что? — воскликнула женщина. — Того, что оставила госпожа Фалло и что принесла потом служанка, хватило всего на один месяц. А потом про нас будто забыли! Я ходила в Париж, чтобы напомнить о плате, но Фалло и след простыл. Они переехали!

— Где они? — спросила Анжелика.

— А я откуда знаю? — кормилица пожала плечами. — Мне хватает хлопот с теми детьми, за которых платят.

Девочка, стерегущая детей на дороге, подошла к Анжелике.

— Пойдемте, я покажу вам одного малыша. Может быть, вы о нем спрашиваете.

Она повела Анжелику через скотный двор фермы к стойлу, где стояли две коровы. В дальнем углу за корытом с питьем стоял деревянный ящик. В нем Анжелика с трудом разглядела ребенка, на вид ему было шесть месяцев. Он был голый, только живот ему прикрывал кусок мешковины, который ребенок обсасывал со всех сторон.

Анжелика вытащила малыша и вынесла его на свет.

— Я положила его в стойло потому, что здесь теплее ночью, чем на улице, — объяснила девочка. — Здесь можно найти хлебные корки. Я дою коров утром и вечером и каждый раз даю малышу немного молока.

Анжелика в растерянности смотрела на полузамороженного ребенка. Ей не верилось, что это Кантор. Она держала в руках худого сосунка, покрытого нарывами и язвами, к тому же он был темноволосый в отличие от Кантора. В этот момент малыш открыл глаза.

— Смотрите, у него зеленые глаза, такие же, как у вас, — сказала девочка. — Вы его мать?

— Да, я его мать, — сказала Анжелика упавшим голосом. — А где же старший?

— Скорее всего, он сидит в собачьей будке.

— Жавотта, не суй нос куда не следует! — раздался окрик крестьянки. Кормилица презрительно смотрела от ворот на женщину и все еще надеялась, что та принесла ей деньги за детей.

Девочка протянула руку в конуру и притянула к себе какое-то существо. Показалась свалывшаяся черная шерсть.

Как она не узнала сразу эту шевелюру, которая могла принадлежать только сыну Жоффрея де Пейрака? Но, кроме этих пышных волос, малыш ничем больше не мог порадовать свою мать. Тело его напоминало скелет, кожа вся в ссадинах и пропитана пылью.

Анжелика присела перед ним на колени и отбросила с лица спускавшуюся челку. На бледном лице поблескивали черные глаза. На улице было жарко, но ребенка то и дело бросало в дрожь.

Анжелика на время оставила детей и подошла к кормилице.

— Вы бросили их на произвол судьбы, вы оставили их умирать с голоду! Уже несколько месяцев мои дети живут здесь сами по себе, не получая даже еду, кроме объедков от собаки. Вы презренная женщина.

Крестьянка покраснела от злости.

— Какова нахалка! — воскликнула она. — Мне подбросили этих младенцев, без оплаты вперед, потом исчезли, не оставив адреса, а теперь меня обвиняют в том, что я ими не занималась!

Не слушая ее, Анжелика вошла в дом. Там она сняла с веревки кусок полотна, который висел перед очагом, она сделала из него подобие люльки, положила туда Кантора и подвесила у себя за спиной, как делают цыганки.

— Что это ты задумала? — спросила кормилица, не отстававшая ни на шаг от Анжелики. — Ты хочешь забрать их, да? Но сначала надо заплатить за их содержание.

Анжелика вынула из кармана несколько монет и бросила их в пыль. Крестьянка усмехнулась:

— Пять ливров! Ты должна мне триста! Плати, или я позову соседей и натравлю на тебя собак.

Она встала в воротах фермы и загородила Анжелике дорогу. Та сунула руку под платье и достала свое оружие. Тонкое лезвие Родогона блеснуло на солнце. Глаза ее сверкнули не менее ярко...

— Уйди с дороги, скотина! — мрачно сказала она. — С дороги, или я пушу тебе кровь!

Крестьянка, услышав интонации бандитской речи, испуганно отпрянула. Слишком хорошо, знали здесь, в пригородах Парижа, нравы этих людей и их умение обращаться с ножом.

— Не зови никого! Не впутывай в это дело соседей, иначе они тоже пострадают. Если вы устроите погоню за мной, завтра же все здесь сгорит дотла, а вас всех перережут. Поняла?

Она повесила нож на пояс, вернулась во двор за Флоримоном и взяла его на руки...

— Это кончится когда-нибудь, — твердила Анжелика, точно хотела успокоить мальчиков. — Я вырву вас из этой нищеты, вот увидите.

В башне Несль де Поляк помогла ей вымыть и накормить малышкой.

## Глава 10

Обнаружив в башне детей Анжелики, Каломбретен не проявил признаков ревности. Но на лице его застыло сумрачное выражение.

— Как ты могла решиться на такое? Разве не безумие — привести сюда этих младенцев? Ты видела, как растут здесь дети? Ты видела, чему здесь учат? Что из них делают попрошаек и обманщиков? Что их крадут для Жана-Пурри?

В ответ на его упреки она взяла его руку и просительно сказала:

— Но куда мне отвести их, Николя? Посмотри, что с ними сделали. Они умирают от голода. Я привела их сюда для того, чтобы они были под твоей защитой. Ведь ты такой сильный, Николя!

— Я не могу защитить их от всего, меня часто не бывает здесь. Ведь это дети голубой крови. Они не вынесут...

— Не говори так, Николя. Миг не на кого больше положиться. Помоги мне, мой Николя!

...Их прозвали «ангелятами». Они разделили повседневную жизнь Анжелики среди нищеты и преступлений. Каждое утро их поили свежим молоком. Кто-нибудь из бандитов подкарауливал у реки молочниц, которые направлялись на рынок, и брал пошлину для малышей. Сначала молочницы стали обходить эти места, но вскоре поняли, что лучше отдать пару кружек молока, чем тащиться по дальней дороге.

Кантор с Флоримоном медленно поправлялись. Анжелика сразу показала их Великому Матье. Ей нужно было лекарство, чтобы давать им от истощения.

— Когда я оставила его, он разговаривал, а теперь все время молчит, — жаловалась она на Флоримона.

Матье принял ее торжественно в личном кабинете, где царил полнейший беспорядок. Врач внимательно исследовал сухую кожу Кантора и натер ее мазью собственного изготовления. Он сказал, что через неделю от язв и нарывов не останется и следа.

Флоримона он осматривал с более озабоченным видом. Он тщательно обследовал его и вернул матери. Та была ни жива ни мертва от страха.

— Что с ним будет?

— Ничего особенного. Он должен больше есть. Начинать надо с небольших порций, потом пусть ест, сколько сможет.

— Но раньше он говорил...

— Сколько ему было, когда ты его бросила?

— Двадцать месяцев, неполных два года.

— Это неподходящее время для лишений, — озабоченно ответил Матье. — Лучше бы это случилось до или после.

Глаза Анжелики наполнились слезами. Она в отчаянии убеждала себя, что этот зубодер не может знать таких тонких вещей.

— Дайте мне какое-нибудь лекарство для него, — умоляла несчастная мать.

Эмпирик свернул из бумаги пакетик и насыпал в него порошок из высушенных трав. Он велел настаивать его и давать пить ребенку каждый день.

— Это сделает его болтливей, — обещал он с прежним насмешливым выражением. — Самое важное теперь, чтобы ребенок не испытывал больше чувства голода. Как и холода, и страха. Не оставляйте его одного, пусть рядом с ним будут одни и те же лица. Ему нужно лекарство, которого, к сожалению, я не могу вам дать. Ему нужна радость...

Она была поражена. Никогда с ней не разговаривали о ребенке таким образом даже светские врачи.

К Матье на прием уже рвался клиент. Он мычал и тыкал пальцем на распухшую щеку. Увидев его, оркестр начал играть, и Великий Матье отпустил женщину.

— Заставьте его улыбаться! — крикнул он вслед.

Отныне в башне Несль все старались развеселить Флоримона. Перед ним танцевали и пели песни. Для него воровали на мосту Неф апельсины, пирожные, игрушки. Один из артистов приходил к нему показывать дрессированных крыс, танцующих под скрипку.

Однако Флоримон продолжал бояться и пугливо прятал глаза, когда кто-нибудь приближался к нему. Только обезьянка Пикколо могла развлечь его. Но и она, несмотря на гримасы и прыжки, не могла заставить мальчика улыбнуться.

Шарманщику Тибо повезло больше других. Однажды он устроился неподалеку от Флоримона и заиграл старую мелодию;

Анжелика, державшая Флоримона на коленях, вдруг заметила, что он обеспокоенно зашевелился. Он поднял на нее свои зеленые глаза, приоткрыл рот и низким, обиженным голосом произнес:

— Мама!



## Глава 11

Сентябрь пришел холодный и дождливый.

В придворных кругах обсуждали арест богатейшего казначея-интенданта господина Фуке.

Бродяг заботили другие проблемы: приближалась долгожданная ярмарка, устраиваемая время от времени в Сен-Жермен. Ждали не столько ее открытия, сколько кровопролитной схватки, которая должна была разразиться между двумя главарями — Каломбреденом и Родогоном-Египтянином...

Арест финансиста Фуке прозвучал как гром среди ясного неба. Несколькими неделями раньше король и королева-мать посетили роскошное имение Фуке в Во-де-Виконт. В который раз уже они имели удовольствие любоваться великолепным замком, построенным архитектором Ле Во, созерцать фрески живописца Ле Брюна, продегустировать кухню знаменитого Вателя. Они обошли прекрасные сады, возделанные по английским образцам, орошаемые по проекту инженера Франчини, украшенные изящными прудами, фонтанами, гротами. В завершение весь двор был приглашен на премьеру спектакля, поставленного по комедии молодого талантливого автора Мольера.

Немного позже двор вернулся в Нант. Именно там однажды утром к господину Фуке подошел мрачный мушкетер.

— Вы ошиблись каретой, господин Фуке, — сказал офицер. — Вам следует ехать вон в той.

Рядом стояла карета с зарешеченными окнами.

— Что это значит, мой друг?

— Что вы арестованы именем короля.

— Воля короля — закон для всех, — пробормотал побледневший финансист, — но ему, право, не следовало бы пользоваться такими коварными методами...

Кто-то провел параллель между этим арестом и тем, другим, который привел к сожжению тулузского вассала, обвиненного в колдовстве. Но таких было мало. Большинство высокопоставленных

господ все еще не понимало, с какой железной волей им приходилось иметь дело.

...У Анжелики не было ни желания, ни сведений, чтобы интересоваться этими событиями. Великие плели интриги, смещали друг друга, боялись, входили в милость, исчезали. Даже в замке Плесси-Белльер хранилась спрятанная когда-то коробочка с ядом... Но теперь Анжелика была всего-навсего просто женщиной без имени, у которой остались только двое ее малышей.

...Если двор был взбудоражен, то мир нищеты был не менее взбудоражен ожиданием неизбежной схватки. В то время, когда королева и торговцы цветами с моста Неф ожидали появления наследника короля, Париж наводняли цыгане.

Эта битва во время Сен-Жерменской ярмарки, начавшаяся с самого ее открытия, удивляла многих.

Лакеи дрались со студентами, состоятельные люди то и дело выхватывали шпаги, женщин насиловали прямо на мостовой, кареты опрокидывали. Уже никто не помнил, с чего начались беспорядки, но они стали регулярными и продолжались изо дня в день. Лишь один человек имел более-менее полное представление о причинах. Это был Дегре, который давно следил за жожаками преступного мира Парижа. Недавно он получил должность капитана полиции Шателе. О нем говорили как об одаренном сыщике, одном из самых ловких в столице. Через некоторое время он обнаружил правду о деле самых крупных отравлений того времени, которые организовала маркиза де Бринвилье, а в 1678 году снял таинственное покрывало с деятельности еще одного отравителя, угрожавшего непосредственно трону.

Дегре давно следил за борьбой банд Каломбредена и Родогона-Египтянина за влияние над Сен-Жерменом. Они также были соперниками в любви. Их обоих пленила таинственная женщина с зелеными глазами, которую называли маркизой ангелов.

Дегре удалось получить разрешение направить на Сен-Жерменскую ярмарку весь личный состав парижской полиции. Этих сил было недостаточно, чтобы предотвратить резню, но полицейские могли запоминать злоумышленников, прекращать самые кровопролитные баталии, организовать защиту важных лиц. С их помощью удалось отловить после кровавой ночи двадцать бандитов, вывезти за город и повесить.

С октября по декабрь на ярмарке побывал весь Париж. Даже король соизволил посетить ее несколько раз в сопровождении свиты. Обстановка благоприятствовала ворами и попрошайкам, если бы не постоянная опасность натолкнуться на противника.

Настоящими хозяевами ярмарки постепенно сделались цыгане. Они стекались сюда в течение всего лета. Повозки их караванов были нагружены женщинами и детьми, сидящими попеременно с домашним скрабом, мешками с провизией.

Парижане сходились поглазеть на таборы, в них просыпалось любопытство предков, которые впервые увидели цыган в 1427 году. С тех пор их прозвали египтянами, а также богемцами и цыганами. Бродяги сразу ощутили влияние этих прожженных пройдох на свой промысел. Цыгане перекроили по-своему даже законы преступного мира. Когда голь собиралась для обсуждения важных вопросов, цыганский «герцог» шествовал рядом с королем Тюнов.

Родогон-Египтянин, по крови цыган, занимал очень высокое положение среди главарей. Все считали справедливым, что он хотел подчинить себе окрестности Сен-Жермена. Но Каломбрден, на правах хозяина Несля и моста Неф, желал оставить лакомый кусочек только за собой.

...Вечером отряд Каломбрдена в беспорядке отступил к Неслю и после обороны развалин заперся в башне. Родогон расставил повсюду кордоны и взял квартал Каломбрдена в кольцо, собираясь на следующий день провести решающий штурм.

Люди Каломбрдена собирались в главном -зале вокруг стола, на котором как божество восседал Деревянный Зад.

— Месяц назад я знал, что это случится, — констатировал Жанин. — Нас с позором прогнали с лучших позиций и обложили, точно медведя в берлоге. Это все из-за тебя, Каломбрден! Твоя девка сделала тебя ребенком. Ты разучился драться. В свите Великого Коэсра чувствуют, что ты слаб, они не станут защищать тебя. Я видел вчера Синего Кота, он сказал...

Каломбрден стоял спиной к нему, глядя на огонь в камине, отчего его силуэт казался совсем черным. Он повернулся к Деревянному Зад и закричал яростно:

— Ну конечно, ты успел со всеми повидаться! Ты снюхался с другими главарями и собираешься занять место Великого Коэсра! Но

берегись, я сообщу ему...

— Ничтожество! Что ты можешь сделать против меня?.. Анжелика пришла в негодование от мысли, что эти вопли могут разбудить Флоримона и заставить его плакать. Она поднялась в круглую комнату проведать его. Кантор был похож на ангела с полотен голландских живописцев. Флоримон улыбался во сне.

Приглушенные крики не прекращались. «Надо положить этому конец», — сказала себе Анжелика, закрывая плотнее дверь.

Спустившись в зал, она услышала раскатистый бас Жанина:

— Не заблуждайся, Каломбрден, если ас разгромят, то только по твоей вине. Родогон будет безжалостен. Все знают, что он ненавидит тебя не только из-за ярмарки, но за твою девку, которую ты, отбил у него. Я знаю, что он мечтает получить ее. А для этого ему надо расправиться с тобой. Или ты, или он.

— Но что прикажешь делать теперь? Родогон обложил нас, и мы боимся даже высунуть нос из укрытия.

Анжелика вернулась в комнату и сделала из платка маску. Она надела темную накидку и вышла к бандитам. Те продолжали ссориться, дело пахло дракой. Николая ничего не стоило прибить одним ударом Жанина, но тот надеялся на силу своего авторитета.

Увидев Анжелику в таком странном наряде, они убавили пыл...

— Что это значит, что за карнавал? — проворчал Николая.

— Я иду разгонять войска Родогона. Через час площадь перед Неслем будет пуста, и вы сможете снова занять квартал.

Анжелика бежала, действительно, к хозяину циркового балагана, своему знакомому, который держал для выступлений трех дрессированных медведей. Ей удалось уговорить его пойти с ней за хорошую плату. Человек взял с собой своего помощника.

Колокол пробил десять часов, когда люди Родогона, охраняющие развалины крепости, увидели при свете луны надвигающуюся на них огромную черную тушу. Те, кто попытался преградить ей дорогу, были отброшены на землю. Другие испугались, бросились к Сене за подмогой, но их сообщники бежали в панике навстречу, крича, что на них напали два огромных чудовища...

\*\*\*

...Утро того рокового дня было спокойным. Анжелика шла рядом с Каломбрденем. Они остановились у арены, где два крупных дога

дрались с кабаном. Публика, жадная до подобных зрелищ, тесно столпилась вокруг арены.

Анжелика, немного пьяная, держала в руках игрушки и пирожные для Флоримона. Она беззаботно растрачивала монеты из большого кошелька, который вручил ей Никола. Сам он был одет совсем просто, имея вид бедного горожанина, который бесцельно бродит по рядам, не имея возможности что-то купить.

Николя взял Анжелику за талию и держал ее, точно железный обруч, но сегодня такая хватка придавала ей уверенность и чувство защищенности. Животные дрались отчаянно, нанося друг другу кровавые раны. Толпа восторженно взывала, когда израненный кабан сбил одного из догов и распорол ему живот.

Внезапно прямо напротив них, через арену, Анжелика заметила Родогона-Египтянина. Он поднял над головой длинный нож и метнул его через дерущихся животных. Анжелика толкнула Каломбредена, и нож промелькнул рядом с его ухом. Лезвие вонзилось в горло стоящего за ним торговца орехами. Человек издал судорожный стон, вскинул руки, отчего стал похож на приколотую к листу бабочку, и, обдав окружающих фонтаном крови, повалился на землю.

Вслед за этим разразилась решающая резня...

\*\*\*

В полночь Анжелику вместе с десятью другими женщинами, среди которых две были из банды Каломбредена, заточили в Шателе. Тяжелая дверь закрылась за ними, но ей казалось, что до нее продолжают долетать Истеричные вопли разгоняемой толпы, дерущихся, раненых. В этот же момент полицейские и солдаты гарнизона отлавливали остатки бандитов, не покидавших ярмарку до последнего.

В полной темноте Анжелика слушала голоса женщин, рассказывавших о прежних злоключениях в других тюрьмах. Ее не пугали рассказы о пытках и надругательствах, ее беспокоила лишь мысль о детях. Позаботится ли кто-нибудь о них? Может быть, они останутся одни в башне, и о них забудут? Их съедят крысы?

В подвале было сыро и холодно, но щеки женщины горели, и со лба струился пот. Сидя на подстилке из гнилой соломы, она обхватила руками колени и старалась утешить себя.

«В башне оставалось много женщин, кто-нибудь из них позаботится о крошках. Они, конечно, не привыкли ухаживать за детьми, но у них хватит ума дать им хлеба. Если де Поляк еще там, можно быть спокойной... Да и Николая, кажется, цел и невредим...»

А если Николая тоже арестован? Она вспомнила панический ужас, который охватил ее, когда она в сопровождении стражников шла вместе с другими пойманными по улицам города. Можно было подумать, что штат полицейских утроился. Анжелика вспоминала, успела ли де Поляк покинуть ярмарку до того, как началась облава. В последний раз она видела ее, когда та шла с каким-то молодым провинциалом. Но ее могли арестовать потом. Беспокойство Анжелики росло с каждой минутой. Она не смогла удержать обреченный стон, с губ ее срывались слова молитвы: «Сжался, Дева Мария... Клянусь тебе, если ты спасешь моих детей, я вырву их из любого ада. Я покину этот мир бродяг и воров. Я попробую зарабатывать на жизнь своими руками...»

Утром дверь несколько раз гроыхнула, послышалось звяканье ключей. Вошел стражник с факелом в руке.

— Попались, маркизы, шлюхи! — крикнул охранник. — Посидите у нас немного... Хороший улов, ничего не скажешь!

Вошли трое охранников и закрепили на стенах фонари.

— Ну-ка крошки, подставляйте свои головы, — сказал один. — Только без визга! Снимай чепец, — велел он женщине, стоящей отдельно от других. — Ничего особенного... Впрочем, за твои космы тоже дадут несколько су. Я знаю парикмахера с площади Сен-Мишель, который готовит сносные парики для клерков.

Он скомкал срезанные волосы и запихнул их в сумку. Его напарник обследовал головы других женщин.

— С меня вы мало чего получите, — сказала какая-то женщина. — Я была у вас в гостях не так давно...

— Я узнаю ее, — сказал один из стражников. — По-моему, тебе понравилось, если ты опять решила к нам заглянуть!

Один из солдат подошел к Анжелике. Грубая рука ощупала ее пышные волосы.

— Друзья! — позвал солдат. — Вот это копна! Дайте-ка огня! Я хочу рассмотреть ее поближе.

Пламя отразилось в золотистых волосах Анжелики, это было великоленное зрелище.

— Замечательно! Это не просто светлые волосы, они с золотым отливом. Их можно выгодно продать господину Бине с улицы Сен-Оноре. Его интересует качество товара, а потом уже стоимость. «Вы набиваете свои сумки паклей», — говорил он мне каждый раз. Но уж теперь он останется доволен.

Анжелика в ужасе прижала руки к голове. Никто еще не покушался на ее волосы, это было невозможно!

— Нет, не делайте этого! — взмолилась она, но солдаты грубо схватили ее за руку.

— Не надо было попадать к нам в Шателе, если тебе так нравятся твои волосы. Пойми, ведь мы тоже хотим получить маленькую компенсацию за свои труды.

С безжалостным щелканьем ножницы состригли нежные локоны, которые совсем недавно с таким старанием причесывала Барба.

Когда солдаты вышли из камеры, Анжелика прижала дрожащую руку к оголенному затылку.

— Не плачь, — сказала одна женщина, — они отрастут снова. Если, конечно, ты снова не попадешь к ним в лапы... Волосы стоят дорого, в Париже все любят носить парики.

Молодая женщина молча надела свой чепец, который сделался велик. Все вокруг решили, что ее слезы вызваны потрясением оттого, что она попала сюда. Но Анжелика быстро успокоилась. Как и, накануне, ее занимала одна мысль: что будет с ее детьми?

## Глава 12

Часы тянулись долго. Камера, куда заперли женщин, была такой маленькой, что очень быстро в ней стало нечем дышать. Одна из них сообщила:

— А хорошо, подружки, что нас посадили в эту комнату. Хороший знак. Ее называют «два на восемь»... Сюда сажают тех, кто не считается у них опасным.

Анжелика нащупала под корсажем свой кинжал. Он был очень похож на тот, что метнул Родогон в Николая.

— Хорошо, что нас не обыскивали, когда брали, — сказала другая женщина, которая, должно быть, уже выбросила где-то в комнате оружие или срезанный кошелек.

Большинство женщин не разделяло недавнего оптимизма. Снова стали рассказывать пугающие истории о зловещей тюрьме Шателе. Говорили, что узницы просиживали здесь иногда по десять лет, прежде чем о них вспоминали... Здесь было множество мрачных камер, таких как «не дай, господи», где по углам копошились черви и лягушки, где воздух был таким спертым, что не горела свеча; как «цепочная», где узников приковывали друг к другу цепями; таких как «погреб», «колодец», где на полу стояла вода и нельзя ни сесть, ни лечь; и наконец, понижая голос, рассказчицы упоминали «навсегдашнюю», откуда никто никогда не возвращался...

Свет едва проникал в камеру через грязное окошко под потолком. Невозможно было определить время суток. Самая старшая из женщин сняла туфли, выдернула из подметки гвозди и воткнула их так, чтобы острия торчали наружу. Она показала всем свое странное оружие и посоветовала сделать то же самое, чтобы отбиваться от крыс, которые появятся ночью.

Но им не пришлось ждать следующего дня. Раздалось новое клацанье замка, и узниц заставили выйти в коридор. По темным лабиринтам коридоров их провели в большой зал с деревянным изображением Христа. Напротив него расположился верховный парижский судья со своим заместителем.



Женщин окружили солдаты и офицеры королевского гарнизона. По очереди им велели подходить к судье и объявлять свое имя.

Анжелика запнулась. Ведь она больше не имела никакого имени, кроме маркизы ангелов. В конце концов она назвалась Анной Север по имени деревушки близ Монтелупа.

Судья работал быстро. Шателе в этот день был переполнен, надо было спешить. Задав каждой из женщин несколько вопросов, заместитель судьи зачитал список и объявил, что все присутствующие «дамы» приговариваются к публичному телесному наказанию, после чего будут направлены в Общество благотворительности, где монахини обучат их шитью и молитвам.

— Оттуда ничего не стоит бежать, — шепнула одна из девушек. — Общество благотворительности — это не тюрьма, это приют для бедноты, там не держат силой и нет никакой охраны.

Затем женщин провели в зал на первом этаже и выстроили вдоль стены. Открылась другая дверь, и в зал вошел массивного вида военный. Он носил коричневого цвета парик, контрастирующий с бледным лицом и черными усами. В одежде его присутствовала грубоватая пышность, напоминающая одеяние Великого Матье: крупные рукава и отвороты мундира, позолоченные пуговицы; но в его облике не сквозили добродушие и веселость знаменитого врача. Обут он был в сапоги на высоких каблуках, отчего ростом казался еще выше.

— Этот солдат давно работает здесь, — сообщила соседка Анжелике. — Ужасный человек! Его зовут Людоед.

Людоед прошел перед женщинами, громыхая сапогами и саблей.

— Красотки! Сейчас мы вами займемся. Ну-ка, снять платья! И не дай Бог, начнете кричать. За крик буду бить вдвое сильнее.

Те из женщин, кто давно привык к превратностям судьбы, спокойно снимали корсажи, они расстегивали нижние рубашки и оставляли их висеть на поясе. Стражники подбегали к тем, кто колебался, и с силой срывали одежду. Один из них рванул за корсаж Анжелики и наполовину порвал его. Она торопливо позволила обнажить свой торс, боясь, как бы солдаты не обнаружили ее кинжал.

Людоед неторопливо прохаживался перед раздевающимися и смотрел на них жадными глазами. Он останавливался перед самыми

юными, и в его маленьких поросячьих глазках загорался дикий огонек. Наконец решительным жестом он указал на Анжелику.

Посмеиваясь, один из стражников вытолкнул ее вперед.

— Остальных увести! — приказал Людоед офицеру стражи. — И чтоб кожа с них слезла!.. Сколько их тут?

— Двадцать, господин капитан.

— Сейчас четыре часа. Вы должны закончить до захода солнца. Стражники увели женщин. В окно было видно, как их заставляли садиться в длинные повозки, которые готовы были отправиться к месту наказания возле церкви Сен-Дени-де-ля-Шатр. Анжелика осталась один на один с Людоедом. Она смотрела на него с удивлением и подозрением. Почему он отделил ее от остальных?

В зале, стены которого выглядели сырыми, становилось нестерпимо холодно. На улице оставалось тепло, а здесь сгустились вечерние сумерки. Анжелика стала дрожать от холода, она обхватывала руками плечи, стараясь согреться и закрыться от солдафона.

— Итак, крошка, ты будешь послушной? Тебе ведь не хочется, чтобы кожа на твоей белой спине была исполосована до крови?

Анжелика не отвечала, и капитан повысил голос:

— Отвечай! Ты не хочешь этого?

Ей не оставалось ничего другого, как в ответ отрицательно помотать головой.

— Ну что ж, этого можно избежать, — ласковым голосом проговорил военный. — Я сам не хотел бы трепать такую красивую курочку... В таком случае, нам есть о чем поговорить, не так ли?

Он взял ее за подбородок, чтобы заставить посмотреть себе в глаза, и слегка воскликнул от восторга.

— Дьявол! Вот это глаза!

Его пальцы скользили по шее и ощупывали нежные плечи.

Она отступила, не в силах сдержать отвращение, которое вызывал у нее Людоед. Тот засмеялся, отчего живот его стал подпрыгивать и трястись. Она пристально посмотрела ему в глаза, и ему пришлось снова заговорить, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

— Мы договорились, правда? Мы поедем сейчас ко мне домой, а потом ты догонишь своих. Но стражники не станут тебя бить, я уже сказал им... Ты довольна своей участью, моя голубка?

Он снова засмеялся. Затем решительным жестом притянул ее к себе и начал целовать ее лицо пухлыми и влажными губами. Анжелику переполнило отвращение, вызванное мерзкими губами и дыханием. Она стала вырываться из этих отвратительных объятий, но капитан еще сильнее стиснул ее. О его пуговицы и жесткий мундир она оцарапала грудь.

Наконец он отпустил ее, она отбежала в сторону, кое-как набрасывая на себя лоскуты порванного платья.

— Что с тобой? — удивленно спросил гигант. — Что тебе не нравится? Ты не поняла, что я хочу помочь тебе?

— Весьма благодарна вам, но я предпочитаю быть высеченной, — твердым голосом отчеканила Анжелика.

Людоед от удивления раскрыл рот, усы его задрожали, а лицо сделалось красным, точно воротник рубашки внезапно стал ему мал.

— Что ты! Что это значит? Ты понимаешь, что говоришь?

— Я предпочитаю, чтобы меня высекли, — повторила Анжелика. — Господин парижский судья приговорил меня к публичному наказанию. Я не хочу перечить правосудию, — и она твердой походкой пошла к двери. Одним прыжком капитан настиг ее и схватил за шею.

«О господи! — подумала Анжелика. — Он решил убить меня!» Капитан развернул ее к себе и внимательно посмотрел в глаза.

— Да ты капризная, оказывается! — произнес он тонким голосом. — Да знаешь, что я могу с тобой сделать? Я могу избить тебя до полусмерти и бросить здесь на холодном полу. Да я... Только мне не хочется портить твою нежную кожу. Ты слишком красива. Чем больше я на тебя смотрю, тем сильнее хочу тебя. Вместо того чтобы бить тебя, я мог бы сделать тебе Полезное. Если ты будешь ласкова со мной, тебя сейчас же выпустят.

Перед взором Анжелики вновь промелькнули личики Флоримона и Кантора. Она ощутила вдруг такое сильное беспокойство за них, что почти перестала понимать, что происходит.

Она машинально уклонялась от жадного раскрасневшегося лица, Склоненного над ней. Пусть ее отвезут в Общество благотворительности, она найдет способ убежать оттуда!

— Везите меня со всеми! — закричала она почти истерическим голосом. — Я хочу быть вместе со всеми!

Больше ей ничего не удалось выкрикнуть. Стремительный вихрь подхватил ее, увлек к двери. Дверь распахнулась, страшная сила выбросила ее в соседнюю комнату.

— Разделайте эту шлюху так, чтобы запомнила на всю жизнь! И чтобы кожа с нее слезла! — прокричал кому-то Людоед.

Анжелика со всего размаха врезалась в группу ночных сторожей, пришедших на смену. В большинстве своем это были люди с гражданскими профессиями. В те дни, когда полиции не хватало сил бороться с бандитами, многие горожане служили в Шателе. Сторожа только зажгли трубки и приготовились играть в карты, когда на них обрушилась полуобнаженная женщина. Приказ капитана никто из них не расслышал отчетливо, а переспрашивать сторожа побоялись.

— Еще одна жертва нашего ненасытного капитана, — сказал один из них. — Нельзя сказать, что любовь делает его мягче.

— Ему, по-моему, везет в любви. Ни одной ночи в одиночестве!

— Что же ты хочешь, если женщине предлагают выбор между тюрьмой и постелью?

— Если парижский судья узнает об этом, он упрячет в тюрьму его самого!

Анжелика свалилась им под ноги и некоторое время не решалась подняться, испуганно глядя снизу на сторожей. Но те мирно продолжали курить и играть в карты. Решившись, она поднялась на ноги и сделала несколько шагов к двери... Никто не окликнул ее.

## Глава 13

— Стой! Куда? Маркиза!.. Не ходи туда!

Голос де Поляк остановил ее в тот момент, когда она была уже готова приблизиться к башне Несль.

Она обернулась и заметила де Поляк, которая, спрятавшись в тени сараев, делала оттуда предупредительные знаки. Анжелика подбежала к ней.

— Вот ты где, бедняга! — вздохнула де Поляк. — Вдвоем-то нам будет веселее. Знаешь, я уже виделась с Красавчиком, он на свободе. Его арестовали со всеми, но он прикинулся священником и смог бежать, когда толпу вели в Шателе.

— Почему ты не дала мне попасть в башню?

— Почему? Потому что там засел Родогон-Египтянин. Анжелика побледнела. Де Поляк объяснила ей:

— Это надо было видеть, как они разгромили нас! У нас не нашлось даже времени, чтобы спасти свое добро. К счастью, я выволокла твой сундук с бельем. Он спрятан на улице Вальд'Амур, в доме, куда Красавчик упрятал своих девчонок.

— А мои дети? — спросила Анжелика.

— Про Каломбредена я ничего не знаю, — будто не слыша ее, продолжала де Поляк. — Может быть, его уже повесили, посадили в тюрьму, или прирезали цыгане... Говорят, что кто-то видел, как он сиганул в Сену и уплыл. Наверное, прячется где-то в деревнях.

— Плевать мне на Каломбредена, — процедила Анжелика. — Где дети? Она схватила подругу за плечи и яростно встряхнула ее:

— Где мои дети? Отвечай!

— Мне не удалось спасти их... Они были гораздо сильнее нас... Они напали так неожиданно...

— Где они? — прошипела Анжелика.

— Их забрал Жан-Пурри... Вместе с остальными малышами, кого ему удалось найти.

— И отвел их к себе, в сторону Сен-Дени?

— Да. То есть он отвел к себе только Флоримона. Но не Кантора. Он сказал, что не сумеет разместить всех в своем логове.

— Что же он с ним сделал?

— Он... Он его продал... За тридцать су... Богемцам, чтобы они сделали из него акробата.

— Где сейчас эти богемцы?

— Откуда я знаю? — вконец обессилела де Поляк. — Успокойся и не кричи на меня. Что я еще могу тебе сказать? Они уже ушли из города. Им хватит сражений, они хотят сохранить награбленное.

— В какую сторону они ушли?

— Два часа назад я видела, как они двигались в сторону ворот Сен-Антуан. Я спряталась здесь, потому что знала, что ты вернешься.

На Анжелику обрушилось новое горе. Она чувствовала, что делается безумной от сознания своей беспомощности.

— Я пойду искать Кантора, — решительно сказала она. — Может быть, богемцы не ушли далеко от Парижа.

Анжелика зашагала по направлению к Сен-Дени. Де Поляк побежала за ней следом.

— Ну пойдём, если тебе так этого хочется. У меня есть немного денег. Может быть, они согласятся выгодно перепродать мальчика...

\*\*\*

Они шли быстрым шагом. Де Поляк, устав от непривычно долгой ходьбы, иногда пожимала на ходу плечами и бросала ругательства, но не сбавляла шаг. Она следовала за Анжеликой с терпением человека, который привык безропотно покоряться судьбе.

Как только они достигли моста Шарентон, они заметили огоньки костров, зажженных на лугу недалеко от дороги.

— Это они, — выдохнула де Поляк. — Мы все-таки нашли их.

Они подошли к табору. Цыгане решили остановиться, потому что начал накрапывать дождь, а рядом с лугом находилась дубовая рощица, между стволов которой они натянули широкое полотнище. Дети и женщины сидели вокруг костра. На вертел был насажен барашек. Анжелика со своей спутницей приблизилась к огню.

— Постарайся не рассердить их, — шепнула де Поляк. — Ты не представляешь, какие они злые. Они нас прирежут, как этого барашка, и никто никогда не узнает, что с нами стало. Дай мне поговорить с ними, я немного знаю их язык.

Крупный мужчина, на голове которого был повязан платок, встал от костра и пошел им навстречу. Они сделали знак приветствия,

принятый в воровском мире. Человек ответил им нехотя. После чего де Поляк стала долго объяснять, с какой целью они пришли. Анжелика не поняла ни слова из их беседы. Она пыталась разобрать что-то на лице цыгана, но Оно было неизменно нахмурено.

Наконец де Поляк вынула кошелек, мужчина взвесил его, отдал ей и пошел обратно к костру.

— Он сказал, что должен посоветоваться со всеми.

Они ждали, стоя на поднявшемся ветру, совсем замерзнув. Наконец мужчина вернулся. Он произнес несколько слов.

— Что он сказал? — в волнении спросила Анжелика.

— Он сказал, что они не хотят возвращать ребенка. Они находят его красивым и хорошо сложенным. Они говорят, что такой им очень подходит для акробата.

— Но я не отдам его! — вскрикнула Анжелика. — Отдайте моего ребенка! Она сделала движение в сторону цыган, собираясь бежать к ним, но де Поляк крепко схватила ее за шиворот.

Цыган на всякий случай достал шпагу, а другие цыгане повскакали и побежали к нему.

— Очнись! Ты хочешь своей смерти?

— Я не отдам им его, — повторила Анжелика. — Надо забрать у них Кантора. Иначе они увезут его навсегда... Навсегда...

— Успокойся и смирись. Рано или поздно дети покидают нас. Какая разница, когда это случится? У меня тоже были дети. А сейчас где они? Я и не знаю. И это не мешает мне жить.

Анжелика мотала головой, чтобы не слышать этих слов. Их уже вымочил дождь, но они немного согрелись в борьбе. Надо было возвращаться, чтобы не остаться ночью в открытом поле.

— Я знаю, что надо делать, — крикнула вдруг Анжелика. — Надо вернуться в Париж. Я пойду в Шателе.

— Да, да, надо вернуться в Париж, — согласилась де Поляк.

Они пустились в обратную дорогу. Ноги Анжелики, обутое в рваные туфли, снова были в крови. Ветер леденил ее через мокрую одежду; она ничего не ела больше суток.

— Я не могу идти, — вдруг сказала она, останавливаясь и переводя дыхание, но тотчас снова рванулась вперед. — Надо спешить!

— Погоди, я заметила позади чей-то фонарь. Это всадники, они тоже едут в Париж. Надо попросить их подобрать нас.

Де Поляк вышла на середину дороги и повернулась к подъезжающим. Когда те были совсем близко, она закричала веселым голосом:

— Эй, благородные шевалье, сжальтесь над двумя красивыми девушками, попавшими в беду! Мы отблагодарим вас.

Всадники натянули поводья. Их лица нельзя было различить из-за высоких воротников, защищающих от дождя, и широкополых шляп. Они обменялись несколькими иноземными словами. Затем к Анжелике протянулась рука одного из них, и голос сказал по-французски:

— Поднимайтесь ко мне, красавица.

Рука его была горячей и сильной. Молодая женщина удобно уселась как «амазонка» позади него. Конь тронулся.

Де Поляк уже смеялась. Она обнаружила, что ее спутник не говорит по-французски, и стала обмениваться с ним шуточками на немецком языке, который она выучила во время своих военных походов.

Спутник Анжелики сказал ей, не оборачиваясь:

— Возьмите меня покрепче, девочка. Мой конь недоволен, что на него сел еще кто-то. Вы можете свалиться.

Она крепко обхватила его торс и прижалась к широкой спине. Теперь, когда возвращение в город стало возможным, она понемногу успокоилась. По словам незнакомцев она поняла, что это протестанты, которые возвращаются из собора в Шарентоне. Всадник, который вез Анжелику, заплатил пошлину за ее въезд через ворота Сен-Антуан.

— Куда вас отвезти, красавица? — на этот раз он повернулся к ней и попытался разглядеть в темноте ее лицо.

— Мне не очень хотелось бы злоупотреблять вашей добротой, господин, но вы меня очень обяжете, если довезете до крепости Шателе.

— Мне это доставит удовольствие.

— Анжелика, не делай глупостей! — крикнула де Поляк.

— Оставь меня одну... И дай мне свой кошелек.

— Как знаешь, — женщина пожалала плечами и спрыгнула на землю. Она благодарила того, кто подвез ее, на иноземном языке. Впрочем, люди эти были не немцами, а голландцами.



Незнакомец, везший Анжелику, приподнял в знак прощания шляпу и пустил коня вскачь по улицам города. Через несколько минут они были уже у тюрьмы Шателе.

Она осторожно спустилась с коня. Площадь перед тюрьмой освещали два факела, горевшие у главного входа. При их красноватом свете ей удалось разглядеть черты лица незнакомца. Это был молодой человек лет двадцати пяти, одетый прилично, но скромно.

— Извините, что заставила вас оставить друзей, — сказала она.

— Ничего подобного, — ответил человек. — Это не мои друзья, это иностранцы. А сам я француз и живу в Ля Рошели. Мой отец, судовладелец, послал меня в Париж, чтобы я познакомился с торговым делом. А своих спутников я встретил в Шарентонском соборе, где мы присутствовали при погребении единоверца.

— Благодарю, что вы были так вежливы со мной, господин.

Она протянула руку. Он нагнулся, чтобы пожать ее, и Анжелика разглядела красивое и мужественное лицо, которое улыбалось ей.

Она смотрела, как его силуэт удаляется среди снующих прохожих. Он не обернулся.

Анжелику пропустили в здание, но у двери в крыло охраны перед ней вытянулся стражник.

— Я хочу говорить с капитаном королевской охраны.

— Что ж, проходи, крошка, если он тебе по душе.

Зал был окутан клубами табачного дыма. Анжелика машинально поправила юбку. У нее был не самый подходящий для визита в полицию вид. Она сняла с шеи платок и повязала им голову. Затем она смело пошла в глубину зала, где перед очагом восседал капитан. Он развалился на стуле, держа в одной руке трубку с длинным мундштуком, в другой — стакан с вином.

— Смотрите, какая милашка к нам пришла! — сказал один из солдат, улыбаясь неожиданному развлечению.

Капитан вытянулся вперед и побагровел, узнав Анжелику. Она не дала ему времени на размышление и заговорила первой:

— Господин капитан, выслушайте меня! И вы, господа солдаты, помогите! Богемцы похитили моего ребенка и хотят увезти его из Франции. Их табор сейчас остановился возле моста Шарентон. Умоляю вас, помогите мне забрать моего малыша. Эти цыгане замешаны в беспорядках на ярмарке. Их надо проучить...

Воцарилось напряженное молчание. Внезапно один из солдат засмеялся.

— Вот это крошка! Никогда не встречал такой. Ха-ха! Девчонка, которая пришла звать городскую охрану!... Не для чего-нибудь, а...

— По-моему, она не в себе! — воскликнул другой. — Она вообразила, что стала королевой Франции!

Смех охватил всех. Со всех сторон Анжелика видела запрокинутые головы и открытые рты, плечи солдат тряслись. Лишь один капитан не смеялся. Его хмурое лицо сделалось совсем мрачным.

«Кажется, он решил упрятать меня в тюрьму, — подумалось Анжелике. — Я пропала!»

В панике она обернулась к выходу.

— Я хочу спасти своего маленького сына, ему всего восемь месяцев! — уже без всякой надежды крикнула она. — Он красивый, прелестный, будто ангел. Он так похож на ваших малышей, которые спят сейчас в колыбельках и которым ничто не угрожает! А моего малыша похитили богемцы. Я больше его никогда не увижу. Он никогда не вернется. У него не будет ни матери, ни родины, ни короля... Он...

Хохот стал постепенно угасать. Лица стали делаться серьезнее, и наконец снова воцарилось неопределенное молчание.

— Черт тебя возьми, — сказал самый пожилой солдат. — Если эта нищая так печется о своем детеныше... Другие рады пристроить своих где-нибудь, даже подбрасывают в подъезды...

— Тихо! — подал голос капитан.

Он возвысился над несчастной матерью.

— Итак, тебе мало того, что тебя приговорили к плети, — проговорил он угрожающе спокойным тоном, — но ты находишь вполне возможным явиться сюда и требовать, чтобы тебе служили солдаты королевской охраны? А чем ты отплатишь за помощь?

— Собой.

Глаза Людоеда сначала расширились, потом сузились.

— Иди туда! — приказал он ей, указывая на пустой угол, и вышел за ней из-за стола. — Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что вы получите то, чего хотели...

Вдруг Анжелику охватили сомнения. Она подумала, что, может быть, не представляет большой ценности для этого избалованного

мужлана, что она для него всего лишь грязная побирушка. Как страшно, что жизнь Кантора зависит сейчас от приказа этой свиньи.

Он говорил утром, что никогда не видел такой красивой девушки... Действительно, капитан осознал сейчас, что впервые видит в своем учреждении уличную девку с таким утонченным лицом. Пожалуй, глядя на это лицо, начинаешь понимать, что такое лицо настоящей женщины! Он протянул к ней руки, взял ее за талию и приблизил к себе.

— Вот чего я хочу... — грубоватым голосом изрек он.

Он не знал, как выразить свою пылкую мысль. Анжелике не могло прийти в голову, что за этой нерешительностью скрывается робость.

— Я хочу целую ночь! — наконец решился он. — Ты поняла? Не в спешке, как раньше... Не то, что я тебе предлагал тогда...

Он выпустил ее и снова взялся за трубку с видом человека, совершившего подвиг.

— Мы договорились? — спросил он после паузы. Анжелика утвердительно кивнула головой.

— Сержант! — позвал капитан. — Лошадей!.. И пятерых человек.

Небольшой отряд остановился недалеко от лагеря цыган. Капитан отдавал приказания.

— Двое — туда, за рощу. Отрежьте им путь к бегству. Ты, девчонка, оставайся здесь.

Цыгане уже догадались, что отряд интересуется ими, и собрались в кучку перед своим навесом.

Капитан с тремя солдатами поскакал прямо на них. Анжелика слышала, как Людоед требовал от вожака вернуть украденного малыша. Он приказал, чтобы весь табор вместе с женщинами и детьми выстроился перед ним, и сказал, что посмотрит заодно, есть ли среди богемцев типы, замеченные в беспорядках на ярмарке. Если они повинуются, их отпустят с миром.

Цыгане нехотя повиновались.

— Иди сюда! — крикнул Людоед Анжелике.

Она подбежала, нетерпеливо выискивая глазами Кантора.

— Где ребенок? — проревел капитан. — Всех сгною!

Он потянулся было за саблей, но в этот момент Анжелика заметила Кантора. Он дремал у смуглой груди цыганки. С яростью тигрицы она выхватила у цыганки малыша, который от неожиданности

заплакал. Цыганка злобно закричала, но вожак грубо окликнул ее. Он уже понял, что военные настроены решительно и что сопротивляться бесполезно. Он напомнил только, что за ребенка уплачено тридцать су. Анжелика кинула ему монеты.

Руки ее страстно прижимали к груди маленькое тельце. Кантору же эта грубоватая нежность пришлась не по вкусу, и он продолжал пицать. Покачивание лошади, на которой ехала обратно позади одного из военных Анжелика, укачало его, он заснул, закусив большой палец. Его не донимал холод, несмотря на то, что он был почти гол.

Перед тюрьмой Анжелика спрыгнула с лошади и побежала к капитану.

— Позвольте мне отнести ребенка туда, где о нем позаботятся, — взмолилась она. — Клянусь вам, что я появлюсь к следующей ночи.

— Ты не вернется, не обманывай меня.

— Клянусь, что буду здесь завтра вечером.

И, не зная, чем еще убедить военного, она скрестила пальцы и плюнула на землю.

— Идет, — согласился капитан. — Я не знал случая, чтобы нарушали такую клятву. Я буду ждать тебя... Дай только поцеловать тебя на прощание.

Но Анжелика уже бежала прочь, бережно придерживая малыша, пригревшегося у нее под платьем.

Анжелика смело вошла в таверну и проскочила через зал прямо на кухню. Барба как всегда сидела перед кипящим котлом и ошипывала кур. Анжелика положила Кантора к ней на передник.

— Вот мой Кантор! — задыхаясь, проговорила она. — Позаботься о нем. Обещай, что не бросишь его, что бы со мной ни случилось!

— Обещаю вам это, мадам, — отозвалась она.

— А если твой хозяин будет против...

— Я скажу ему, что это мой ребенок, и он успокоится, — перебила служанка.

— Хорошо. А теперь... Возьми свой крестик в руку... И начни молиться за меня Деве Марии!

— Да, мадам.

Анжелика схватила бутылку и прямо из горлышка сделала несколько больших глотков. Почти сразу она ощутила, как по телу расплывается теплота. Барба смотрела на нее изумленными глазами.

— Где же ваши волосы, мадам?

— Откуда я знаю, где мои волосы? — небрежно ответила Анжелика: у нее есть дела и поважнее.

Твердой поступью она направилась к выходу.

— Куда вы, мадам?

— За Флоримоном.

## Глава 14

...Статуя Отца-Родителя отмечала границу, за которую не имел права переступить ни полицейский, ни городской патрульный. Это было царство мрака и ужаса. Дома в этом квартале не были пронумерованы, большинство окон заколочены, улицы завалены отслужившими повозками и другой рухлядью. Здесь жили тысячи бедняцких семей без фамилий. Это были безмолвные владения Великого Коэсра. Сюда не проникал городской шум, не слышалась болтовня домохозяек. Только крысы шныряли от дома к дому...

Анжелика была здесь несколько раз с Каломбреденом. Он показывал ей дом, где обитал коротконогий монстр. Это был многоэтажный особняк, перестроенный из древнего монастыря.

Великий Коэср жил в нем вместе со своим двором, женщинами, сборщиками налогов и великаном-дебилем. И здесь же, под крылом короля, располагал часть своего товара Жан-Пурри.

Инстинкт подсказывал Анжелике, что ее Флоримон находится в доме короля Тюнов. Полнейшая темень позволяла ей незамеченной продвигаться среди заглохших переулков. Впрочем, она хорошо знала местный диалект, чтобы не опасаться проверки. Да и одеяние ее вполне подходило. И все же ее могли узнать. Известие о том, что нашлась маркиза ангелов, немедленно облетит всю округу, и тогда она не исполнит того, что затеяла.

\*\*\*

Анжелика наблюдала из темноты. Здесь по ночам собирались бандиты и нищие, как когда-то в башне Несль. Прорехи в стенах были заколочены досками, чтобы защититься от холодного воздуха.

Анжелика приблизилась к одному из окон и заглянула внутрь. Это было одно из окон большого зала, который был полон народу. Некоторых она узнала: верховный сборщик налогов Ро-ле-Барон, Жан-Пурри. Он протянул белые руки к огню и говорил сборщику налогов:

— Это была превосходная операция, мой дорогой магистр. Полиция не только не мешала нам, но даже помогла разделаться с бандой этого Каломбредена.

— Мне кажется, ты ошибаешься, говоря о том, что полиция не мешала. Пятнадцать наших были повешены! И никто не знает наверняка, что Каломбретен сгинул.

— Подумаешь! Он разбит напрочь. Если он и спасся, то еще долго не сможет собрать новую армию. Куда ему теперь! Родогон занял все его позиции. Это цыгане!..

Ле Барон вздохнул.

— Ох уж эти цыгане... Потом нам придется воевать в Родогоном... Пора нам самим прибраться к рукам Несль и мост Неф. Из-за них постоянные раздоры. В прежние времена...

— Не будь пессимистом. Мне по душе небольшие раздоры вроде вчерашнего. Что за урожай я собрал в башне Несль! Если перевести тех двадцать пойманных крошек в звонкие монеты!..

— Где они, твои крошки?

Жан-Пурри ткнул пальцем в сторону потолка.

— Наверху... Поди ко мне, Мадлен, покажи своего сосунка.

Крупная женщина приблизилась к человеку и протянула ему младенца, сосавшего ей грудь. Жан-Пурри поднял его над головой и восхищенно произнес:

— Не правда ли, он прекрасен, этот маленький мулат? Когда он вырастет, я сошью ему голубую одежду и определю во дворец.

В этот момент один из бедняков заиграл на дудочке, а другие пустились в пляс, поэтому Анжелика не смогла расслышать конца диалога Барона и Жана-Пурри. Теперь она точно знала местонахождение Флоримона и остальных детей из башни Несль.

Осторожно она обошла вокруг строения. С другой стороны его зияла щель, через которую можно было попасть прямо на лестницу. Она сбросила порванные туфли и пошла по ступенькам босиком. Лестница поворачивала к коридору. Слева Анжелика увидела слабоосвещенную комнату. На стене, которую она смогла разглядеть, висели цепи. Кто мог сидеть в этом странном помещении? Она вспомнила рассказы о том, что во время войны Жан-Пурри похищал убежавших из дома пареньков и потом продавал их вербовщикам в рекруты...

Анжелика продолжала подниматься. Под ноги ей попала крыса, и она вскрикнула, но быстро успокоилась, различив где-то за стенами детский плач. Сердце ее застучало сильнее. Она уже видела маленькое

заплаканное личико своего Флоримона. Он заперт в темноте. Он зовет на помощь!..

Торопливо она миновала последние ступеньки, пересекла две пустые комнаты. За последней дверью брезжил слабый свет. Анжелика заметила на ходу медный гонг, висевший на стене...

Возле запертой двери Анжелика остановилась и прислушалась. До нее отчетливо донесся грустный хор, состоящий из тонких жалобных криков, всхлипов, перешептываний.

Женщина приложила губы к щели и осторожно позвала:

— Флоримон! Флоримон!

Завывания слегка утихли, потом чей-то голос отозвался:

— Это ты, маркиза ангелов?

— Кто это?

— Это я, Лино. Нас заперли здесь с Флипо и другими.

— Флоримон с вами?

— Да.

Она разобрала голос подростка, обращающийся в глубину комнаты:

— Видишь, Фло, мама пришла за тобой, как я и обещал.

— Подождите немного, сейчас я придумаю, как освободить вас.

Она осмотрела дверь. Замки выглядели неприступно. Но стены были настолько непрочными, что она понадеялась найти какую-нибудь лазейку или отодрать петли.

За спиной у нее раздалось подозрительное шуршание соломы. Чей-то смешок заставил ее вздрогнуть.

Анжелика обернулась и увидела Великого Коэсра.

\*\*\*

Монстр сидел на низкой тележке. Она была хорошо смазана, поэтому он мог бесшумно скользить по своим мрачным комнатам, отталкиваясь от земли длинными ручищами. Остановившись в проеме, ведущем в соседнюю комнату, он злобным взглядом наблюдал за Анжеликой. Его облик заставил ее вспомнить кладбище Невинных Мучеников.

Продолжая усмехаться, существо скользнуло на тележке в сторону. Анжелика замороженно следила за ним взглядом. Монстр неторопливо ехал вдоль стены, и Анжелика поняла внезапно, что он



подбирается к медному гонгу, который она заметила еще от лестницы. На земле валялась железная колотушка.

\*\*\*

— О! Ты убила его! — раздался еще один голос из того же проема, откуда появился Великий Коэср.

Оттуда выглядывала молоденькая девушка, почти девочка, с красивым лицом. Анжелика глянула на лезвие своего кинжала, с которого капала кровь. Она прошептала:

— Молчи! Или мне придется убить и тебя!

— Я никого не позову. Я так рада, что избавилась от него! Никто не осмеливался поднять на него руку, — прошептала она. — Его все боялись. А это был всего-навсего злобный калека.

Она подняла на Анжелику свои черные глаза.

— Спасайся, или тебя ждет смерть.

— Кто ты?

— Розина... Самая молодая жена Великого Коэсра.

Анжелика спрятала нож за пояс. Дрожащей рукой она дотронулась до щеки девочки.

— Розина, помоги мне. Мой ребенок находится за этой дверью. Жан-Пурри запер его там. Я должна его забрать.

— Ключ от двери совсем рядом. Он у него... — Розина показала рукой на труп урода. — Жан-Пурри доверял его только ему. Ключ спрятан в тележке.

Она наклонилась к тележке и стала шарить в ней. Анжелика отвернулась, она не могла смотреть на убитого.

— Вот он!

Анжелика поспешно вставила ключ в скрежещущий замок и повернула его. Затем она отперла второй замок. Дверь открылась. Анжелика бросилась в комнату и схватила Флоримона, которого уже держал наготове Лино. Ребенок не плакал, он так сильно стиснул ручками шею матери, что у нее перехватило дыхание.

— Теперь помоги мне выйти отсюда, — сказала она Розине. За ними устремились два подростка.

— Маркиза ангелов! Маркиза ангелов! Не бросай нас! Неожиданно Розина, которая вела всех к лестнице, остановилась, как вкопанная, и приложила палец к губам.

— Кто-то поднимается! Это Баво, его телохранитель. За мной! Обезумев от страха, они бежали вниз по другой лестнице. Едва они оказались на улице, из дома Великого Коэсра раздались крики и топот.

Это гигант Баво носился с воплями по дому, разыскивая убийцу своего любимого господина.

— Бежим отсюда! — повторяла на ходу Розина.

Они долго бежали по темным извилистым улочкам. Их босые ноги шлепали по влажной мостовой. Наконец девочка перешла на шаг.

— Мы уже на улице Сен-Мартин.

— Надо двигаться дальше. Нас еще могут догнать.

— Баво немой, его никто не поймет. Подумают даже, что он убил. А потом найдут другого Коэсра. Но я никогда больше не вернусь туда... Я останусь с тобой, потому что ты освободила меня.

— А если нас разыщет Жан-Пурри? — спросил Лино.

— Я буду защищать вас, — пообещала Анжелика.

\*\*\*

Утром в аббатстве Сен-Мартин-де-Шам раздавали бесплатную похлебку для нищих. В этой благотворительной миссии принимали участие светские дамы, которые пришли к утренней молитве.

Всем бедным раздали по миске горячей похлебки и куску хлеба. Среди нищих своей очереди ждала и Анжелика с малышом и тремя подростками. Они стояли в очереди к раздаче и вместе со всеми сели за длинные столы. Анжелика осторожно вливала бульон в рот Флоримона. Глаза его были полузакрыты, ему хотелось спать. Бульон проливался и затекал ему за шею. Горячая струя взбудрила малыша, и он сделал несколько жадных глотков. От теплой похлебки Анжелике тоже захотелось спать. Она рассеянно продолжала кормление Флоримона.

Она стала вспоминать разрозненные моменты своей потерпевшей крах жизни, и мало-помалу сердце ее переполнялось гневным протестом. «Я сделаю так, что вы никогда не будете знать ни голода, ни бедности! Вы никого не будете бояться! Обещаю вам!...»

Силы возвращались к ней.

Знатные дамы, прикрыв шеи платками, чтобы не бросались в глаза из жемчужные ожерелья, ходили от одного стола к другому в сопровождении служанок, которые несли корзины с пирожными и

фруктами. Знатные дамы доставали из корзинок кушанья и раздавали их нищенкам.

— О моя дорогая! — сказала одна из них своей напарнице. — Какая вы мужественная! В вашем-то положении вставать в такую рань, чтобы накормить блудных грешниц! Бог не обойдет вас своей милостью.

Голос второй женщины показался знакомым Анжелике. Она подняла голову и узнала графиню де Суассон, которая, как ей было известно, носила под платьем подушку вместо ребенка.

— Как несправедливо устроен мир, — пожаловалась графиня, — девять месяцев мы должны вынашивать плод чьих-то мутных утех!

— Это испытание ниспослано нам свыше.

Анжелика повернулась к Лино и вручила ему своего сына. Малыш протестующе заголосил, но его мать решительно поднялась из-за стола и велела подросткам:

— Оставайтесь здесь, никуда не уходите.

Карета ждала графиню де Суассон на улице Сен-Мартин. Графиня уже собиралась открыть дверцу, как какая-то бедная женщина приблизилась к ней и сказала:

— Мадам, мой ребенок умирает с голоду. Прикажите одному из своих лакеев привезти в место, которое я укажу, полную тележку дров, хлеб, одеял и одежды.

Благородная дама удивленно взглянула на дерзкую нищенку, но решила не ругать ее.

— Моя бедная девочка, разве тебя не накормили в приюте?

— Миски похлебки недостаточно, чтобы прожить, мадам. То, что я у вас прошу, ничто по сравнению с вашими богатствами. Ваша пища и дрова помогут мне продержаться до тех пор, пока я не найду новую работу.

— Неслыханно! — не выдержала графиня. — Ты слышишь, Бертилла? Требования оборванцев растут с каждым днем. Отстань от меня! Не трогай меня своими грязными пальцами, или тебя высекут мои лакеи!

— Берегитесь, мадам! — злое проговорила Анжелика. — Берегитесь! Иначе всем станет известно о ребенке Куасси-ба!

Графиня уже подобрала юбки, чтобы подняться на подножку кареты, но так и застыла с поднятой ногой. Анжелика продолжала:

— Я знаю в Сен-Дени один дом, где подрастает младенец, отец которого...

— Тише! — пробормотала де Суассон. — Вас могут услышать! О чем это вы рассказываете? — спросила она сухим голосом.

— Отец этого ребенка — негр. Ребенок рожден в Фонтенбло, роды принимала женщина, имя которой будет интересно узнать некоторым господам... Им также будет забавно выслушать историю о том, что госпожа де Суассон носит ребенка тринадцать месяцев.

— Ах ты дрянь! — воскликнула графиня, южный темперамент которой не давал ей возможности скрывать свои чувства.

Она взгляделась к лицу Анжелики, стараясь узнать его, но та опустила глаза; в том плачевном состоянии, в котором она сейчас находилась, никто не узнал бы блистательную графиню де Пейрак.

— Довольно! — отрезала графиня и направилась обратно к карете. — Вы заслуживаете, чтобы я приказала высечь вас. Я не люблю, когда надо мной насмеются.

— Король тоже не любит, когда над ним насмеются, — небрежно заметила следующая за ней по пятам Анжелика.

— Кто бы говорил о короле! — обернулась графиня. — Странно, что ты вообще осмеливаешься произносить это слово... Чего ты хочешь?

— Я уже сказала вам, мадам. Мне нужно совсем немного: тележка с дровами, одежда для меня и моего ребенка, немного продовольствия.

— До чего докатился Париж! — причитала де Суассон. — И этот болван начальник полиции еще поздравляет себя с блестящей операцией по отлову бродяг! Город кишит бандитами...

— Итак, мадам, вы будете ждать меня, чтобы передать все то, о чем я вас прошу?

— Да, я буду ждать, — ответила графиня и залезла в карету.

## Глава 15

Перед мэтром Буржусом, хозяином таверны, в которой нашли приют Барба и Кантор, предстало одновременно удручающее и необыкновенное зрелище: странное семейство, состоящее из молодой женщины и кучки разновозрастных детей, двигалось ко входу в его заведение, а за ними пышно разодетый лакей из богатого дома толкал тележку, нагруженную дровами и тряпьем. Хозяин наблюдал, как Анжелика вошла в зал, приблизилась к Барбе и передала ей малыша. И тут его терпение лопнуло. Он подошел к стойке и стукнул по ней кулаком.

— Еще один! И ты будешь теперь утверждать, что это тоже твой, — закричал он на Барбу. — А я-то считал тебя благоразумной и порядочной девушкой.

— Мэтр Буржуе, выслушайте меня...

— Ничего не буду больше слушать. Мою таверну вы хотите превратить в приют для нищих. Я обещен... — он скомкал и бросил на землю кухонный фартук и выскочил на улицу за стражей.

— Пусть малыши посидят у огня, — велела Анжелика. — Я поднимусь и зажгу камин в комнате.

Она заставила лакея подняться с охапкой дров и сложить их в маленькой комнатке, в которой не было ничего кроме кровати.

— Передай госпоже де Суассон, чтобы она присылала дрова каждый день, — сказала Анжелика, отсылая лакея.

— Вот что, красотка, если тебя интересует мое мнение... — начал было лакей.

— Не интересует, — отрезала она тоном, который не вязался с ее разорванным корсажем и обрезанными волосами. — И не вздумай обманывать меня.

Снизу раздался истошный вопль. Это кричал вернувшийся ни с чем мэтр Буржуе. Все соседи сбежались на его крик... Мало того что дом его полон всякого сброда, но к тому же его собственная кухарка оставила на огне с десяток кур! А откуда взялся этот сноп искр из дымовой трубы? В верхних комнатах не разводили огонь несколько

лет. Они спяют весь дом! Пропало его хозяйство. Ах, зачем умерла госпожа Буржуе!..

В корзине, которую слуга госпожи де Суассон принес вместе с дровами, оказались масло, паштет, фрукты, две буханки хлеба и кувшин с молоком. Розина принесла теплой воды из кухни, и Анжелика смогла вымыть малышей. Она накрыла их теплыми новыми одеялами. Поев, они тотчас же уснули крепким сном. Анжелика выпроводила из облюбованной ей комнаты Лино и Флипо и вымылась сама.

— Какая ты красивая! — восторженно воскликнула Розина. — Я не встречала тебя раньше, но, скорее всего, ты одна из женщин Красавчика.

Анжелика энергично мылила голову, размышляя о том, как просто мыть волосы, когда они острижены, как у мальчишки.

— Нет, я маркиза ангелов, — небрежно ответила она.

— О! Так это ты! — воскликнула девочка. — Я столько слышала о тебе. А правда, что Каломбредена повесили?

— Я ничего не знаю о нем, Розина. И мне не хотелось бы вспоминать о прежней жизни. Давай подумаем лучше, как нам устроиться на этом месте и начать новую жизнь.

Немного погодя, причесываясь перед маленьким зеркальцем, которое постоянно лежало у нее в кармане, Анжелика удивленно спросила:

— Розина, что это такое?

— Это прядь белых волос, — ответила Розина.

— Белые волосы! — с ужасом повторила Анжелика. — Но этого не может быть! Вчера их еще не было, я уверена в этом.

— Они появляются неожиданно. Может, они появились за эту ночь?

Ноги Анжелики задрожали от волнения, она вынуждена была сесть.

— Розина... я что, старею?

Девушка встала на колени перед кроватью и серьезными глазами посмотрела на Анжелику. Потом погладила ее по щеке.

— Нет. У тебя совсем нет морщин, и кожа твоя гладкая.

— Сколько тебе лет, Розина?

— Я не знаю точно. Четырнадцать или пятнадцать.

— Теперь я вспомнила тебя. Я видела тебя однажды ночью на кладбище Невинных. Это было прошлой зимой.

— Ты сама велела не вспоминать больше прошлого.

Немного погодя в комнату поднялась Барба и сообщила, что с утра в таверну не заходил ни один посетитель. Хозяин предпочел запереть дверь от воришек. Дело в том, что у него украли часы...

Взгляд служанки случайно упал на кучку вещей, сложенных на сундучке возле кровати. Там были две табакерки, кошелек, несколько монет, пуговицы, часы.

— Но... Это же часы мэтра Буржуса!

— Флипо! — поняла Анжелика. — Это его барахло. Уличенный подросток невинно развел руками.

— Да, это я украл. Я пошел на кухню за остатками паштета... Анжелика схватила его за ухо.

— Если ты будешь продолжать свои вчерашние занятия, я выставлю тебя наружу, и пусть тебя снова поймает Жан-Пурри!

На кухне она сказала Барбе:

— Еще не так поздно, всего девять часов. Мне надо уйти сейчас, Барба, я вернусь к утру. У меня осталось последнее дело, после которого я смогу начать жизнь заново.

## Глава 16

Анжелика огибала тюрьму Шателе, по-детски надеясь, что провидение вот-вот сжалятся над ней и каким-то способом унесет ее от этой зловещей крепости, стены которой уже простояли шесть веков. Данное капитану слово обязывало ее вновь возвратиться сюда.

Капитан поджидал ее, забросив обе ноги на стол.

— Я не верил, что она вернется, — бросил один из солдат.

— А я был в этом уверен, — торжественно объявил капитан. — Потому что вор никогда не сдержит слова, а их женщина никогда его не нарушит. Я убеждался в этом много раз. Что ж, крошка...

Анжелика ответила на его самодовольный взор ледяным взглядом. Капитан вытянул руку и похлопал ее по бедрам.

— Сейчас тебя отведут к врачу, и он посмотрит, не больна ли ты. Один из солдат провел Анжелику через несколько комнат к приемной военного врача. Ей пришлось ждать на скамейке, пока не освободится он. Затем врач подверг ее унижительному осмотру.

— Скажите капитану, что она чиста, как новенький су, и свежа, как роза. И где он отыскал такую в своем погребе?

Солдат привел ее в комнату капитана. Окна ее были зарешечены, в ней пахло сырой кожей, табаком и вином. Анжелика осталась неподвижно стоять возле стола, не решаясь что-либо делать. Время шло, ей стало холодно, от высоких стен веяло сыростью.

Наконец она различила за дверью капитана. Он вошел, продолжая сыпать проклятия:

— Скоты, бездельники! Ни одной минуты нельзя побыть одному.

Он бросил на стол саблю и пистолет, сел на кровать, вытянул ноги и приказал Анжелике:

— Стащи сапоги!

— Я не служанка ваша!

— Вот как! — капитан упер руки в колени и стал внимательно всматриваться в ее лицо.

Анжелика сказала себе, что надо быть безумной, чтобы дерзить военному в тот момент, когда она полностью от него зависит. Она попыталась загладить свою дерзость:



— Я бы охотно сняла ваши сапоги, но мне никогда не приходилось заниматься подобной обувью. Они такие громоздкие, а мои пальцы такие слабые... Посмотрите.

— Они и вправду слабые, твои пальцы, — согласился Людоед. — Совсем как у герцогини.

— Но я могу попробовать...

— Оставь их, — проворчал он.

Он схватил один сапог и стал с мучительной гримасой стаскивать его. В этот момент за дверью раздались быстрые шаги, чей-то голос позвал:

— Капитан! Капитан!

— Что еще?

— Принесли утопленного, которого выловили у Малого моста.

— Ты что, не знаешь куда его деть?

— Но он получил удар шпаги в живот. Вы должны констатировать. Капитан с новым потоком ругани натянул сапог обратно и выскочил из комнаты.

Анжелика продолжала мерзнуть. Она стала мечтать о том, чтобы эта ночь так и прошла в сплошной беготне и чтобы капитан не смог вернуться к ней. Но вскоре его голос снова слышался, на этот раз он вернулся в сопровождении подчиненного.

— Сними сапоги! — приказал он ему. — А ты, девка, раздевайся и ложись в постель, вместо того чтобы стоять и стучать зубами.

Анжелика подошла к кровати и стала медленно раздеваться. Руки ее точно налились свинцом. Она подумала о том, надо ли снимать сразу и нижнюю юбку, но решила оставить. Затем она залезла под массивное одеяло, напряженно следя за движением капитана.

Тот снял огромный парик и заботливо уложил его на специальном круге, потом стал стаскивать мундир. В этот момент в дверь снова постучали. Он раздраженно распахнул дверь.

— Капитан, вернулся патруль и сказал, что обворовали дом на улице Мартир.

— Идите вы все к черту! — заревел Людоед, захлопнул дверь и задвинул засов.

Вид у него был такой смешной, что Анжелика не выдержала и улыбнулась. Капитан заметил это и начал успокаиваться.

— Да ты просто притворялась сердитой, — обрадованным голосом проговорил он.

Анжелика уже проклинала себя за улыбку. Она собралась вести себя холодно и надменно, а теперь улыбается, как шлюха, которая хочет понравиться клиенту.

— Это неплохо, красotka, совсем неплохо, — проговорил капитан и затушил лампу. — Подвинься, дай мне место.

\*\*\*

Когда Анжелика проснулась, она долго не могла понять, где находится. Ей было невыносимо жарко.

Она испуганно озиралась по сторонам, испытывая ощущение, что погребена в каменном мешке. Сможет ли она когда-нибудь выбраться отсюда? Людоед спал. Она осторожно дотронулась до огромной массы. Капитан заворчал и поднял голову.

— Проснулась, моя крошка! — сказал он мягко и зевнул.

— Я слышала странные звуки за стеной, они разбудили меня, — сказала Анжелика.

— Так это же заключенные. Они скребутся и кричат по ночам, но я уже привык. Им-то не до развлечений...

— Они страдают...

— Их для этого сюда поместили... Тебе повезло, что у тебя есть шанс выйти отсюда сегодня утром!

В комнату постучали. Это был врач, который принес бритвенные принадлежности для капитана.

— А ты был прав, парикмахер, — смеясь, крикнул ему капитан. Анжелика оделась, но не осмеливалась спросить разрешения покинуть тюрьму. Капитан повернулся и протянул кошелек.

— Это тебе, ты доставила мне такое удовольствие!

— Мы уже квиты.

— Возьми, — покраснел капитан. — И проваливай!

## Глава 17

...На пути у Анжелики вырос мэтр Буржуе, вооруженный половником.

— Вон отсюда, мерзавка! — закричал он. — Вы сделали притон из моего заведения. Думаешь, я не знаю, что означает остриженная голова? Возвращайся в свою тюрьму, откуда ты сбежала. Или я сдам тебя туда. Не знаю, что мне вчера помешало вызвать стражу... Я слишком мягкий человек. О, что бы сказала моя бедная жена, если бы увидела эту разоренную таверну?

Анжелика, утомившись уворачиваться от взмахов половника, закричала еще сильнее, чем он:

— Что сказала бы ваша бедная жена про своего мужа, который встречает рассвет стаканом вина?

Хозяин ошеломленно уставился на нее.

— Что сказала бы она о лавке, покрытой пылью, о пустом погребе, о заляпанных грязью столах и скамейках?

— Что за чертовщина? — пробурчал Буржуе.

— Что сказала бы она о муже, который грязно ругается?.. Могу вас уверить, господин Буржуе, что она не знает, куда ей скрыться от стыда перед ангелами и всеми святыми рая!

Мэтр Буржуе тяжело опустился на табурет.

— Но зачем она умерла?! — сокрушенно воскликнул он. — Это была такая добросовестная хозяйка, всегда добронравная, веселая. Не знаю, что удержало меня от петли...

— Могу сказать, что именно. В этом случае вы повстречали бы свою жену, и она сказала бы вам: «А, вот и ты, мой милый Пьер...»

— Извиняюсь: «Мой милый Жак...»

— Простите... «Вот и ты, мой милый Жак! Как ты до этого докатился? Я всегда говорила, что один ты ничего не стоишь. Еще хуже, чем ребенок. Когда я вижу, что ты сотворил из моей любимой таверны, когда я вижу, что мою оловянную посуду твой олух-племянник чистит песком, вместо того чтобы делать это мелким мелом, когда я вижу, как тебя обманывают торговцы, — как, по-твоему, я должна чувствовать себя на небе среди столь почтенной публики?»

Анжелика замолчала, а мэтр Буржуе готов был заплакать.

— Да, да, это правда. Она говорила обо мне точно так же...

— И нечего хныкать, — твердо сказала Анжелика, — надо браться за работу. И улыбайтесь почаще. Никто не будет заходить в лавку, где хозяин рычит на клиентов как пес.

— Кто это пес? — хозяин вдруг снова принял угрожающий вид.

— И ваша жена, которая была такой жизнерадостной, не вынесла бы сейчас и трех минут рядом с вами.

— А ты думаешь, она вынесла бы на своей кухне твоих воров? Я застал их, когда они крали сало из кладовки. Я уверен, что это они украли мои часы.

— Вот ваши часы, — Анжелика достала из кармана и протянула мэтру Буржусу его часы, — я нашла их на лестнице. Должно быть, вы обронили их вечером, когда поднимались к себе. Вы были пьяны...

Спустя несколько минут, когда хозяин таверны совсем успокоился, Анжелика сказала ему:

— Мэтр Буржуе, я сделаю так, как вы распорядитесь. Если вы прикажете мне покинуть таверну с моими детьми, я уйду. Правда, я не знаю, куда мне идти, куда пристроиться с малышами. Но если я устроюсь в комнате Барбы, то совсем не буду мешать вам; у меня будут собственные дрова и пропитание. Мы станем помогать вам, будем приносить воду, мыть пол. А малыши останутся наверху...

— Чего им делать наверху? — проворчал хозяин. — Детям место возле кухни, а не с голубями под крышей. Эти нищенские дети еще выносливее, чем лесные звери! Ладно, спускайтесь все вниз, пока не устроили мне там пожар!..

Поднимаясь за остатками вещей, Анжелика встретила на лестнице Давида, племянника хозяина. Подросток прижался к стене, бросая на нее злобный взгляд. Анжелика не помнила, что обругала его в первый день встречи, приняв за наглого мужлана.

Анжелика улыбнулась, решив сделать и его своим другом.

— Доброе утро, малыш.

— Малыш? — сквозь зубы процедил подросток. — Попробуй, назови меня так еще раз! Через два месяца мне будет шестнадцать!

— О, извините, господин! Как это невоспитанно с моей стороны. Вы, наверно, никогда не сможете меня простить?

Паренек, не привыкший к изысканному обращению, не понял шутки и пожал плечами:

— Я постараюсь простить вас.

— Я счастлива, мой господин.

Она собралась было продолжить восхождение, как вдруг вспомнила, что уловила знакомый акцент в речи поваренка.

— Ты, должно быть, с юга, мой милый?

— Да, мадам, я из Тулузы.

— Тулуза! — вскричала Анжелика. — Ты из Тулузы! Она притянула его к себе и поцеловала.

Паренек покраснел, как помидор. Анжелика сказала ему несколько фраз на южном диалекте, и тот разволновался еще сильнее.

— Вы тоже оттуда, как я понял?

— Это такой красивый город! Почему ты не остался в нем?

— Во-первых, умер мой отец. Во-вторых, он хотел, чтобы я побывал в Париже, где можно изучить торговлю. Он хотел, чтобы я научился профессии кондитера. Мы вместе работали в нашем магазине, и я помогал ему делать пироги, пирожные и сладости, пока он не умер. Тогда я отправился в Париж и прибыл в тот день, когда жена моего дяди, госпожа Буржуе, умерла от оспы. Мне никогда не везет.

— Тебе еще повезет, не унывай, — утешила его Анжелика и стала подниматься.

Розина собрала для переезда все вещи Кантора и Флоримона. Она сказала, что «парни пошли прогуляться». На их языке это означало, что они пошли на свой промысел.

— Они больше не будут этим заниматься, — решительно объявила Анжелика.

— Ты не хочешь, чтобы они крали или просили милостыню, но чем они тогда должны заниматься?

— Они должны работать.

— Но это и есть работа! — недоуменно возразила девочка.

— Нет. И закончим разговор на эту тему. Помогите мне спустить малышкой. А потом отправляйтесь помогать Барбе... Ох, по-моему, он многовато весит для девятимесячного ребенка, — улыбнулась она, беря на руки Кантора.

— Мадам, по-моему, мэтр Буржуе не в себе! — такими словами встретила ее внизу Барба. — Он приказал мне вымыть полы, отскоблить столы и натереть их воском. А потом я должна отправиться на рынок и купить тонкого мела для чистки посуды.

Устроив малышей на кухне, Анжелика побежала к мосту Неф. Продавщица цветов не узнала ее. Анжелике пришлось напомнить ей о давней встрече, когда она помогла составить несколько букетов.

— Как же я могла узнать тебя? — изумилась добрая женщина. — У тебя в тот день были пышные волосы, а ноги босы... А сейчас наоборот: туфли на месте, зато нет волос! Но я надеюсь, что пальцы у тебя остались прежние? Работа у нас всегда найдется.

Анжелика села под красным зонтиком и старательно принялась за дело. Ей не хотелось поднимать глаза на зловещую Несльскую башню, возвышающуюся над деревьями и крышами домов и напоминающую ей о недавней жизни среди бродяг. Еще ей крайне не хотелось встретить кого-нибудь из бывшей банды.

Но мост Неф сегодня был малолюден, и бандитов на нем не было. Не слышался привычный оркестр Великого Матье, который временно перебазировался на Сен-Жерменскую ярмарку.

Продавщицы между делом переговаривались друг с другом. Обсуждали ужасные побоища на ярмарке. Сколько трупов было найдено после нескольких особенно горячих ночей! К счастью, полиция на этот раз оказалась на высоте. По улицам города то и дело перегоняли из крепости в крепость пойманных, десятками отправлялись они на галеры, на площади Грев ежедневно вешали по два, по три бандита.

— Вот что меня заботит, — вставила цветочница. — Где в этом году наше братство будет отмечать день Святой Вальбонны? В прошлом году хозяин «Послушных Малышей» обсчитал нас на кругленькую сумму. Я не хочу больше дарить ему ни одного су.

Анжелика сочла необходимым вступить в разговор. До этого времени она не подавала голоса, как и положено начинающей ученице.

— Я знаю одну превосходную таверну на улице Валле-де-Мизер. Цены там умеренные, а кухня на редкость изысканная и необычная.

Она перечислила быстро основные блюда, которые она когда-то умела делать:

— Паштет из креветок, запеченная в яблоках индюшка, жаркое из печени ягненка, не говоря о миндальном пироге, анисовых вафлях...

— О, моя девочка, ни слова больше о всех этих яствах! Иначе у меня не хватит терпения досидеть до смены! — вскричала одна из соседок. — Но как называется эта славная таверна?

— «Ощипанный петух», она находится в самом конце улицы Валле-де-Мизер.

— Никогда бы не подумала, что в этом месте такой богатый выбор, — заметила другая соседка. — Мой муж, который работает в мясной лавке неподалеку от улицы Валле-де-Мизер, заходил туда иногда и рассказывал мне потом, что там очень грубая пища.

— Это устаревшие сведения, госпожа. Хозяин таверны, мэтр Буржуе, выписал из Тулузы прекрасного повара, который отлично готовит... Не забывайте, что Тулуза — город цветов. Святая Вальбонна порадовалась бы только, если бы вы провели праздник в ее честь за тулузским столом. А еще там есть маленькая обезьянка и паренек, который играет на шарманке и знает все песенки с моста Неф.

— Дочь моя, если все действительно так, как ты рассказываешь, то эта таверна может нам подойти. Давай туда после работы вместе пойдем, и я посмотрю...

— О! Только не сегодня! Дело в том, что повар уехал за город, чтобы выбрать продукты у фермеров. Но завтра вечером они готовы будут принять вас и других женщин из братства цветочниц, чтобы продемонстрировать свое мастерство и договориться о празднике.

Пытаясь сгладить впечатление от первой встречи с цветочницей, когда она предстала перед ней в жалком виде, Анжелика объяснила:

— Мой муж был мелким кондитером. Он не успел сделаться дядюшкиным компаньоном, потому что умер той зимой от чумы, оставив меня совсем без средств. Все наши деньги ушли на лечение...

— Эти аптекари вечно дерут втридорога с честных людей, — вздохнула одна из цветочниц, поднимая глаза к небу.

— Дядюшка взял меня к себе, теперь я помогаю ему обслуживать посетителей. Но посетителей последние дни немного, вот я и решила подработать в другом месте.

Следом за этим она покинула продавщиц, чтобы тотчас же предупредить мэтра Буржуса о завтрашнем посещении.

## Глава 18

На следующее утро Анжелика проснулась на рассвете и стала будить Барбу, Розину и ребят. Флипо поднялся с ворчанием.

— Почему мы одни работаем, а этот сопляк Давид спускается на кухню, когда огонь разведен и еда уже на столе. Ты должна разобраться с ним, маркиза!

— Я не маркиза больше, и вы больше не побирушки и не воры. Сейчас мы работники таверны. А скоро станем обеспеченными буржуа.

— Плевал а на этих буржуа! — распалился еще больше Флипо.

— Они нужны только для того, чтобы у них срезали кошельки.

— А как тебя теперь называть, если ты не маркиза ангелов? — спросил Лино.

— Вы должны называть меня «мадам» и говорить мне «вы».

— Еще чего! — фыркнул Флипо.

Тут он получил затрещину, которая должна была ему доказать, что его жизнь действительно переменилась.

— А теперь ты отправляйся со мной и с Давидом на рынок. А ты, Лино, будешь делать то, что прикажет тебе Барба. Ты принесешь ей воду, дрова и так далее. Розина будет заботиться о малышах. А кто хочет вернуться к Жану-Пурри, того я не удерживаю.

Возражений больше не последовало.

— Я знаю, мои маленькие шалунишки, вам не хватает приключений. Потерпите, они впереди. Не думайте, что так просто начать новую жизнь. Но скоро все изменится. Обещаю, что если мы и не сделаемся богатыми, то, по крайней мере, о нас заговорит весь Париж!

\*\*\*

Несмотря на свежую волну, которую Анжелика внесла в его дом, мэтр Буржуе не торопился давать ей свой кошелек для закупки необходимых продуктов.

— Если вы боитесь, то можете отправиться со мной, — возразила Анжелика. — Но лучше остаться и заняться приготовлением. Вечером придут важные особы, и надо произвести хорошее впечатление.



— Но что ты хочешь купить сейчас, когда мы еще не знаем, что они закажут к празднику?

— Мы должны устроить красочные декорации! Надо купить все, что может вызвать симпатии и расположение цветочниц: птицу, рыбу, овощи, зелень, сладости...

— Да что ты! Не забывай, что я имею право торговать только жареными курицами. На меня набросится братство кондитеров, рыбников, зеленщиков!.. А потом ты меня разоришь.

— Да вы уже разорены. Чего вам терять? Попробуйте рискнуть, не бойтесь никаких кондитеров. Слышите: на площади извещают о прибытии баркаса с бургундским вином. Нам оно не помешает.

На рынке Анжелика старалась делать покупки как можно экономнее, чтобы не расстраивать лишний раз Буржуса. Сопровождающий ее Давид всякий раз тяжело вздыхал:

— Как это дорого! Что скажет дядя?

— Я устала от твоих причитаний, — не выдержала Анжелика. — Не говори мне больше, что ты из Тулузы!

— Я из Тулузы, — возразил поваренок, задетый за живое. — Моего отца звали господин Шаю. Это имя вам ничего не говорит?

— Нет.

— Отец привез из плаваний много неизвестных раньше вещей. Это он хотел первым продавать какао в Тулузе.

Давид сообщил ей, понизив голос, что откроет секрет, о котором не говорил никому еще, даже своему дяде.

— Подумаешь, — бросила его спутница, — я никогда не пробовала шоколад и не собираюсь. Пусть его пьет королева.

— Это потому, что вы сами не пробовали шоколад, — заметил Давид. — Мой отец получил письмо-патент, которое разрешало заниматься изготовлением шоколада. Но он умер. Мать моя тоже мертва, остаюсь один я, кто может воспользоваться разрешением. Но я не знаю, как приступить к делу.

— Так это письмо у тебя?

Бедный Давид под взглядом зеленых глаз почувствовал себя, как кролик перед удавом.

— Каким числом оно датировано?

— От 28 мая 1659 года, сроком на двадцать девять лет.

— Надо еще выяснить, не приносит ли вред этот шоколад... — пробормотала Анжелика. — Сам-то ты его пил?

— Да... К нему нужно привыкнуть. Если еще добавить корицы, перца... — паренек неожиданно улыбнулся.

— А куда делся Флипо? — вдруг спохватилась она, тревожно озираясь вокруг. — Уж не сбежал ли этот сорванец?

— Не тревожьтесь за этого недоноска, — ревниво отозвался Давид. — Он только что был здесь и обменивался кивками с каким-то калекой. А потом убежал с сумкой, которую вы ему доверили.

Флипо появился так же внезапно, как и исчез.

— Маркиза! Что я узнал! — прошептал паренек. — Знаешь, кто стал Великим Коэсром? Деревянный Зад! Наш Жанин!

Он еще сильнее понизил голос:

— А еще мне сказали: «Берегитесь, вас приютила предательница!»

— Ты думаешь, они знают, что это я убила Коэсра?

— Не знаю. Но они знают, что ты натравила тюремщиков на богемцев.

\*\*\*

Цветочницы были по-настоящему очарованы приемом, оказанным Анжеликой и хозяином таверны.

В камине пылал огонь, оловянная посуда сверкала, на столе появлялись одно за другим превосходные блюда и отменные вина. Все было так, как в богатых домах во время торжественных обедов.

— Все прекрасно, только не хватает цветов, — отозвалась одна. — Можно было бы украсить эти блюда ромашками и незабудками.

— Ну что вы, как мы могли соперничать с вами в столь утонченной сфере! — учтиво ответил мэтр Буржуе.

Лицо неторопливо вращал ручку шарманки, которую сберегла во время погрома де Поляк, а Флоримон забавлялся с обезьянкой.

После ужина было составлено меню для предстоящего праздника.

— Ну вот, — проворчал Буржуе, закрыв за посетительницами дверь. — Что мы будем делать с горами пицци? Скоро придут ремесленники и работяги, не будем же мы кормить их такой роскошной едой! Да они и не смогут расплатиться с нами. Напрасные расходы...

— Я удивляюсь, глядя на вас. Я считала, что вы разбираетесь в коммерции. Эти бесполезные, по вашим словам, траты обернутся десятикратной прибылью. Речь идет не только об их празднике. Цветочницы разнесут по городу весть о новом тулузском поваре!

Мэтр Буржуе устало опустил на лавку.

— St не знаю, кто ты есть на самом деле, — сказал он. — Ты кажешься мне ненастоящей. С тех пор как ты ворвалась в мой дом, я чувствую себя перенесенным в какое-то другое время, в другое место. И в один прекрасный день ты исчезнешь так же неожиданно, как и появилась.

Анжелике хотелось заговорить с ним на щекотливую тему о будущем разделении дохода, но она сочла момент неподходящим.

\*\*\*

Ужин в честь Святой Вальбонны прошел великолепно. Это было повторение репетиции, усиленное разнообразием южных блюд. Веселье усилилось, когда в таверну ввалилась группа празднующихся мушкетеров, привлеченных женскими голосами.

— Кажется, мы неплохо поработали, — обратилась Анжелика к хозяину, который после ухода посетителей пересчитывал монеты.

— Правда, моя девочка. Вот уже много лет в моем заведении не случалось такого праздника. И даже господа мушкетеры изволили честно расплатиться, а не схватились за шпаги, как обычно.

— Вот что я вам предлагаю, господин Буржуе, — ввернула Анжелика. — Мы будем помогать вам содержать таверну, все вместе с Розиной, Лино, Флипо и обезьянкой. А вы будете отдавать нам четвертую часть прибыли.

Хозяин размышлял недолго. Он знал, что рано или поздно с ним затеет тяжбу какая-нибудь корпорация держателей закусовых, но после сегодняшнего вечера он поверил в талант Анжелики.

— Мы пойдем к нотариусу и подпишем контракт, — успокоила его женщина. — А для соседей все останется в секрете. Вы будете говорить, что я ваша племянница. Вы увидите, дорогой мэтр Жак, что дела наши быстро пойдут в гору. У нас не будет отбоя от посетителей. Мамаша Маржолен уже пообещала мне, что уговорит братство апельсинщиков отмечать у нас скорый праздник Святого Фиакра. А теперь вручите мне нашу долю за сегодняшний вечер.

Мэтр Буржуе с некоторым сожалением отсчитал ей четвертую часть сбора, но он уже ощущал себя преуспевающим дельцом.

Словно напоминая об осторожности, судьба послала Анжелике в этот вечер весьма безрадостную встречу.

Выйдя на крыльцо, чтобы вдохнуть свежего воздуха, она заметила нищего, который вошел во двор и стал кланяться подаяние. Это был Черный Хлеб в своем прежнем рванье и по-прежнему таинственный.

Охваченная страхом, Анжелика вернулась на кухню, принесла хлеба и чашку с бульоном и подала нищему. Глаза его злоеще сверкнули из-под косматых бровей.

## Глава 19

Рождение королевского наследника приближалось, и у цветочниц работы было невпроворот. В один из ноябрьских дней, когда они, как обычно, сидели рядком на мосту Неф, куранты королевского дворца начали неожиданный бой. Вдалеке глухо выпалила пушка Бастилии. Все жители Парижа взволнованно насторожились.

На двадцать третьем ударе люди бросились обниматься. Число означало, что родился мальчик.

— Наследник! Дофин! Да здравствует дофин! Да здравствует король! Да здравствует королева!

Когда королева вернулась из Фонтенбло, городские корпорации и братства стали снаряжать представительства для поздравлений.

— Я записала тебя! — сообщила Анжелике мамаша Маржолен. — Ты пойдешь во дворец как моя ученица и понесешь корзины с цветами. Тебе понравится во дворце, ты увидишь, где живут короли!

Анжелика не осмелилась отказаться. Слишком велика была честь, оказанная простой ученице.

В назначенный день перед Лувром собралась толпа букетчиц, оранжерейщиц и разносчиц. Звонко переговариваясь, переливаясь пестрыми цветами пышных юбок, толпа двинулась вверх по ступенькам. Их провели в просторные покои королевы, и там перед цветочницами предстала почти вся королевская семья. Анжелика успела заметить бледное, как обычно, немного застывшее лицо королевы. Но тотчас все ее внимание поглотил улыбающийся лик Людовика Четырнадцатого. Стоя, как и все, на коленях перед королевской четой, Анжелика почувствовала себя, точно ослепленная и обессиленная. Она видела только короля, она была в ужасе, что тот узнает ее среди других женщин.

Позже, когда они вышли из дворца, ей рассказали, что в зале присутствовали королева-мать, мадам д'Орлеан, мадемуазель де Монпенсье, герцог д'Энгьен, сын принца де Конде, и кроме них многочисленная молодежь из знатных родов.

Она видела только короля, стоящего у изголовья кровати, где лежала королева с наследником. Она испугалась его. Это не был

молодой человек, который ухаживал за ней в Тюильри. Теперь это был властный мужчина. Они предстали друг перед другом, как две равные силы, которым предстояло столкнуться в яростной схватке.

Замешкавшись, Анжелика брела одной из последних к выходу по коридорам Лувра, как вдруг позади нее раздался легкий свист, длинный, потом два коротких. Она с недоумением обернулась: кто мог подавать сигнал по-каломбрденски в королевском дворце?

Одна из дверей бесшумно отворилась, она заметила низенькую тень, отбрасываемую на мраморные плитки.

— Баркароль?

Она бросилась к нему в радостном порыве.

— Заходи, моя маркиза. Наконец-то мне есть с кем поговорить.

— О, Баркароль, какой ты красивый. И как ты правильно говоришь!

— Я не кто-нибудь, а карлик Ее Величества, — гордо ответил Баркароль.

Действительно, тщательно выбритый и причесанный, он выглядел ухоженным и представительным. Анжелика сказала, что находит его помолодевшим.

— Мне неплохо здесь, — просто ответил Баркароль. — Мне отраднo сознaвать, что я в зрелом возрасте достиг вершины своей карьеры.

— Сколько же тебе лет?

— Тридцать пять. Это самый лучший возраст для мужчины. А теперь дойдем, я представляю тебя благородной особе, к которой питаю нежные чувства и которая отвечает мне тем же.

Он провел ее в затемненную комнату, где за столом сидела женщина лет сорока, смуглая, предельно некрасивая, которая что-то готовила на посеребренной горелке.

— Донна Терезита, представляю тебе донну Анжелику, самую красивую девушку Парижа, — торжественно объявил Баркароль.

Женщина внимательно посмотрела на гостью и спросила о чем-то карлика по-испански.

— Она спрашивает, не та ли это самая маркиза ангелов, о которой я прожужжал ей все уши. Как видишь, я не забываю своих друзей.

Обходя вокруг стола, Анжелика увидела, что ножки донны Терезиты едва достигают до перекладки табурета, на котором она

восседала. Это была карлица королевы. Кивком головы она пригласила Анжелику присесть на другой табурет и стала дальше помешивать свое варево. Баркароль вспрыгнул на стол и принялся колоть орехи. Он то рассказывал что-нибудь Анжелике, то обращался по-испански к донне Терезите.

Как уютно почувствовала Анжелика себя в этом полутемном уголке роскошного Лувра! Нос ее улавливал необычный терпкий запах. На столе рядом с горелкой размещались миндальные орехи, пучок красного перца, кувшин с медом, чашечки с анисовыми зернышками, толченой корицей и миска с незнакомыми ей зернами.

Казалось, карлица поглощена своим занятием и не слышит, что происходит вокруг. Однако в конце истории, рассказанной Баркаролем, она улыбнулась.

— Я сказал ей, что ты нашла меня помолодевшим благодаря тому, что я оказался в хороших руках. Если бы знала дорогая маркиза, какую вольную жизнь я тут веду. Я обленился до невозможности. Королева часто зовет меня к себе, когда ей грустно. Она догадывается, что муж изменяет ей.

— Значит, правда то, что рассказывают о короле? О том, что у него новая фаворитка?

— Это ля Валльер. И королеве уже сообщили об этом. Бедная женщина! Она совсем не знает жизни... Нам, французам, остается, увы, лишь гордиться любовными достижениями нашего господина.

Заметив, что Анжелика улыбается, карлик счел возможным переменить тему. Он подмигнул ей.

— А скажи-ка, неплохо почувствовать себя честным человеком, начать жизнь труженика, самому зарабатывать кусок хлеба, а?

Она не ответила, ей не понравился вкрадчивый голос карлика. Чтобы уйти от вопроса, она сама спросила:

— Скажи мне лучше, что с таким старанием варит донна Терезита?

— Как что? — удивился Баркароль. — Какао для королевы.

Анжелику будто подбросила невидимая сила. Она подскочила к кастрюльке и заглянула в нее. Темно-коричневая густая жидкость не выглядела слишком аппетитно. С помощью карлика ей удалось расспросить испанку о рецепте, который оказался довольно сложным.

— Вкусно ли это, по крайней мере? — с сомнением спросила Анжелика. — Можно мне попробовать?

— Попробовать какао королевы! Какая дерзость! Это неслыханно! — Баркароль с комичным негодованием вращал глазами. Тем не менее он перевел просьбу Анжелики.

Карлица подала ей золотую ложечку. Анжелика черпнула немного коричневой массы и поднесла ко рту. Прежде всего она отметила, что кушанье чересчур сладкое.

— Королева не может без него обходиться, — напомнил Баркароль. — Ей готовят по нескольку чашек в день, но делают это втайне от короля, потому что весь двор смеется над ее страстью.

— А где можно достать зерна какао?

— Королева выписывает их из Испании через посредничество испанского посла в Париже.

В этот момент в дверь постучали.

— Пришли за какао для королевы! — шепнул карлик.

Анжелика быстро попрощалась с донной Терезитой и вышла через дверь. Карлик проводил ее до запасного выхода на набережную.

— Ты не спросил меня, что произошло со мной, — сказала она ему на прощание.

Баркароль смотрел себе под ноги. Анжелика опустилась на ступеньки, чтобы видеть его лицо.

— Я знаю, что произошло с тобой. Ты бросила Каломбредена и поддалась женским сантиментам.

— Разве ты не слыхал ничего о войне между богемцами и нашими на Сен-Жерменской ярмарке? Каломбреден исчез, я побывала в Шателе, Родогон засел в башне Несль...

— Но ты вышла из королевства Тюнов.

— Ты тоже.

— Ошибаешься, я навсегда останусь в нем, это мой настоящий мир. Здесь я по прихоти судьбы.

— Кто тебе рассказал обо мне?

— Деревянный Зад.

— Ты давно его видел?

— Не так давно. Теперь это наш Великий Коэср; я думаю, ты об этом знаешь. Я принес ему целый кошелек золотых монет. Это было самое мощное подношение на собрании, моя дорогая!



— Скажи, Барко, они собираются мстить мне?

Его лицо искривилось жесткой гримасой, и Анжелика поняла, что опасения ее не напрасны.

— Тем хуже. Я готова умереть, но никогда не вернусь, так и передай Жанину.

— О, какая это будет картина: молодая красотка со вскрытым горлом! Мой совет: скажи это сама Деревянному Заду.

\*\*\*

Весь декабрь Анжелика занималась устройством таверны. Число посетителей заметно возросло. С легкой руки цветочниц мэтр Буржуе получил уже несколько заказов на празднование торжественных дат.

Мэтр Буржуе предоставил ей и малышам бывшую комнату своей жены, которая была самой теплой и тихой во всем доме.

— Я не могу больше выносить, что перед моим домом каждое утро появляется лакей и выгружает телегу дров. Как будто я такой нищий, что мне нечем отапливаться. Мне стыдно перед соседями!

В следующий приход лакея Анжелика велела ему больше не привозить дрова и дала на чай.

— Я никогда не встречал такой женщины, как ты, — покачал головой лакей. Вот уже месяц, как она раздавала присылаемую де Суассон одежду и еду нищим, которые стали появляться с приходом зимы под окнами таверны. Их становилось все больше и больше, они грозили распугать посетителей своими жалобами и опасной внешностью.

— Ты притягиваешь их, как варенье притягивает ос. Перестань давать им милостыню. Разгони их, или мы разоримся.

— Почему вы думаете, что наше заведение страдает от нищих сильнее, чем соседние? — вскричала Анжелика. — Вы не слышали о нищете, которая царит в королевстве? На зиму крестьяне приходят от голода в город. Их становится все больше, и они хотят есть.

\*\*\*

Прошли еще два тяжелых месяца.

Положение нищих ухудшалось. Теперь они пускались на прямые угрозы. Анжелика приняла решение идти на поклон к Деревянному Заду, как советовал ей Баркароль. Надо было появиться у него раньше, но Анжелику била дрожь при мысли, что ей придется навестить короля

Тюнов в доме, где ей пришлось совершить убийство. В одну из безлунных ледяных ночей она появилась у пригорода Сен-Дени.

Ее сразу провели к Деревянному Заду. Он восседал в том же доме, где раньше жил Великий Коэср, на подобии трона.

На полу перед ним стоял медный таз. Она бросила туда кошелек, достаточно тяжелый, и показала другие подарки: огромную баранью ногу и круг хлеба, который был большой редкостью в ту пору.

— Не слишком рано ты появилась. Я давно тебя поджидаю. Ты понимаешь, что играешь в опасную игру?

Она приблизилась к нему. По обе стороны от него располагались знакомые ей персонажи: Большой и Малый Евнухи, Ро-ле-Барон. На голове у Жанина красовалась огромная шляпа с пышными перьями.

Анжелика пообещала приносить ему каждый месяц ту же сумму и уверила, что продукты в его кладовой никогда не переведутся. Но взамен просила, чтобы ее больше не трогали и позволили продолжать новую жизнь. По лицу Жанина она поняла, что он удовлетворен ее поведением и принимает ее условия.

## Глава 20

— Проклятье! Бог знает, что такое! Чтобы я еще раз зашел в этот притон, где так дешево обманывают!

Услыхав это, Барба пулей вылетела в зал. Впервые с момента появления Анжелики в доме ей пришлось слышать подобное от клиента.

Сейчас же к недовольному посетителю подбежала и сама Анжелика.

Дворянин презрительным взглядом окинул ее с ног до головы, но был несколько обескуражен ее внешностью и предупредительностью.

— Я хотел сказать, — поправился он, — что не приду больше в ваше заведение, если еще меня хоть раз попробуют так надуть. Вы можете судить по моему виду, что в моем доме достаточно слуг, чтобы готовить обеды, и тем не менее я заглянул к вам, привлеченный прекрасным запахом. Я попробовал такой омлет, какой мне, члену парламента, не приходилось еще пробовать. И что же я должен был подумать о вашей таверне сегодня, когда я получил омлет, никоим образом не напоминающий предыдущий.

— Но мы готовим омлеты по одному и тому же рецепту, — вмешалась Барба.

— Рецепт ничего не значит. Я хочу знать, кто готовил в тот день. Анжелика вспомнила, что в названный день готовила почти все кушанья она сама..

— Я очень рада, что вам нравится моя кухня, господин, но в таком случае вам следует предупреждать заранее о своем приходе, чтобы я могла готовить омлет собственноручно.

Незнакомец пораженно уставился на молодую хозяйку своими маленькими глазками. Потом он поспешно извинился и стал упрашивать ее раскрыть ему секрет приготовления. С этого посещения в таверну стали приходить благородные особы. Здесь побывали граф де Бруссен, маркиз де Вилляндри, а также множество буржуа, врачей, литераторов.

Анжелике не нравился квартал, где располагалась таверна: он был слишком тесен и оживлен. Кроме того, ее угнетало соседство мрачной

крепости Шателе. Она перебралась в квартал, который назывался Маре. Это было когда-то самое низкое место Парижа.

Барбе пришлось оставить службу у мэтра Буржуса, которая ей мало нравилась. Ее заветным желанием было заниматься только детьми. Теперь она целыми днями могла хлопотать над ними, а на ее место Анжелика пригласила двух девушек.

В доме у Анжелики появились два новых жильца: девочка Жавотта и собака Пату. Те самые, которые когда-то помогли выжить ее крошкам на ферме. Анжелика решила завести собаку, так как ночью в квартале Маре было беспокойно. Дома здесь стояли отдельно. Покровительство Жанина, разумеется, служило большой поддержкой, но впотьмах грабители могли не узнать бывшую маркизу ангелов.

\*\*\*

Следующим начинанием молодой женщины было то, что она заменила вывеску таверны «Ощипанный петух» на «Красную маску».

Теперь ей хотелось заказать художнику красивую роспись на двери таверны.

Однажды, возвращаясь с рынка, она остановилась перед вывеской оружейника. Это было изображение старого военного с белой бородой, блестящей пикой, который пьет вино из своего шлема.

— Да это же старый Гийом! — воскликнула она и устремилась в глубь лавки, хозяин которой сказал ей, что вывеску эту сделал художник по имени Гортран Сансе, который проживает в округе Сен-Марсель.

Анжелика с бьющимся сердцем побежала по указанному адресу. На третьем этаже скромного дома ей открыла дверь молодая женщина.

Покуривая трубку, ее брат Гортран сидел за мольбертом и рисовал ангела, моделью которого служила новорожденная девочка, играющая на голубом ковре. Гортран был рад видеть ее. Он стал еще сильнее похож на их отца и внешностью, и манерой слушать. Он рассказал ей, что женился недавно на дочери своего наставника.

— Но ведь это мезальянс! — укоризненно изрекла Анжелика, воспользовавшись тем, что девушка ушла на кухню.

— А ты сама? Если я правильно понял, ты подрабатываешь в таверне и прислуживаешь людям, которые ниже меня по положению, и можешь себе позволить свободно прибежать ко мне в гости. Но скажи, осмелилась бы ты прибежать точно так же к Раймонду, который

недавно сделался исповедником королевы-матери? Или к нашему мальшу Альберту, который служит пажем у маркиза де Рошана?

Анжелике пришлось признать справедливость его слов. Она спросила, не знает ли брат, что стало с Дени.

— Он стал военным на радость нашему отцу. Хотя бы один из Сансе опять служит королю! А Жан-Морис сейчас в коллеже. Раймонд хочет, чтобы он тоже стал священником.

— Ты видишься с ним?

— Да. Они не особенно бывают рады мне, но каждому нравится получить свой портрет, — с усмешкой заметил Гортран.

— Скажи... когда вы собираетесь, вы говорите обо мне?

— Никогда, — покачал головой художник. — Это запретная тема.. Говоря это, он взял ее погрубевшую от порезов и ожогов руку и поднес к щеке, как делал это в детстве.

— Вот что я предвижу, сестренка: скоро мы появимся с тобой во дворце, и король скажет: «Вы удивили меня своим мастерством, господин художник. А вы, мадам, самая прекрасная женщина в Версале».

И они оба рассмеялись его розовой выдумке...

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ.**  
**ДАМА ИЗ МАРЕ**

## Глава 1

Теперь Анжелика мечтала о том, чтобы открыть свое заведение, в котором впервые в истории Парижа будут подавать экзотический напиток, называемый какао или шоколадом. Давид показал ей листок с разрешением заниматься производством шоколада.

Давид сообщил ей, что его отец успел сделать шоколадоделательницу — машину для сухих зерен и что она сейчас находится в его отчем доме в Тулузе.

Отец сначала получал сырье из Испании, а потом прямо с Мартиники, откуда оно прибывало на кораблях торговца по имени Кост.

Знакомый аптекарь, у которого Анжелика изредка покупала настои и порошки, сообщил ей, что шоколад рекомендуют некоторые врачи как средство от колик.

Ей пришлось еще раз посетить Баркароля и расспросить более детально его невесту о получении бобов из-за моря. При той же встрече всезнающий карлик поведал ей, что некий господин Одиже, который недавно ездил в Италию изучать южную кухню, имеет намерение получить патент и тоже заняться шоколадным делом.

Этот человек по собственному желанию предстал перед Анжеликой через несколько дней у нее в таверне.

— Мое имя Одиже. Я в некотором роде военный, служу в доме графа де Суассон. Мне стало известно, что вы знаете производство какао, но у вас нет патента. Но патент есть у меня. Вот почему я хотел бы заблаговременно предупредить вас, чтобы вы оставили свою идею. В противном случае вы разоритесь.

— Тронута вашей заботой, господин Одиже, — ответила она. — Но, если вы так уверены в успехе, зачем вам понадобилось находить меня и ставить в известность о собственных намерениях? Кроме того, не свидетельство ли это вашей неуверенности в успехе?

Молодой человек с интересом взглянул на хозяйку, улыбка неожиданно тронула его губы и тонкие темные усы.

— У вас редкая внешность, сударыня!

— Итак, что вы еще скажете мне по поводу своего патента? — Анжелика тоже улыбнулась.

Ему было лет под тридцать. Как и все офицеры, прислуживающие в знатных домах, он носил шпагу и был тщательно одет.

Он сбросил пальто и шляпу на ближайший стол и рассказал Анжелике о своем путешествии в Италию, о том, как ему подвернулся случай быть отмеченным Его Величеством, за что ему был обещан патент, о котором он так давно мечтал.

— Почему же вы еще не развернули производство?

— Не спешите. Дело в том, что патент еще не готов. Но в государственной канцелярии его уже утвердили. Скоро на нем появится печать и подпись самого короля. Как видите, вам трудно будет тягаться со мной.

Анжелика пришла в трепет при мысли, что ее планам не суждено осуществиться. Она едва не рассказала молодому человеку, что у нее есть подобный патент, но решила еще раз проверить у прево, имеет ли он юридическую силу.

— Однако вы не слишком галантный кавалер, господин Одиже. Вы не уступаете даме в том, что для нее чрезвычайно дорого.

— Но этому легко помочь! — воскликнул офицер. — Выходите за меня замуж!

Анжелика засмеялась и предложила поужинать в «Красной маске».



## Глава 2

На следующее утро она взяла с собой Давида, и они пошли к прево, занимающемуся торговыми вопросами. Прево подтвердил им, что письмо имеет прежнюю силу при условии, если за производство шоколада будет уплачена пошлина.

— Но мы платим пошлину за возможность содержать таверну. Зачем нам платить за приготовление всего-навсего одного напитка, который не является алкогольным?

— Да, но производство сладкого напитка относится совсем к другой области, нежели жареные курицы. Кондитеры вправе потребовать с вас процент с прибыли. Чтобы уладить с ними дело...

— Ну хорошо, надеюсь, что это все?

— К сожалению, нет. Не говоря об особом королевском налоге, вам придется нанимать для контроля за качеством товара представителей других корпораций. Вступив же в какую-нибудь из них, вы будете обязаны предоставить право ее членам производить тот же продукт.

— Другими словами, я должна вложить массу денег и труда, чтобы почти все отдавать тем, кто не сделал ничего, чтобы помочь?

— За то, что вам дадут возможность заниматься своим делом и не будут мешать. Не забывайте, что наши корпорации почти всегда испытывают острый дефицит денег, — дружеским тоном сообщил прево. — Каждая война, победа или рождение королевского ребенка сопровождается разорительными сборами. Король бездумно раздает патенты и должности кому ни попади.

— Но этот человек собирался совершить переворот в кондитерском деле...

— Что бы он ни собирался делать, вы должны сначала подтвердить, что дело это прибыльное и имеет будущее.

Теперь она поняла, какое преимущество имел перед ней Одиже. Он был богат и мог заплатить любые взносы, которые с него потребуют власти, тогда как они с Давидом совершенно безоружны перед всемогуществом корпораций.

Анжелика стала искать возможность снова встретиться с Одиже. Она хотела предложить ему сотрудничество вместо конкуренции. Они могли бы построить производство шоколада на разделении труда. Она взяла бы на себя доставку зерен и другого сырья, измельчение их, а Одиже занимался бы варкой напитка и распространением его.

После первой встречи с ним Анжелика поняла, что молодой человек не дает себе отчета в сложностях. Он говорил, что это не представляет особых трудностей, что «впереди еще много времени для разработки деталей», что ему «будет легко достать какао через друзей».

Анжелика хорошо знала, как трудно было достать в Париже хотя бы мешок бобов какао. Поставка в Версаль требовала усилий нескольких посредников, представителей при испанском дворе...

\*\*\*

Одиже стал часто появляться в «Красной маске». Он усаживался за отдельный столик, избегая чьего-либо соседства. После их дружеского знакомства он сделался пасмурным и грустным. Анжелика не могла не признаться себе, что ее задевает его нынешнее невнимание к ее блюдам. Он ел почти машинально, не сводя с хозяйки таверны внимательных глаз, наблюдая, как она разносит блюда и держит себя с посетителями. Пристальный взгляд этого красивого, хорошо одетого молодого человека начал смущать Анжелику. Теперь ей неловко было заговаривать с ним об интересующем ее вопросе.

Во время воскресных прогулок всего семейства за городом вдалеке появлялся силуэт Одиже, ехавшего верхом на лошади. Он делал вид, что очень удивлен встречей, и приглашал их присоединиться к завтраку на траве. В его сумке у седла всегда находились съестные припасы: паштет из кролика, бутылка шампанского.

Лето было в разгаре. Папаша Буржус, Анжелика и все ее семейство вместе с подростками посещали часто небольшую церквушку и слушали воскресную мессу, затем плыли на лодке мимо Бономского монастыря к Булонскому лесу, где гуляли до обеда. На лодке можно было доплыть до Сен-Клода, откуда было совсем недалеко до Версаля, и многие горожане бежали смотреть на то, как король завтракает под открытым небом. Но Анжелика никогда не

присоединялась к этой ликующей толпе. Она ждала остальных на берегу реки, играя с Кантором и Флоримоном.

Давид и сын их соседа-тавернщика, который считался уже женихом Розины, сажали на плечи малышей. Перед воротами города толпились возвращающиеся парижане, среди них было много пьяных.

На утро после одной из таких прогулок на пороге таверны появился взволнованный Одиже, он решительно сказал Анжелике:

— Чем дальше я наблюдаю за вами, тем сильнее меня охватывает недоумение. В вас есть что-то, что меня беспокоит...

— Вы имеете в виду что-то связанное с шоколадом?

— Нет... Сначала я думал, что вы созданы для того, чтобы любить и быть любимой, но потом я заметил, что в вас достаточно здравого смысла. Вы никогда не теряете голову.

— Знаете ли, все надо делать по порядку. Сначала — любить и быть любимой, потом — трудиться изо всех сил и добиваться намеченной цели. Поэтому для меня сейчас самым важным, не скрываю этого, остается стремление заработать много денег, чтобы обеспечить своих детей, которые потеряли отца.

— Не хочу показаться вам нескромным, но раз вы сами заговорили о детях, то позвольте заметить, что, занимаясь серьезно коммерцией, у вас не будет свободного времени, которое вы должны посвятить малышам. Вы не сможете обеспечить им нормального воспитания.

— У меня нет выбора, — серьезным голосом ответила Анжелика.

— Пока меня устраивает все, что меня окружает: и мэтр Буржус, давший мне опору в трудную минуту, и его таверна.

— А что если... у вас был бы выбор?

— Что вы хотите сказать?

В его черных глазах она прочла нескрываемое обожание. Момент показался ей благоприятным для возобновления переговоров о патенте.

— Кстати, как поживает ваше начинание с какао? Одиже снова вздохнул.

— Мы интересуемся одним и тем же. Скажу вам откровенно, что мой патент все еще не покинул стен канцелярии. Он будет лежать там до октября, пока господин Сегне не вернется в Париж. Но с октября я

возьмусь за дело, мне обещал помочь граф де Гиш. Так что у вас очень мало шансов стать очаровательной шоколадницей.

— Хорошо... Послушайте.

Теперь она без обиняков рассказала ему, что имеет патент, который он никак не может получить, и легко может оставить его позади. Но не лучше ли объединиться, вместо того чтобы враждовать?

— Где вы собираетесь разместить свое заведение? — спросила она затем.

— В квартале Сен-Оноре, возле перекрестка Трауа, — ответил Одиже. — Но, мне кажется, ваши планы весьма шатки.

— Они нисколько не шатки, господин Одиже, и вы это чувствуете. Квартал Сен-Оноре, на самом деле, подходящее место. Совсем рядом от Лувра и Пале-Рояля. Заведение не должно напоминать ни харчевню, ни таверну. Я вижу пол, выложенный белыми и черными плитками, зеркала, позолота, рядом прекрасный садик для влюбленных.

Молодой человек немного повеселел от ее последнего описания. Но все же он был настроен скептически и продолжал возражать:

— Вы по-настоящему очаровательны, мое дитя. Мне нравится ваш оптимизм и настойчивость. Кроме того, вы скромны... Я наблюдал за вами; вы легки в обращении с людьми, и при этом ваши нравы честны и добропорядочны. Но что вам также свойственно, поверьте мне, так это излишняя самоуверенность и нехорошая манера держать себя на равных с опытными мужчинами. Слабость женского характера не ведет к добру там, где дело касается острых моментов. Женщина должна предоставить мужчине право заниматься делами.

— Вы считаете, что мне не по силам самостоятельно развернуть свое дело. А как вы думаете, здесь, в «Красной маске», моя роль сводится только к раздаче кушаний и приему оплаты?

— Как бы то ни было, вам нужен покровитель.

— Послушайте, господин Одиже. Знаете, кто вы на самом деле? Вам так не нравится присутствие еще кого-либо в вашем деле, что вы начинаете болтовню о слабом характере и о чем-то там еще. В действительности же в нашем положении сейчас тот план, что я предлагаю, наилучший.

— У меня есть сотни других планов.

Анжелика не стала больше настаивать на своем. Она забрала у него пустую тарелку, вытерла со стола и спросила, не нужно ли

принести чего-то еще. Но Одиже не дал ей сделать и двух шагов.

— Пойдите же, Анжелика, не будьте так жестоки, — взмолился он. — Давайте обсудим еще раз. Я приглашаю вас на прогулку в воскресенье. Давайте отправимся на мельницу Жавель, там можно хорошо пообедать. А потом пойдем обратно в Париж. Договорились?

Он положил руку на талию Анжелики. Она подняла глаза и взглянула на его свежее лицо, на четко очерченные усами губы, которые, должно быть, так нежно могут скользить по коже... Нерешительным голосом она согласилась поехать на мельницу Жавель.

\*\*\*

Анжелика была взволнована предстоящей прогулкой сильнее, чем она этого ожидала. Она несколько раз ловила себя на том, что с волнением вспоминает губы Одиже и прикосновение его руки. Уже давно она не испытывала ничего подобного. Она с удивлением вспомнила, что вот уже почти два года, как ни один мужчина не касался ее. Она не брала в расчет пьяные поцелуи и приставания в таверне, на которые ей приходилось отвечать пощечинами. Несколько раз ее пытались взять силой во дворе «Красной маски», и ей приходилось отбиваться и звать на помощь.

Не хочет ли она завлечь Одиже в свои сети, чтобы склонить его к сотрудничеству, спрашивала она себя и каждый раз находила это. Она подолгу не выпускала зеркала из рук. По-прежнему ли она красива? Все утверждали, что это так. Но, может быть, жар плиты сделал кожу ее лица смуглее?

Руки ее погрубели и потемнели. Поэтому Анжелика отправилась на мост Неф, чтобы купить мазь для смягчения кожи.

Много хлопот доставили ей волосы. Отрастая, они стали более вьющимися и посветлели, но не хотели достигать прежней длины. С сожалением вспоминала она былую охапку золотых волос. Утром назначенного дня она красиво повязала их голубым сатиновым платком.

Анжелика поджидала Одиже у дверей таверны. День обещал быть солнечным, на небе не было ни одного облачка. Когда появилась его карета, она побежала к ней с нетерпением.

Молодой офицер был ослепительно наряден. Особенно пленило Анжелику тончайшее кружево манжет и воротничка.

— Ирландская выделка, — сообщил Одиже, — это кружево недешево обошлось мне.

Несколько снисходительно он осмотрел скромное одеяние Анжелики и заметил:

— Придет время, и у вас будет более достойный наряд, моя дорогая. Мне кажется, что вы вполне сможете носить изысканную одежду.

Мельница Жавель была общеизвестным местом, куда приезжали влюбленные парочки, чтобы провести приятно время подальше от любопытных глаз. Сама мельница с ее гостеприимным постоянным двором затерялась среди полей с многочисленными стадами барашков.

В зале посетителей пахло мукой, горячим хлебом и рыбным супом. Анжелика с наслаждением вдыхала запахи и смотрела в окошко на лазурное небо, по которому плыли облака. Время от времени она переводила взгляд на губы Одиже и чувствовала легкий озноб.

Кроме них в полутемном зале обедало еще несколько парочек. По мере того как опустошались стаканы с белым вином, их поведение становилось раскрепощеннее. Слышался веселый женский смех. Анжелика тоже выпила вина. Щеки ее горели. Одиже принялся рассказывать о своих путешествиях и планах. Он не упускал никаких подробностей, точно указывая даты и названия.

— Как вы могли уже заметить, дорогая, мое начинание покоится на твердой основе. Мои планы...

— О, давайте выйдем отсюда, — взмолилась Анжелика, которая уже изнемогала от скуки.

Ослепительное солнце заставило Анжелику сощуриться. Чтобы как-то уберечь ее от палящих лучей, Одиже надел ей на голову свою широкополую шляпу с белыми и желтыми перьями. Как в первый день их знакомства, он воскликнул:

— О Боже! До чего вы красивы!

Но уже через несколько минут, когда они шли по тропинке, ведущей к Сене, он продолжал свой изнурительный рассказ. Он сообщил ей, что, когда его шоколадное заведение наберет силу, он начнет писать книгу о службе в знатном доме, из которой пажи, лакеи и кухарки смогут почерпнуть все необходимые сведения о ведении хозяйства и прислуживании господам.

— Очень важно знать, — пояснил он, — что белоснежное полотенце должно непременно покоиться на вашем плече.

— Ну, а в тот момент, когда вы занимаетесь любовью, куда вы деваете ваше полотенце?

Но, заметив ошарашенно расширенные глаза молодого человека, Анжелика поспешила извиниться.

— Простите, всему виной выпитое вино. Но странно, что вы буквально на коленях умоляли меня отправиться с вами на мельницу Жавель только для того, чтобы рассказать мне о белом полотенце.

— Не насмехайтесь надо мной, Анжелика. Я рассказываю вам о своих планах, о своем будущем. Вы помните, я сказал: «Выходите за меня замуж»? С тех пор я много размышлял и пришел к выводу, что вы та женщина, которая...

— О! — вскричала она. — Я вижу стог сена. Пойдемте туда. Там есть тень. Она побежала к стогу, срывая на ходу его шляпу, и с разбегу бросилась на мягкое сено. Одиже, смеясь, подошел и сел рядом.

Сейчас, когда он находился так близко от нее, почти склонившись над ней, Анжелика вновь ощутила волнующий трепет. Кожа его была так свежа, губы такие красивые, руки такие белые! Как хорошо, если бы он стал ее близким другом. Он стал бы поддержкой ей и ее детям.

— Послушайте, — прошептала она. — Слышите, с мельницы доносится музыка. Там не говорят о серьезных вещах, это запрещено... Посмотрите, какое синее небо над нами. А вы такой красивый, а я...

Она не осмелилась продолжить фразу, но ее пылающие щеки, нежный взгляд, полуоткрытые губы, часто поднимающаяся грудь были красноречивее слов. Он сделал было движение к ней, но тотчас спохватился и поднялся на ноги, повернувшись к ней спиной.

— Нет, — сказал он наконец отчетливым голосом. — Только не вы! Мне, конечно, приходилось сталкиваться с подобной ситуацией в случаях со служанками или крестьянскими девушками, но с вами — нет! Вы моя избранница. Вы будете моей в вечер нашей свадьбы, после того как священник закрепит наш союз. Я слишком уважительно отношусь к своей будущей супруге и матери моих детей. И мне не хотелось бы думать, что то, что вы мне предложили, вам было бы легко предложить другому. Я считал вас безупречно честной вдовой.

Анжелика, понуриив голову, грызла травинку. Не поднимая ресниц, она наблюдала за молодым человеком, стараясь представить себя

супругой этого добропорядочного буржуа.

— Я говорил о вас с Буржусом, — снова заговорил Одиже. — Он считает, что, при вашей образцовой жизни, при всей вашей добропорядочности, вам не хватает набожности.

— Что же вы хотите? Нельзя же быть одновременно верующей и здравомыслящей.

— Что вы говорите, мое бедное дитя? На вас дурно повлияли еретики? Католическая церковь...

— О! — воскликнула Анжелика. — Не говорите мне о религии. Люди порочат все, к чему прикасаются. Из самого святого, что Бог дал им, то есть из религии, они сделали средство для наживы и достижения власти... Тогда как для женщины, которая хочет, чтобы ее поцеловали летним днем, Бог наверняка нашел бы оправдание...

— Вы потеряли голову, Анжелика! — повторил молодой человек. — Вам нужен не только покровитель, но и мужчина, который осаживал бы вас время от времени. В доме Буржуса и его племянника, который вас обожает, вы чувствуете себя безнаказанно. Они избаловали вас...

— Тем хуже для вас, — отозвалась Анжелика.

Через пять минут она уже спала, а открыла глаза, когда солнце уже спускалось за горизонт. Рядом никого не было.

«Из-за этого идиота Одиже я могла получить солнечный удар», — подумала она, потягиваясь и растирая руки.

На мельнице она нашла ожидающего ее пробуждения Одиже и попросила отвезти ее обратно в город.



## Глава 3

Однажды, выйдя на мост Неф, чтобы купить цветов для таверны, Анжелика решила подойти к эстраде Великого Матье.

Вокруг собралось много зрителей. Великий Матье, вооружившись клещами, собирался вырвать зуб паписту, стоящему на коленях перед ним. Пациент стоял спиной к Анжелике, но она без труда узнала его светлые, точно солома, волосы и ободранное пальто. Это был тот самый «ветер», встретившийся ей в лодке с сеном.

Дело было осенью, погода стояла прохладная, на лбу у врача выступил пот.

— Ох как засел! — воскликнул он, пытаясь выдернуть зуб у молодого человека. — Боже, какой он упрямый!

Справившись наконец с зубом, Матье вытащил изо рта у пациента клещи и громко спросил его:

— Тебе больно?

Бедняга повернулся к публике и, улыбаясь, отрицательно помотал головой. Сомнений у Анжелики больше не осталось: это был он.

— Теперь вы убедились, дамы и господа, что у меня в руках настоящее сокровище? Вы видели, что этот человек не почувствовал боли, после того как я дал ему выпить специальную жидкость, избавляющую от страданий. Помните все: мои пациенты не чувствуют боли. Подходите, господа. Кто хочет испытать на себе мое средство?

Анжелика следовала за молодым человеком, который брел прочь от эстрады. Она не решилась остановить его, боясь, что он ее не узнает. У самой набережной он вдруг сел на ступеньки и весь скрючился, схватился руками за свою челюсть.

— Что с вами, вы больны? — спросила Анжелика, опускаясь на ступеньки рядом с ним.

— О, я умираю! — простонал тот. — Этот дьявол чуть не оторвал мне голову!

— Но вы только что сказали, что не чувствуете боли!

— Я не говорил этого, потому что я не был на это способен в тот момент. Если бы он еще и не заплатил за этот спектакль!..

— Как вы могли согласиться на такое! — вздохнула она.

— Я ничего не ел вот уже три дня.

— Пойдемте, — велела Анжелика. — Вас накормят сегодня вечером, и это не будет вам ничего стоить: ни сольдо, ни зуба...

Приведя его к себе в таверну, она сбегала на кухню и принесла несчастному кое-какой еды, на которую он с жадностью накинулся.

Не прошло и несколько минут, как оживший молодой человек подбежал к ней.

— Скажи, красавица, не та ли ты очаровательная нищенка, которая понимает по-латыни?

— Это я... Но и не я в то же время... — ответила Анжелика, которая не знала, хорошо или плохо, что он узнал ее. — Теперь я племянница мэтра Буржуса, хозяина этой таверны.

Они отошли в закуток, где их не могли видеть из зала. Незнакомец притянул ее к себе за талию и поцеловал.

— Ну вот, господин, по-моему, у вас прошла зубная боль! — сказала Анжелика, переводя дыхание.

— Я так давно искал тебя по всему Парижу, маркиза ангелов.

— Тише! — она испуганно обернулась в зал.

— Не бойся. Здесь нет ищеек, я, по крайней мере, их не заметил, а я-то знаю их всех в лицо... И вот я тебя снова нашел!..

— Я тороплюсь, — оборвала Анжелика и оттолкнула его руку.

— Две секунды счастья стоят двух лет жизни. Кроме того, я все еще голоден.

— Вам принести еще чего-нибудь?

— Нет, у меня другой голод. У тебя такая нежная кожа, что я хочу укусьть ее. Твои губы, по вкусу напоминающие вишни...

— Вы невыносимы! Ваши лирические замечания вызывают у меня головокружение.

Подняв ее голову ладонями, он принялся горячо целовать ее. Удар кулака по столу заставил их опомниться.

— Святой Жак! — завопил мэтр Буржус. — Проклятый писака, порождение сатаны! В моем доме совращает мою девочку! Вон отсюда, мерзавец! Или я выставлю тебя пинком под зад.

— Сжальтесь, сударь, над моим задом. Он такой острый, что ваша нога может повредиться.

— Пошел отсюда, гусиное перо! Ты обесчестишь мое заведение своим убогим видом, особенно этой шляпой ярмарочного шута.

Паренек выскочил в дверь и скрылся. Анжелика проговорила немного извиняющимся тоном:

— Этот тип ворвался сюда, и я никак не могла его выставить.

— Ну да! — проворчал хозяин. — Что-то у тебя был при этом слишком веселый вид. Да я не против этого, малышка. Тебе тоже полезно развлечься, но не с этим ублюдком.

\*\*\*

У нынешней фаворитки короля, мадемуазель де ля Валльер, был крупный рот. Она немного хромала. Говорили, что это незаметно, что танцует она не хуже других, но хромота была налицо.

У нее, впридачу, не было груди. Кожа ее была сухой. Глаза ее выплакали много слез, вызванных неверностью короля, злорадством двора, угрызениями совести, что не придало им очарования...

После второй беременности у нее развился страх перед обществом, и она уже не покидала своих комнат. Поэтому только один король знал об усиливающихся недостатках ее внешности. Но о них каким-то образом проведал поэт Вонючка.

Листки со стихами каким-то чудом наводнили весь Париж, включая Лувр. Когда один листок попал к королеве, она впервые за несколько лет засмеялась.

Бледная от стыда, мадемуазель де ля Валльер бросилась в первую попавшуюся карету и приказала отвезти ее в монастырь Шайо, где она собиралась уйти в монахини. Король приказал ей вернуться.

Лучшие силы полиции были брошены на поимку наглого поэта.

\*\*\*

Анжелика только что закончила свой вечерний туалет и собиралась ложиться, как снаружи послышались чьи-то торопливые шаги. Шаги немного приглушал тонкий слой снега.

В дверь несколько раз ударили.

— Открой мне, маленькая нищенка, открой быстрее. Там собака!

Не раздумывая, Анжелика отодвинула засов. На пороге стоял ее светловолосый знакомый. В тот же миг из темноты выскочила огромная белая масса и накинулась на него.

— Сорбонна! — крикнула Анжелика. — Оставь его, Сорбонна.

Она крикнула по-немецки, вспомнив, что Дегре разговаривал с ней на этом языке.

Человек не мог отдышаться.

— Я погиб...

Она протолкнула его в дом, а сама осталась на крыльце, закрыв за собой дверь. Она твердо держала собаку за ошейник. Через минуту послышался осторожный скрип снега. Шаги, которые неминуемо раздавались после появления собаки. Это были шаги Франсуа Дегре.

— Не потеряли ли вы свою собаку, дорогой Дегре? Полицейский спокойным шагом подошел к ней.

— Нет. Я потерял памфлетиста.

— Представьте себе, Сорбонна подошла ко мне, когда я ее позвала, и разрешила взять ее за поводок.

— Вы очаровали ее, мадам! Любите дышать ночным воздухом перед сном?

— Я закрывала дверь... Вы не удивились, что встретили меня у этого дома?

— Я знал, что вы здесь живете. Как и то, что вы служите в «Красной маске», а здесь живете с Кантором и Флоримоном.

— От вас ничего не утаишь! Но почему же вы до сих пор не зашли ко мне, если знали, где я живу?

— Я не был уверен, что мой визит доставит вам удовольствие, мадам. Ведь мы расстались с вами в последний раз не как друзья...

У Анжелики перехватило дыхание. Она вспомнила ночь облавы в Сен-Жермен.

— ...Что вы хотите сказать?

— В ту ночь, как и сегодня, падал снег.

— Но мы расстались тогда и не врагами. Мы были побеждены в ту ночь, но это не одно и то же, мэтр Дегре.

— Не называйте меня мэтром. Я продал должность адвоката и переменял ее на должность капитана полиции. И теперь брожу по Парижу и выискиваю всякую мразь. Например, сегодня я взял след памфлетиста по имени Клод-мальш. Его еще называют поэт Вонючка.

— Извините меня, Дегре, но мне пора спать.

— Спите спокойно, мадам.

Полицейский поднял воротник пальто и позвал за собой Сорбонну. Отойдя немного, он остановился.

— Совсем забыл, — сказал он. — Это тот самый поэт, который сочинил злой памфлет во время процесса над вашим мужем.

— Нет, нет! Замолчите, — крикнула Анжелика, поднося ладони к ушам. — Я не хочу ничего вспоминать. Я ничего не помню...

— Прошлого больше не существует для вас, мадам?

— Прошрое умерло.

— Это самое лучшее, что вам осталось сделать.

Стуча зубами, Анжелика задвинула засов. Тощий поэт сидел возле очага, обхватив руками колени. Молодая женщина оперлась спиной о дверь. Она спросила упавшим голосом:

— Это вы поэт Вонючка?

— Вонючка — это точно. Поэт? Пожалуй.

— Значит, это вы написали памфлет на... на госпожу де ля Валльер? Вы не можете оставить людей в покое? Какое вам дело до чужих отношений? Поведение короля оставляет желать лучшего, конечно. Но это молодой человек, как и вы, которого почти силой женили на некрасивой и неумной принцессе.

— Больно рьяно ты его защищаешь!

— Но я питаю уважительные чувства к своему королю.

— Никто из людей не заслуживает уважения, даже сам король.

— Вы казались мне добрым и веселым...

— Я добр с маленькими нищенками, которые плачут в лодках с сеном, но я зол к принцессам.

— Теперь уходите, — Анжелика указала ему рукой на дверь. — Он уже ушел.

— Нет, он ждет меня за углом. Ведь ты была в бандитской группе Каломбредена. Итак, ты меня прогоняешь?

— Да, прогоняю.

— Но я не причинил тебе зла.

— Причинили. Знаете ли вы, кем я была до встречи с Каломбреденом?

— Нет, не знаю, — поэт сделал недоуменную гримасу, — но, мне кажется, что этот дьявол-полицейский что-то знает о тебе.

— Я вижу, вы оба любите копать в чужих судьбах.

— Да, мы с ним чем-то похожи. Но между нами есть большая разница. Я не могу его убить, а он меня — запросто! Если бы ты не впустила меня, то я был бы уже в Шателе, а завтра болтался бы на веревке.

— А почему вы сами не можете убить его?

— Я не умею убивать. Меня пугает кровь.

Она засмеялась, глядя на его по-детски испуганное лицо.

— Когда ты смеешься, ты похожа на голубенка, — он обнял ее шею и наклонился к лицу. В его губах она увидела прореху, оставленную клещами Великого Матье, и ей стало искренне жаль этого незащитного человека.

— Ну вот, — пробормотал он, — ты перестала меня бояться. Как мне хорошо в твоём доме! Тебе холодно...

Он обнял ее за плечи и подтолкнул поближе к очагу.

\*\*\*

Он приходил по вечерам, стуча в дверь условным сигналом.

Рядом с этим болтливым, подвижным и влюбленным в нее молодым человеком она забывала о тяжелом труде в таверне, о своих прошлых невзгодах. Он рассказывал ей обо всех скандальных случаях в городе, героев которых она лично знала. Он не мог долго сидеть на одном месте. Никакая сила не могла удержать его утром в доме. Проснувшись, он вскакивал с кровати и торопливо одевался, чтобы вырваться на многолюдные улочки Парижа.

## Глава 4

Он был, в общем-то, прав, что чуть свет удирал из дома. Очень часто Анжелика, запирающая за собой дверь, чтобы отправиться в таверну, замечала неподалеку безмолвную тень.

— Вы ходите в гости исключительно ранним утром, господин полицейский?

— Я иду не в гости, я ищу памфлетиста.

— Но он не появляется здесь.

— Кто знает? — отвечал Дегре.

Он провожал ее до самой «Красной маски». Анжелика не испытывала стыда оттого, что Дегре знал о ее новой профессии. Этот человек слишком хорошо знал об обстоятельствах ее падения, чтобы не понимать необходимости зарабатывать на жизнь своими руками.

Сам Дегре тоже изменился за последние годы. Он стал менее разговорчив, его веселость переродилась в иронию. За его редкими, незначительными, казалось бы, словами таилась скрытая угроза. Но Анжелика была уверена, что Дегре никогда не причинит ей зла.

Он жил теперь в достатке, о чем можно было судить по новой одежде и парик, который он надевал все чаще и чаще. Возле таверны полицейский кланялся ей и шел дальше своей дорогой.

...Время от времени в «Красной маске» появлялся Одиже и предлагал ей в очередной раз выйти за него замуж.

— Как поживает ваш патент? — весело спрашивала Анжелика.

— Еще несколько дней, и все будет улажено. Наконец она ответила ему:

— Вы никогда не получите его!

— Почему же?

— Потому что вы взяли в напарники де Гита, а он не в ладах с канцелярией. Канцлер пользуется случаем насолить ему, — эти подробности она знала от Клода-мальша.

Но Одиже все еще надеялся на скорое получение разрешения. Доказательством этого служило строительство гостиного зала с зеркалами и позолотой на улице Сен-Оноре.

Посетив его однажды, Анжелика увидела, что слова офицера не расходятся с делом.

— Я думаю, что роскошь привлечет публику, — объяснил Одиже, совсем забывая, кому был обязан этой идеей. — Когда выбрасываешь на рынок новый продукт, нужна и совершенно новая атмосфера.

— Но где же сам продукт? Где вы будете брать зерна какао?

— Это сущий пустяк. Когда у меня будет патент, этот вопрос решится сам собой.



## Глава 5

В этот вечер Анжелика находилась у себя дома. Она недавно пришла из «Красной маски», где оставила за старшего Давида. Перед ее уходом в зал вошла группа молодых людей, лица которых, как это часто случалось, были скрыты черными масками. Некоторые придворные предпочитали оставаться неизвестными, когда они отправлялись отдохнуть от службы в увеселительные заведения.

В комнату к Анжелике зашла Жавотта, чтобы помочь ей раздеться и причесать волосы.

— Ты ничего не слышишь? Там, у входа? — спросила Анжелика.

— Кажется, кто-то скребется. Наверное, это мышь грызет дверной косяк.

Звук становился отчетливее. Анжелика вышла в прихожую и убедилась, что кто-то несильно дергает ручку с улицы. Она открыла маленькое окошечко на двери и тотчас отпрянула, так как в него просунулась черная мохнатая лапа.

— Пикколо!

Она впустила обезьянку. Та вспрыгнула ей на руки. Никогда еще обезьянка не прибегала домой одна. Цепочка на ее ошейнике была оторвана.

— Она, должно быть, упала в вино: ее шерсть вся слиплась!

— Это не вино, это кровь! — Анжелика посадила обезьянку на стол.

Они осторожно сняли с животного пропитанные кровью штанишки и курточку. Однако никаких повреждений на коже они не обнаружили. Обезьянка обеспокоенно взмахивала лапками и гримасничала.

— Что случилось? — тихо спросила Анжелика. — Что-то произошло в таверне? Принеси мою одежду, Жавотта, я должна идти туда.

— Я с вами, мадам!

— Как хочешь. Будешь держать лампу. Но сначала скажи Барбе, чтобы она вымыла Пикколо и согрела ее.

На набережной Таннер, совсем близко от таверны, навстречу им выскочил Флипо и чуть не сшиб Анжелику с ног. Она схватила его за плечи и встряхнула, чтобы привести в чувство.

— Я бежал за тобой, маркиза ангелов, — прохрипел подросток. — Они... Они убили Лино!

— Кто — они?

— Те... Те мужчины в масках.

— За что? Что произошло?

— Лино был в это время на улице со своей корзиной с пирожными. Он кричал: «Вафли! Вафли! Кто забыл купить вафли?» Один из тех мужчин с кружевным воротником сказал: «Какой красивый голос! Мне захотелось пирожных. Позовите-ка мальчика сюда». Лино подошел к ним. Тогда этот человек сказал: «Господа, этот паренек еще соблазнительнее, чем его голос!» Он схватил Лино, посадил его на колени и стал целовать. Другие собрались вокруг и тоже собрались целовать его. Лино бросил свою корзинку и начал кричать, потом стал отбиваться ногами. Тогда один из них вытащил шпагу и всадил ее в Лино. Другой тоже проткнул его. Лино упал, и из его живота вывалились кишки.

— А мэтр Буржус не останавливал их?

— Останавливал, но они кастрировали его.

— Что? Что ты говоришь? Кого?

— Мэтра Буржуса.

— Ты сошел с ума.

— Нет, это они сошли с ума. Он бросился к ним и пытался остановить, но они стали бить его; потом один из них схватил большой нож, они все набросились на него и... Может быть, он уже умер. Давид тоже хотел остановить их, но его ударили шпагой по голове. Когда мы поняли, чем оборачивается» дело, мы бросились бежать через кухню, поэтому никто больше не пострадал.

Улица Валле-де-Мизер как обычно была оживлена. Но ближе к таверне народу было особенно много. Там собралась толпа, в которой в большом числе мелькали белые колпаки поваров. Это были хозяева соседних закуточных, вооруженные шпагами.

— Мы не знаем, что делать! — крикнул один из них, увидев Анжелику. — Эти демоны заперлись изнутри скамейками. У одного из них есть пистолет?.

— Надо позвать городскую охрану.

— Давил уже бегал за ней, ко...

— Их слуги побежали наперерез охране и предупредили, что их хозяева — господа из окружения короля и что страже незачем вступать в эту историю, иначе у всех будут неприятности.

Окна в зале были заставлены столами, поэтому через них ничего нельзя было разглядеть, но оттуда отчетливо доносились пьяные голоса, звон разбиваемых стаканов и посуды, а изредка выстрелы. Анжелика заметила Давида, он бил бледен, голова его была повязана окровавленной тряпкой.

— Пойдем, — сказала Анжелика, беря его за руку. — Надо посмотреть, что там делается. Пройдем через двор.

— Безумная! Они снимут с тебя шкуру! Это не люди!..

— Может быть, еще можно спасти Лино или мэтра Буржуса.

— Мы войдем туда, когда их свалит вино.

— И когда они все перебьют и подожгут дом! — крикнула она и побежала во двор, увлекая за собой Давида. Через запасную дверь они проникли на кухню. Дверь, ведущая в зал, была заперта Давидом, когда он спасался бегством. Они поставили стол и взобрались на него, чтобы заглянуть в зал через окошко над дверью.

Пол был завален разбитой посудой, скатертями, битыми бутылками. Почти все погромщики собрались у очага и продолжали хохотать адским смехом. Было что-то ужасное в этих людях, одетых в черные маски и роскошные камзолы, перепачканные соусом и вином.

Анжелика пыталась разглядеть тела Лино и Буржуса, но большинство подсвечников было перевернуто, и в зале стоял полумрак.

— Кто из них первый напал на Лино? — спросила она тихо.

— Вон тот низенький человек в розовой рубашке.

В этот момент тот, на кого показал Давид, поднял свой стакан над головой и прокричал:

— Я пью за здоровье Астреи и Асмодея, принцев дружбы!

— Я знаю этот голос! — Анжелика отпрянула назад.

Это был он, ее заклятый враг. Он будто был избран злыми силами, чтобы творить несчастья в ее судьбе.

— А вон тот высокий, позади всех, тоже колот Лино шпагой. Этого человека она тоже легко узнала, даже в маске. Итак, убивали

двое: брат короля и шевалье де Лоррен! Она была уверена, что узнает и остальных присутствующих.

Тем временем один из них стал ломать стулья и швырять их в камин. Другой бросил туда бутылку с коньяком, чтобы лучше разгоралось. Пламя вспыхнуло с такой силой, что выскочило из камина и задело полотно, висящее над ним.

Анжелика спрыгнула на пол.

— Они сожгут весь дом! Надо остановить их.

Она достала из кармана маску красного цвета, так как не желала быть узнанной. Откинула засов и вошла в зал.

— О! Красная маска! — ошеломленным голосом воскликнул ближайший к Анжелике мерзавец.

— Господа, — не дав им опомниться, начала Анжелика, — вы потеряли рассудок. Подумайте, что скажет король, когда узнает о ваших бесчинствах.

Ее слова сопровождало молчание. Только магическое слово «король» могло привести в трезвое состояние молодых гуляк.

Анжелика подошла к камину и хотела вытащить из него нагроможденные табуретки, чтобы унять огонь, но в этот момент она заметила под одним из столов неподвижные тела, возле которых смешались с вином кровавые лужи.

Ужас этой картины на несколько мгновений парализовал ее. Этого было достаточно, чтобы бандиты опомнились.

— Вот чего нам не доставало!

Чья-то рука схватила ее за волосы, в следующий момент она получила сильный удар в висок и потеряла сознание.

Она очнулась, когда была уже на столе и несколько рук держали ее и пытались стащить с нее юбки.

— Кто будет первым? Кому она больше всех понравилась?

Она закричала, как кричат в кошмарном сне. Чье-то тело склонилось над ней чьи-то губы пытались поймать ее губы.

Внезапно зал окутала страшная тишина. Ее палачи словно оцепенели. Наклонившийся над ней человек куда-то исчез. Анжелика вскочила со стола и увидела, что он лежит на полу, а его горло сжимают челюсти мохнатой собаки. Это была Сорбонна.

Один из распутников произнес, переводя дыхание:

— Уберите свою собаку. У кого пистолет?

— Не двигаться! — крикнула Анжелика. — Если кто-нибудь хоть пошевелится, я прикажу собаке прикончить брата короля!

Ноги ее дрожали, но голос звучал твердо.

— Не шевелиться, — повторила она.

Сорбонна держала жертву так, как научил ее Дегре: зубы лишь касались горла, но готовы были сжаться по приказу.

Анжелика подняла с пола нож и подошла к ближайшему человеку. Тот дернулся было, но она жестом остановила его.

— Я не собираюсь убивать. Мне надо взглянуть на ваше лицо.

Она срезала с незнакомца маску и обнаружила, что это действительно шевадье де Лоррен. Теперь она знала их имена. Здесь были де Бриенн, маркиз д'Олон, де Гиш, его брат де Лувени, де Лозун, де Сен-Тьерри, де Фронтенак, де Вард.

Троих из молодых людей Анжелика не знала, хотя у нее было ощущение, что одного из них она смутно помнила.

Это был высокий молодой человек, менее других пьяный, который стоял в сторонке и сам снял маску, когда она приблизилась к нему. Его светло-голубые глаза холодно и насмешливо глянули на нее, заставив поежиться.

Она вернулась к собаке и взяла ее за ошейник. Она надеялась, что вот-вот в зале появится Дегре, но она оставалась одна среди этих мрачных людей.

— А теперь уходите, — спокойным голосом велела она. — Вы совершили много зла, господа.

Придерживая руками свои маски, молодые люди вышли во двор, где они должны были еще раз обнажить шпаги, чтобы отбиться от разъяренной толпы. Сорбонна поскуливала, нюхая кровь на полу. Анжелика подняла легкое тело Лино и пошла к выходу. В это время с улицы раздались крики:

— Пожар! В доме пожар!

Огонь добрался до второго этажа и разошелся там вовсю.

На улице было светло, как днем. Языки пламени вырывались из окон. Дождь искр сыпался на крыши соседних домов. Люди выстроились в длинную цепочку до Сены и стали передавать друг другу ведра с водой, но тушить огонь на верхних этажах они уже не могли. Анжелика хотела вернуться в зал за телом мэтра Буржуса, но

потолок готов был вот-вот обрушиться, и она, с опаленными волосами, выскочила обратно на улицу.

Прибыли монахи-капуцины, в обязанность которых входило тушение пожаров в городе. Они привезли с собой помпу, но дом так сильно полыхал, что потушить пламя было невозможно. Монахи забрались на крыши соседних домов и стали тушить огонь от искр.

...Груда обгоревших головешек, черепицы и стекол лежала теперь на том месте, где еще вечером находилась преуспевающая таверна «Красная маска». Анжелика смотрела на руины своих светлых надежд. Возле нее по-прежнему крутилась Сорбонна.

«Где же Дегре? Я хочу видеть Дегре, — думала Анжелика. — Он подскажет мне, что делать».

Она взяла собаку за ошейник.

— Веди меня к своему хозяину.

Идти пришлось недолго. В тени соседнего подъезда зашевелилась тень, и она узнала пальто и шляпу сыщика. Он покуривал трубку.

— Здравствуйте, — сказал он своим обычным бесстрастным голосом. — Ужасная ночь, не правда ли?

— Вы были так рядом и не пришли на помощь? — вскричала поряженная Анжелика.

— Вам требовалась моя помощь?

— А вы не слышали, как я кричала?

— Я не знал, что это вы кричали.

— Какая разница! Женщина звала на помощь.

— Я не могу позволить себе бежать на помощь к каждой женщине, которая кричит, — с улыбкой сказал Дегре. — Но можете не сомневаться, мадам, если бы я знал, что это были вы, я бросился бы к вам.

— Меня бросили на стол и хотели изнасиловать.

— Всего-то? Они могли пойти на большее.

— Это правда. Как хорошо, что Сорбонна подоспела вовремя!

— Я очень доверяю этой собаке, мадам.

— Это вы ее послали?

— Вероятно...

Молодая женщина издала облегченный вздох и благодарно прижалась лбом к плечу молодого человека.

— Поймите, — начал говорить Дегре своим спокойным, обнадеживающим голосом, — я принадлежу к государственной полиции. Другими словами, я полицейский короля. И не в моих обязанностях мешать развлекаться его ближайшим соратникам. Разве вы не знаете, что это за общество? Ведь вы сами к нему принадлежите. Вспомните, что нынче в моде, что считается хорошим тоном: дебоши, распутство, пьянство, оргии. Вы ошибаетесь, моя милая, если считаете этих людей преступниками. То, что они совершают, в порядке вещей. Другое дело те, кто пытается этому противостоять, вот это настоящие враги общества. Вы поняли, что я имею в виду некоего памфлетиста?

— Ну что ж, отправляйтесь на розыски, — вздохнула Анжелика. — Не откажетесь ли вы исполнить мою маленькую просьбу? Их было тринадцать. Но имен трех я не знаю. Вы должны сообщить их.

— К вашим услугам, мадам, — теперь в его голосе звучали котки прежнего адвоката Дегре.

## Глава 6

— Ты должен отомстить за меня, — сказала она Клоду-мальшу на следующий день. — Ты один можешь отомстить этим убийцам. Ты — их главный враг. Так сказал Дегре.

— Как я могу отомстить этим сеньорам? — он взял ее за талию и собрался притянуть к себе, но Анжелика вырвалась.

— Послушай, что я тебе скажу!

— Хорошо, я все понял. Я в твоём распоряжении, маркиза. С кого мне начинать? С де Бриенна? Я припоминаю, что у него была интрижка с мадемуазель де ля Валльер. По этой причине король терпеть его не может. Итак, на закуску пустим де Бриенна.

Он повернул свое бледное лицо к окну и задумался. Потом вытащил из кармана своего пальто старое гусиное перо и начал писать.

\*\*\*

Утром король вернулся из церкви, где он прослушал мессу, прошел мимо посетителей, ожидавших его с докладами, в свой кабинет. В коридоре он заметил, что на лестнице разбросаны белые листки, которые торопливо собирал слуга.

— Что за листки? Шел бумажный дождь? — поинтересовался он.

Король принес листок с собой на обед и, ожидая сервировки, соизволил прочесть его содержание. На него не произвели особого впечатления стихи поэта Вонючки, авторство которого он легко угадал, но, по мере того как Его Величество дочитывал последние строки, за стелем воцарилось зловещее молчание.

Памфлет был написан в духе остальных произведений, которыми поэт вот уже десять лет наводнял Париж. В нём, между прочим, упоминалось о связи де Бриенна с фавориткой Людовика Четырнадцатого.

— Бог ты мой! — изумился король. — Если дело было именно так, то де Бриенн заслуживает строгой кары. Кто-нибудь из вас, господа, слышал об этой истории?

Придворные, присутствовавшие за обедом, молча переглянулись, опасаясь навлечь на себя немилость неосторожным словом. Тогда король подозвал молодого пажа, который помогал разносить блюда.



— А вы, мое дитя, ничего не знаете об этом? Вашему возрасту свойственно обостренное любопытство. Так что рассказывают о ночном происшествии на мосту Неф?

Подросток покраснел, он не мог солгать своему королю.

— Сир, говорят, что все, описанное поэтом Вонючкой, чистая правда. Дело происходило в таверне «Красная маска». Я сам был с приятелем на месте происшествия. Я видел, как догорал дом.

— Это правда, что разбой был учинен группой дворян, среди которых был, де Бриенн?

— Да. Но имен их никто не знает, потому что они были в масках. Я видел тело юноши с распоротым животом. Его вынесла женщина из горящего дома. Я видел также племянника с окровавленной повязкой на голове.

— А хозяин таверны?

— Его тело не успели вынести из огня. Говорят, что...

Паж пугливо взглянул на Его Величество и снова опустил глаза.

— Говорят, что это достойная смерть для хозяина таверны.

— Пусть ко мне приведут де Бриенна, — приказал король. — А вы, герцог, свяжитесь с господином д'Обреем и передайте ему следующее: все подробности ночного происшествия должны быть предоставлены мне немедленно в виде рапорта. Все продавцы листов должны быть отправлены в Шателе. Тех, кто будет читать их, обложить крупным штрафом. Немедленно разыскать типографию, где они печатаются, и самого поэта.

Немного позже к де Бриенну, которого слуги приводили в чувство после тяжелой ночи, приехал маркиз де Гесвр.

— Мой друг, — сказал маркиз, — мне поручили ужасное задание: мне поручили арестовать вас.

Он протянул де Бриенну листок с памфлетом.

— Теперь я пропал, — сказал тот, — как быстро все становится известно в этом городе...

...— Господин министр, — сказал ему Луи Четырнадцатый, — по многим причинам беседа с вами мне неприятна. Будем коротки. Вы участвовали в ночном происшествии? Да или нет?

— Да, но это не я убил подростка.

— Вам не повезло, господин граф, вас узнали. Народ ропщет, ему нужна жертва. Если виновный не будет наказан... Так что путь ваш

лежит в Бастилию. Откровенно говоря, я очень рад подвернувшемуся случаю избавиться от вас. И вы знаете почему.

\*\*\*

Король ожидал, что, отдав на растерзание неугодного ему графа, вопрос будет исчерпан. Но на следующее утро новый снегопад желтых листков обрушился на Париж. Король только-только собрался на охоту в Булонский лес, как ему передали свежий памфлет. Готовившийся принять участие в охоте д'Олон тоже последовал в Бастилию. Памфлет завершился обещанием открывать каждый день по одному имени участников погрома, а в последнем указать имя убийцы мальчика.

Третьим в Бастилию отправился де Лозун. На улочках выкрикивали его имя. Чтобы не терять времени, де Лозун, ехавший в Лувр, приказал кучеру развернуться и ехать прямо в Бастилию.

— Но я не получал приказа заключить вас в камеру! — изумился начальник тюрьмы.

— Вы его скоро получите!

— Но где письмо с печатью?

— Вот оно, — Лозун протянул листок, купленный у разносчика за десять сольдо.

Де Фронтенак готовился бежать. Де Вард советовал ему остаться.

— Ваше бегство будет признанием вины. Если же вы будете вести себя как ни в чем не бывало, скандал пройдет и вы сохраните свою репутацию. Берите пример с меня: я развлекаюсь, я улыбаюсь. Меня никто не подозревает.

— Вы прекратите смеяться, когда придет ваша очередь.

— Она не придет. В памфлете сказано, что «их было тринадцать». Пока назвали всего три имени, но продавцов листков арестовывают, ищут хозяина типографии и вот-вот изловят самого поэта Вонючку. Через один-два дня все станет на свои места, опасность пройдет.

Фронтенак был уже на границе с Германией, когда появилось его имя. Зато на следующее утро имя де Варда было преподнесено в таком ужасном контексте, что сам король был взволнован. Клод-мальш обвинял его в составлении письма, подброшенного королеве, в котором рассказывалось о любовных похождениях ее супруга. Это известие оставило глубокую рану в душе короля, который в былое время даже просил де Варда помочь ему разыскать виновного.

Идущие следом де Лувени и Сен-Тьерри отделались тем, что их лишили должности и сослали в свои имения.

В Лувре всеобщее беспокойство готово было перерасти в панику. Никого не удивило появление королевы-матери, которая приехала повидаться со своим вторым сыном. Никто не произносил вслух имя убийцы, но оно уже вертелось в умах: подростка убил брат короля!

Анжелика узнала о событиях, происходящих во дворце, от Дегре. Уже на следующее утро после первой расправы он постучался в ее дверь на улице Франк-Буржуа. Она с холодным молчанием выслушала его рассказ о распоряжении короля.

— Вы принесли мне имена, о которых я просила?

— Вот они, — Дегре вынул из кармана сложенный листок. — Этот список известен только мне. Итак, д'Орлеан, де Лоррен, де Лозун, де Бриенн, де Вард, дю Плесси-Белльер, де Лувени, де Сен-Тьерри, де Фронтенак, де Кавуа, де Гиш, де ля Валльер, д'Олон, де Торм.

— Вы сказали: де ля Валльер? Брат фаворитки?

— Он самый.

— Неплохо, — пробормотала Анжелика. — Но подождите, вы назвали четырнадцать, а я насчитала тринадцать.

— Сначала их было четырнадцать, с ними был маркиз де Торм. Это мужчина уже в летах, но он любит забавляться с компанией молодых. Когда он понял, что дело пахнет жареным, он сказал друзьям: «Господа, приятных вам развлечений. Я отправляюсь ночевать, как обычно, к маркизе де Ракено».

— Но вы назвали еще одно имя... — вспомнила она. — Дю Плесси-Белльер? Маркиз?

— Маршал королевских войск. Он одержал победу при Норгене.

— Филипп! — прошептала Анжелика.

Как она не узнала его сразу? Его холодный, насмешливый взгляд, которым он когда-то смотрел на свою кухню в сером платье... Замок де Плесси, белый, как лебедь...

— Как это странно, Дегре! Этот молодой человек — один из моих родственников, он живет в нескольких лье от нашего замка.

— Не хотите ли вы исключить его из списка?

— Может быть. Ведь с де Тормом их будет как раз тринадцать...

— Вы не боитесь сообщать намерения такого рода полицейскому?

— Но я же сообщила вам имя хозяина типографии или то, каким образом листки проникают в Лувр. Кроме того, вы никогда не предадите меня, Дегре!

— Вы правы, мадам. Вас я не предаю, но это все, что я могу вам обещать. Поэт Вонючка будет повешен!

В один из последних дней к ней прибежал взволнованный Одиже. Он хотел обнять ее, но она оттолкнула его.

— Бедняжка, это настоящая беда. Но не надо отчаиваться. Прогоните это трагическое выражение со своего лица. Вы меня пугаете!

— Это действительно катастрофа для меня, — более миролюбиво ответила Анжелика. — Теперь, когда сгорела «Красная маска», мне неоткуда больше взять денег. Что будет со мной?..

— Не бойтесь, любовь моя. Пока я с вами, вам и вашим детям не угрожает никакая опасность. Я не слишком богат, но у меня достаточно денег, чтобы помочь вам. И, когда мое дело наберет обороты, мы будем работать вместе, как договорились.

— Но мы договаривались не о том! Я не хочу работать у вас служанкой!

— Вот в чем ваша главная беда, Анжелика! Я не далек от мысли, что Бог решил наказать вас за еретические воззрения. Вы ратуете за равноправие, тогда как женщина — слабое существо, которое нуждается в опеке мужа, равно как и дети.

— Какая прелестная картина! — усмехнулась Анжелика. — Как вы не понимаете, что жизнь заставляет меня бороться своими руками с двумя крошками за спиной! Уходите, я не могу слушать вас!

\*\*\*

Ожидая своей очереди, маркиз де ля Валльер обратился за помощью к сестре, прося ее, чтобы она замолвила за него словечко перед королем. Запуганная Луиза решила просить за брата.

— Действительно, — сказал Людовик Четырнадцатый маркизу, — наказав вас, я причиню горе вашей сестре, прекрасные глаза которой мне так дороги. Уезжайте из Парижа, господин маркиз, и отправляйтесь в свой полк. Таким образом мы избежим скандала.

— Несмотря на принятые меры, на аресты и штрафы, каждый день ознаменовывался новым именем. Были обысканы все

типографии, но листки с памфлетами находили даже в спальне у королевы.

Лувр охранялся как в военное время. У каждого входа, у окон, в коридорах стояли часовые. Они обыскивали каждого.

«Что не может сделать человек, может сделать полчеловека», — размышлял Дегре, подозревая в распространении листов карликов королевы.

Кроме Баркароля Анжелике помогали нищие на перекрестках, которых не могла заподозрить полиция, бандиты, которые по ночам, отобрав у кого-нибудь кошелек, давали «в обмен» пару листочков со стихами — в утешение, букетчицы с моста Неф, которые заворачивали в них букеты... На стороне Анжелики был сам Деревянный Зад, который предоставил в ее распоряжение свою вотчину. Однажды ночью Анжелика переправила к нему в дом четыре полных чемодана, где были уложены памфлеты для последних четырех погромщиков. Двумя часами позже в Университетском квартале были арестованы хозяин типографии и его помощники, печатающие памфлеты. Их выдал один из распространителей, схваченный полицией. В типографии не было найдено никаких подтверждений, что пять последних памфлетов уже набраны. Но в то же утро парижане узнали о трусости де Торма, который, вместо того чтобы защитить мальчика, сказал: «Я пойду ночевать к маркизе де Ракено».

Муж маркизы, давно знавший о связи своей жены с де Тормом, был вынужден после огласки вызвать его на дуэль и был убит. Де Торма отправили в Бастилию.

— Только четверо! Только четверо! — кричали мальчишки на всех перекрестках.

— Только четверо! — раздавались крики прямо под королевскими окнами.

...По пятам за Клодом-мальшом следовала полиция. За один день он сменил несколько укрытий, и в каждом его неминуемо настигали сыщики. У него оставалась последняя надежда: Анжелика.

Он торопливо постучал в ее дверь. Он был бледен, щеки поросли щетиной.

— На этот раз они поймают меня, — через силу улыбнулся он.

— Не говори так! Ты сам говорил, что тебя не поймать.

— Так говоришь всегда, когда ничто не угрожает. А потом, когда уже ничего нельзя сделать, понимаешь, каким наивным ты был...

Анжелика перевязала его и накормила. Она внимательно наблюдала за ним и с беспокойством отметила, что сегодня на его губах уже не играет насмешливая улыбка.

— Это все оттого, что я встретил тебя, — сказал он вдруг. — Не надо было мне влюбляться в тебя. Я сразу понял, что стал беспомощен рядом с тобой.

— Клод, — печальным голосом сказала она, — зачем ты упрекаешь меня? Я чувствую... что ты очень близок мне, что создан для меня.

Она села на край кровати, где он лежал, взяла его руку и прижалась щекой.

— Мой поэт... Ты должен покинуть Париж, — проговорила она, — не дожидаться, пока появятся остальные памфлеты.

— Но куда я поеду? Как я могу покинуть Париж?

— Ты поедешь к своей кормилице, о которой рассказывал мне, которая воспитала тебя в горной деревушке. Скоро придет зима, все дороги завалит снегом, и никому не придет в голову искать тебя там. А сейчас тебе надо перебраться к Деревянному Заду, так как сюда могут нагрянуть с обыском. В полночь тебе надо быть у Монмартрских ворот, которые почти, не охраняются. Там тебя будут ждать.

Он поднялся, чтобы идти.

Его безразличие поразило ее сильнее, чем угрожающая ему опасность. Чем была вызвана его вялость? Прежде чем закрыть за собой дверь, он посмотрел на нее долгим грустным взглядом.

В полдень она отправилась на ярмарку животных и купила там лошадь, истратив на нее половину своих сбережений.

В полночь поэта должны были встретить Красавчик, Пивуан и двое вооруженных «солдат» и провести через город к Монмартрским воротам.

Подготовив этот план, Анжелика немного успокоилась. Проверив, спят ли дети, она пошла в свою комнату и стала ждать ночи.

Поздним вечером за окном раздался цокот копыт, и немного погодя кто-то постучал. С бьющимся сердцем Анжелика подошла к двери и открыла окошечко.

— Это я, Дегре.

— Вы прибыли сюда как друг или как представитель закона?

Она откинула засовы, предполагая, что полицейский нагрязнул к ней с обыском. Но в глубине души она была рада, что он появился в тот момент, когда ей было ужасно одиноко.

— Где же Сорбонна? — спросила она.

— Сегодня она осталась дома.

Анжелика увидела, что под плащом сыщика скрыта нарядная одежда с кружевными рукавами. Вместе со своей шпагой и высокими сапогами он походил на провинциального дворянина.

— Представьте себе, я был в театре, — весело сказал Дегре.

Он бросил свои черные перчатки и шляпу на табурет и подошел к камину, чтобы согреть руки.

— Почему вы не пошли служить в армию? С вашей внешностью и манерами вы обрели бы там много друзей и сделали бы карьеру... Стойте на месте, я принесу вина.

— Нет, спасибо! Несмотря на столь радушный прием, я вынужден отправиться дальше. Мне надо проверить посты на Монмартре.

Анжелика торопливо взглянула на часы: половина двенадцатого. Если Дегре отправится сейчас к воротам, он обязательно встретит там отряд Красавчика. Случайное ли это совпадение, или сыщик о чем-то пронюхал? Нет, этого не может быть! Надо задержать его.

— Как, уже! — возразила Анжелика. — Какое у вас странное поведение. Вы приходите ночью, заставляете меня вылезти из кровати и тотчас убегаете.

— Я не вытаскивал вас из кровати. Вы сидели перед камином.

— Да, но я очень скучаю. Сядьте.

— Нет, — сказал он, застегивая пуговицы. — Чем больше я размышляю, тем больше я убеждаюсь, что мне надо идти.

Она боялась не столько за Клода, сколько за самого Дегре, который, несмотря на шпагу и пистолет, столкнулся бы с целой бандой.

Но Дегре уже закрывал дверь.

«О, как это глупо! — в отчаянии подумала Анжелика. — Если я не могу задержать мужчину, зачем тогда Бог вообще сотворил меня?»

Она торопливо положила руку на его запястье. Нежность этого жеста поразила полицейского. Он остановился и закрыл дверь.

— Спокойной ночи, мадам, — улыбнулся он.

— Ночь не будет доброй, если вы уйдете, — нерешительно проговорила молодая женщина. — Ночь кажется слишком длинной, когда коротаешь ее одна.

— Мы так давно знаем друг друга, — продолжала она вполголоса. — Вы никогда не думали, что между нами...

— Я не вытаскивал вас из кровати. Вы сидели перед камином.

— Да, но я очень скучаю. Сядьте.

— Нет, — сказал он, застегивая пуговицы. — Чем больше я размышляю, тем больше я убеждаюсь, что мне надо идти.

Она боялась не столько за Клода, сколько за самого Дегре, который, несмотря на шпагу и пистолет, столкнулся бы с целой бандой.

Но Дегре уже закрывал дверь.

«О, как это глупо! — в отчаянии подумала Анжелика. — Если я не могу задержать мужчину, зачем тогда Бог вообще сотворил меня?»

Она торопливо положила руку на его запястье. Нежность этого жеста поразила полицейского. Он остановился и закрыл дверь.

— Спокойной ночи, мадам, — улыбнулся он.

— Ночь не будет доброй, если вы уйдете, — нерешительно проговорила молодая женщина. — Ночь кажется слишком длинной, когда коротаешь ее одна.

— Мы так давно знаем друг друга, — продолжала она вполголоса. — Вы никогда не думали, что между нами...

— Не к лицу вам бросаться в объятия мужчины, — в замешательстве произнес полицейский. — Что с вами происходит сегодня?

Все же его рука отпустила дверную ручку и осторожно опоясала талию женщины. Но он не прижал ее к себе, он держал ее, как предмет, с которым не знаешь, что делать. Ей показалось, что сердце полицейского забилось чуть сильнее. Не забавно ли задеть за живое этого бесстрастного человека, умеющего отлично владеть собой?

— Нет, — сказал он наконец. — Я никогда не надеялся, что между нами что-то может произойти. Представьте себе, что для меня любовь — вещь довольно простая. Я предпочитаю развлекаться в тавернах и борделях в грубой обстановке, где можно требовать от женщины полного повиновения. Другими словами, вы не та женщина, с кем мне нравится иметь дело.



— Значит, вы считаете меня предметом роскоши? Приглядитесь, что за платье на мне, что за мебель у меня в комнате. Это роскошь?

— Я имел в виду ваше происхождение. Вы женщина, предки которой вместе с Добрым Жаном II участвовали в Пуатьерском сражении.

— Вы, как всегда, все обо всем знаете! Истинный полицейский!

— Да... точно так же, как ваш дружок по имени Клод.

Он осторожно взял ее за плечи и повернул к свету, чтобы видеть ее лицо.

— Итак, это правда, что сегодня в полночь он должен был появиться у Монмартрских ворот?

Анжелика вздрогнула, но быстро оправилась, сообразив, что опасность позади. Часы отбивали последние удары, возвещавшие полночь. Дегре уловил в ее глазах торжествующий блеск.

— Да, да. Уже слишком поздно, — пробормотал он. — Столько людей назначили свидание сегодня у этих ворот!.. Среди них сам начальник полиции и двадцать стражников из Шателе. Может быть, если бы я поспел туда пораньше, мне удалось бы направить их искать добычу в другом месте. Или же сумел бы дать знак неосторожной добыче скрыться... Напрасно вы не доверились мне, мадам...

\*\*\*

По утрам Флипо бегал за свежим молоком для детей на Молочный ряд. В это утро задремавшая было Анжелика услышала его бешеный стук в дверь.

— Маркиза ангелов, — вопил он. — Я видел его... На площади Грев... Поэта Вонючку!

— На площади Грев? — переспросила она. — Он сошел с ума! Что он там делает?

— Висит на веревке, — ответил Флипо. — Его повесили!

## Глава 7

— Я обещал господину д'Обрею, начальнику полиции, а он, в свою очередь, поклялся в этом перед королем, что три последних имени не появятся после казни поэта. Но сегодняшним утром парижане узнали имя графа де Гиша. Мне удалось убедить начальство, что я знаю сообщников поэта. Таким образом, последних имен не будет.

— Они появятся!

— Я знаю, где находятся отпечатанные памфлеты. Я могу привести в город войска, оцепить и прочесать весь округ Сен-Дени, разгромить все царство Великого Коэсра. Но я вижу более простой способ уладить дела. Поэт мертв, как он того и заслужил. Король никогда бы не простил...

— Король! Король! У вас на языке один король. Когда-то вы были более независимым, Дегре!

— Независимость, гордость — это грех молодости, мадам. Когда-то я попытался противиться воле короля и был повержен. Король сильнее всех. Значит, я на стороне короля. По-моему, мадам, вам, обремененной двумя детьми, следует присмотреться к моему примеру.

— Не хочу вас слушать.

— Не торопитесь. Скажите, вы действительно собираетесь заняться производством шоколада? В таком случае, для разгона вашему предприятию совсем не помешала бы кругленькая сумма, скажем, тысяч пятьдесят ливров. Да вместе с ней ускорение бюрократической волокиты. Король предоставит вам все, что вы потребуете, за содействие, в поиске памфлетов. Интересы всех будут соблюдены. Даже меня повысят в должности. Подумайте. Я приду через два часа.

На следующий день парижане так и не дождались появления нового памфлета. Не появился он ни на следующий день, ни на третий. Только тогда они окончательно поверили, что поэта больше нет.

На третий день после казни Анжелика проснулась после полубессонной ночи и сказала себе: «Я не могу больше выносить этого существования».

Она винила себя в смерти Клода-мальша. В этот день вечером она должна была пойти к Дегре и отправиться вместе с ним на улицу Пон-Нотр-Дам. Там их ждали исключительно важные персоны, с которыми составлялось секретное соглашение по делу, которое называлось «дело юного продавца вафель».

Жизнь обещала начаться заново. Снова у Анжелики будет много денег, она будет иметь исключительное право продавать шоколад.

«Я не могу больше выносить этого существования», — повторяла она. Она медленно поднесла ладони к вискам. Она дрожала и почти задыхалась. Потом она поднялась и подошла к окну.

— Жоффрей, любовь моя! Приди, не оставляй меня одну.

Но он никогда больше не вернется. У нее не было даже возможности молиться за него. Пепел его развеян по ветру над Сеной.

Лицо Анжелики было в слезах. Она села за стол и приготовила лист бумаги.

«Когда вы прочтете это письмо, господа, меня уже не будет в живых. Бог простит меня за это преступление перед ним. Доверяю своих сыновей правосудию и милости короля в обмен на молчание, от которого зависит честь королевской семьи. Я прошу Его Величество по-отечески отнестись к моим малышам и дать им возможность получить образование...»

Она написала затем второе письмо — к Барбе, умоляя ее никогда не оставлять Флоримона и Кантора, завещая ей то скромное имущество, которое оставляла после себя. Пока в доме все спали, Анжелика осторожно оделась и вышла на улицу. Она взяла с собой запечатанное письмо и направилась к Дегре, чтобы через него передать его тем высоким особам, которые назначили ей сегодня встречу.

## Глава 8

Дом полицейского располагался на мосту Нотр-Дам. Квартира его отличалась плохим вкусом разбогатевшего буржуа.

Она была уверена: оставив письмо у Дегре, она может спокойно осуществить свой план, не беспокоясь за судьбу мальчиков.

Дегре не был удивлен ее ранним визитом.

— Приветствую вас, мадам. Но вы поторопились, еще очень рано, нас никто не ждет в этот час.

Анжелика вежливо улыбнулась. Его слова показались ей напрасными. Еще не придет час встречи, а тело ее будут нести воды Сены... Она станет свободной. Никто не сможет больше пленить ее.

— Что вы сказали? — встрепенулась она, заметив, что Дегре не переставал рассказывать ей о чем-то.

— Я сказал, что вчера вечером мне прислали подтверждение сегодняшнего рандеву.

— Но я не за этим пришла к вам сейчас, Дегре. Я заскочила на одну минутку, так как приглашена на прогулку в Тюильри, и карета ждет меня. Но меня обременяет вот этот конверт, который я ненароком захватила. Не могли бы вы оставить его у себя до вечера?

— К вашим услугам, мадам.

Анжелика подошла к окну. Все складывалось без помех. Ничто более не удерживает ее в этой жизни. Окно выходило на Сену, и Анжелика, как замороженная, смотрела на серебрящиеся переливы реки.

Характерный звук заставил ее повернуть голову. Дегре повернул ключ в двери и положил его в карман.

— Присядьте на минуту, мадам, — сказал он. — Я давно собираюсь спросить вас кое о чем.

Она молча опустилась в одно из кресел.

— Дело, о котором я хочу вас расспросить, очень важно для меня. От него зависит жизнь нескольких человек.

Он говорил медленно, не глядя на Анжелику.

— Около четырех лет назад было совершено ограбление некоего аптекаря Глазера. Двое злоумышленников были задержаны. Перед

казнью их допрашивали, и, когда я просматривал недавно протоколы в Шателе, слова одного из них, по имени Осторожный, заинтересовали меня. Он рассказал о том, что видел нечто в кабинете у Глазера, но в его словах нет точности. Мне кажется, вы могли бы здесь многое прояснить. Так что же он увидел там?

— Как странно, что вы спрашиваете это у меня, господин полицейский, — проговорила Анжелика, но губы плохо слушались ее.

— С грабителями была одна женщина, ее звали маркизой ангелов. Это была сообщница самого опасного бандита столицы Каломбредена. Его нашли утонувшим после облавы на Сен-Жерменской ярмарке. Но я возвращаюсь к маркизе ангелов, которая была сообщницей этого грабителя и убийцы. Она сама участвовала в ограблениях, в вооруженных нападениях. Среди прочих ее жертв — солдат из городской стражи...

Она была в ловушке. Анжелика посмотрела в окно. Сена была так близко!..

— ...Эта женщина видела то же, что и Осторожный, — ровным голосом продолжал Дегре.

Внезапно молодая женщина вскочила и бросилась к окну. Но перед ней возник стремительный Дегре. Он схватил ее за запястья и заставил вернуться в кресло.

— Такие штучки не проходят со мной! — грозно сказал он. — Говори! Что ты видела у Глазера!

Анжелика, не мигая, смотрела в лицо полицейского. Чувства ее, казалось, боролись между страхом и гневом.

— Я запрещаю вам говорить мне «ты»!

— Я всегда говорю «ты» тем, кого допрашиваю.

— Я позову на помощь.

— Зови кого хочешь. Все жильцы этого дома — служащие Шателе. Им запрещено заглядывать ко мне, даже если они услышат мои собственные крики о помощи.

— Я ничего не видела. Наглец! Отпусти меня!

— Ты не хочешь говорить, мое сокровище? — ласковым голосом сказал он. — Ты хочешь, чтобы я рассердился?

Очень медленно он завел одну из ее рук за спину и стал поднимать вверх. От острой боли Анжелика вскрикнула. Полицейский держал ее так, что она не имела возможности пошевелиться.

— Что ты видела у Глазера? Тебя не ждет ничего плохого, если ты признаешься. Итак?

Он чуть сильнее надавил на ее локоть, и бледная женщина взвыла от боли.

— Осторожный говорил о коробочке с белой мукой! — прокричал полицейский ей в самое ухо. — Ты видела ее?

— Да!..

— Что это было?

— Яд! Арсенит!

Он отпустил ее и отошел к столу. Его мысли унеслись куда-то далеко, но через несколько мгновений он вышел из задумчивости и придвинул к креслу табурет.

— Видишь, когда ты поумнела, я перестал делать тебе больно. Теперь расскажи мне все по порядку.

— Мы были в кабинете у Глазера. Это была лаборатория... Коробочка с порошком стояла на подставке. По запаху чеснока я узнала, что это яд. Осторожный хотел попробовать, но я помешала ему. Рядом лежал запечатанный сургучом конверт.

— На нем было что-нибудь написано?

— Да: «Для госпожи де Сен-Круа». Полицейский махнул рукой и поднялся с табурета.

— Впрочем, что было дальше, меня не интересует.

— Дегре... — спросила Анжелика, — вы давно знали?..

— С той самой ночи. Стал бы я отпускать пойманную недалеко от места преступления девицу, у которой за пазухой припасен огромный кинжал!

Она торопливо заговорила:

— Я должна объяснить вам... Каломбрден был деревенским парнем из Пуату. Мы были друзьями, а не сообщниками!

— Я не заставляю вас рассказывать о вашей жизни, — проворчал Дегре.

— Нет, вы должны понять меня. Я встретила его случайно в Париже, когда мне негде было даже переночевать... Но я не совершала преступлений, в которых вы меня обвиняете. Это не я убила солдата. На моей совести всего одно убийство. Я убила Великого Коэсра. Но это было необходимо для спасения жизни моих сыновей.

Дегре удивленно вскрикнул.

— О, это ты убила Великого Коэсра?

Анжелика, точно наяву, увидела распростертое на полу чудовище с окровавленным горлом.

— Ну, моя крошка, ты что-то загрустила, — сказал Дегре. — Иди-ка сюда, я тебя приласкаю.

С этими словами он грубо притянул ее к себе и прикусил зубами ее плечо. Она сделала порывистое движение, чтобы вырваться, но внезапно обрела хладнокровие.

— Господин Дегре, — сказала она, — прошу вас принять решение относительно меня: либо вы меня арестовываете, либо отпускаете.

— Ни то, ни другое, моя дорогая. После такой напряженной беседы нам нельзя расстаться так просто. Ты думаешь, что полицейские жестоки и грубы. Но я могу быть и нежным при случае.

Он еще раз привлек ее к себе и потащил к кровати.

Она долго и яростно сражалась с ним, ругаясь самой отборной бранью, обещая убить его тем же кинжалом Родогона. Ее охватила истерика, она долго не могла успокоиться, и Дегре отпустил ее.

Обессиленная, Анжелика заснула, а когда открыла глаза, то увидела его сидящим за письменным столом и пишущим что-то.

Заметив, что она проснулась, Дегре отложил перо.

— Я спала? — пробормотала Анжелика. — Долго?

— Три часа, мадам. У нас остался всего один час, чтобы вы успели привести себя в порядок. Нас ждет господин Кольбер.

Он показал ей на соседнюю комнату.

— Там у меня ванная. Вы найдете все необходимые принадлежности для туалета. Поторопитесь же.

Когда они уже были готовы выходить, Дегре задержался в комнате.

— Вернуть вам ваш конверт? Который вы мне доверили утром? Анжелика смущенно опустила глаза.

— Вы хотели умереть, не так ли?

Она покраснела, как ребенок, пойманный на месте преступления.

— А теперь?

— Теперь? Не знаю... Наверное, если мне удастся наладить производство шоколада, я смогу разбогатеть и начать жизнь заново...

Он вынул конверт, подошел к камину и бросил его в огонь.

— Как вы догадались, Дегре? — шепотом спросила она, когда догорал последний листочек.

— О моя дорогая, вы думаете, я поверил вашей сказке о том, что вас пригласили в Тюильри? И что вы при этом не удосужились ни причесаться, ни напудриться, ни нарядиться в лучшее платье?

Она задумалась на минуту.

— Я вас слишком хорошо знаю. Я сразу понял, что дело плохо, что надо действовать быстро и решительно. И я разыграл этот маленький спектакль. Вы простите, что я немного помучил вас?

— Я подумаю, — с усмешкой сказала Анжелика.

— Не откажитесь выслушать совет скромного полицейского, — напоследок сказал он. — Забудьте о том, что было. В противном случае, всякий раз, когда вы станете делать это, у вас будет появляться желание умереть. А я не всегда смогу оказаться рядом.



## Глава 9

Колбасник с площади Грев вышел ранним утром из своей лавки, чтобы подышать свежим воздухом. Был один из первых погожих весенних деньков с лазурным небом и теплым воздухом.

Воздух был настолько чистый, что от лавки было слышно поскрипывание колеса мельницы с другого берега.

Как и другие колбасники, мэтр Лукас был обязан запереть лавку на время поста. Он уже смирился с неизбежными убытками и решил в этот свободный от работы период побольше думать о Боге.

Неожиданно на площадь въехала карета богатого вида. Из нее вышла очень красивая женщина с прической, которая только что начала входить в моду в высшем свете: волосы довольно коротко острижены, со лба и с висков свисают три завитых локона.

Появившаяся у кареты дама стала рассматривать вывески лавок и постепенно приближалась к заведению мэтра Лукаса. Тут он узнал ее. Однажды ее показали ему в Галльском квартале, где у него было два продовольственных склада. Это была женщина без высокого имени, как можно было подумать, глядя на ее наряд, но одна из самых богатых предпринимательниц Парижа некая мадам Моран. Она разбогатела на внедрении нового продукта — шоколада, спрос на который оказался очень велик. Она была не только управляющей «Шоколадницы испанской карлицы», что находится в квартале Сен-Оноре, но и являлась также собственницей нескольких ресторанов и кондитерских, пользующихся доброй славой. Ей принадлежали несколько более скромных лавок, например, по продаже заморской дичи на Сен-Жерменской ярмарке, которые потихоньку набирали размах. Четыре коммерсанта, пожелавшие торговать теми же товарами, платили ей патент.

Говорили, что она вдова, но она оказалась настолько ловкой в делах, что такие значительные в коммерческих кругах лица, как господин Кольбер, не упускают случая посоветоваться с ней.

Мэтр Лукас пошел навстречу столь знаменитой особе и поклонился ей так низко, как позволял его толстый живот.

— Здесь ли живет мэтр Лукас, колбасник? — спросила та.

— Это я, мадам. К вашим услугам. Не откажите в любезности зайти в мою скромную лавочку.

Он семенил рядом до самого входа, надеясь на выгодный заказ.

— Взгляните на мои превосходные колбасы! Какой запах, какой вкус! Л вон там окорока...

— Благодарю вас, мэтр Лукас. Я знаю, что вы продаете превосходные колбасы, — вежливо перебила она его. — Я непременно пришлю к вам за покупками своего человека... Но цель моего визита несколько другая. У меня долг перед вами, мэтр Лукас.

— Долг? — повторил пораженный колбасник. Она улыбнулась.

— Я должна заплатить за вызов врача и аптекаря для девушки, которая пять лет назад потеряла сознание возле вашей лавки.

— Это ни о чем мне не говорит, к сожалению, — просто сказал лавочник, — потому что мне много раз приходилось спасать людей, которых ранили в давке во время экзекуций. Мне, скорее, следовало бы держать больницу, а не колбасную лавку! Эта площадь не для тех, кто хочет жить спокойно. Напомните-ка мне какие-нибудь подробности того дня.

— Это было зимним утром, — начала рассказывать Анжелика. — Сжигали колдуна... Я хотела посмотреть на казнь, но потеряла сознание, а вы позвали доктора и занесли меня в свою лавку.

— Да! Да! Я вас вспомнил теперь! — воскликнул хозяин лавки. Восторженная улыбка расплылась на его лице, но вскоре уступила место крайнему удивлению.

— Так это были вы! — теплым голосом сказал он. — Бедная женщина! Анжелика не раз клялась себе не вспоминать прошлое, она заставляла себя бесконечно повторять, что теперь она — мадам Моран, женщина, на репутации которой не стоит ни одного пятнышка.

Но искренность доброго колбасника растопила ее сердце. Она снова увидела беснующуюся толпу, пламя костра... Затем она произнесла, силясь улыбнуться:

— Это так. В ту пору я была бедной, и вы поддержали меня в действительно трудную минуту. Но с тех пор судьба была милостива ко мне, и теперь я могу отблагодарить вас.

С этими словами она вынула из сумочки тяжелый кошелек и положила его на стол для покупок. Но колбасник был так поглощен созерцанием ее бледного лица, что не заметил дара.

— Элиза, иди скорее сюда! — бросил он через плечо своей супруге, которая из глубины зала слышала их беседу.

— Да, вы действительно изменились, мадам, — подтвердила она. — Но я узнаю вас по вашим глазам. Мы так хотели повидать вас еще раз, чтобы...

— Чтобы сказать вам о странном рассказе, который мы услышали от нашего соседа. — подхватил хозяин.

— Ведь вы были родственницей того, кого казнили? — спросила его жена.

— Родственницей?

— Ну конечно. Родственницей колдуна. Вы вели себя так, как ведут себя обычно родственники приговоренных.

— ...Но что вы собирались рассказать мне, если бы я оказалась ею?

— Мы хотим рассказать о том, что произошло в кабачке напротив, когда уже зачитали приговор и колдуну разрешили зайти в него и выпить вика перед казнью.

— Что же там произошло?

— Знаете, вообще-то это не та история, о которой можно рассказывать первому встречному... Раз вы не были его родственницей...

— Я знала его, — прошептала Анжелика. — Это был... мой муж.

— Тогда слушайте...

— Подожди, — прервала его жена и пошла запереть дверь и ставни.

— Кабатчик, наш сосед, — понизив голос, стал рассказывать колбасник, — однажды, когда сильно выпил, сказал мне, что знает одну тайну, которая давно его гнетет. Он сообщил, что накануне казни в его зал пришла группа мужчин в масках, один из которых протянул ему кошелек, полный «злотых экю. За это он просил, чтобы хозяин отдал свой кабачок в их распоряжение на весь день казни. В день экзекуции у кабатчиков площади бывают неплохие сборы, но плата незнакомцев была значительно выше. «Ну что ж, — сказал он, — считайте, что вы у себя дома». В день казни он заперся вместе с семьей и служанками у себя в комнате. Иногда он заглядывал в замочную скважину и следил за спрятавшимися людьми. Надо сказать, что под залом его кабачка есть глубокий подвал, который строили еще

римляне. От него идет ход к набережной, откуда паи! знакомый получает товар без пошлины. Его несколько удивило, когда он заметил, что незнакомцы подняли крышку люка, ведущего в этот подвал.

В этот момент толпа завопила, заметив приближение кареты с жертвой. Незнакомцы тем временем вытащили из подпола длинный мешок, в котором находился покойник... Когда в дверь постучали и вошли палач и приговоренный, чтобы выпить по стаканчику... Извините, мадам, что заставляю вас волноваться.

— Продолжайте! — задыхаясь, воскликнула Анжелика. — Дальше!

— Да, собственно, больше и рассказывать нечего. Наш знакомый мало что смог разглядеть, в зале было темно. Палач пошел звать хозяина, стражники остались снаружи, чтобы отгонять толпу, а незнакомцы, сняв маски, изображали из себя посетителей. Словом, сосед наш больше ничего не разглядел, но он убежден, что в тот день сожгли принесенного покойника!

Анжелика в изнеможении прижала руку ко лбу. Несмотря на то, что рассказ ей казался невероятным, в голове ее мало-помалу зарождался лучик надежды. Жоффрей де Пейрак не умер!

Возможно ли это? Она же видела остатки костра, груды золы и углей, обугленный силуэт... Значит, она сможет когда-нибудь снова увидеть его? Но где он?

— Успокойтесь! — колбасник положил руку на ее плечо. — Не дрожите же так! Это всего лишь предположение. Вот выпейте-ка вина.

Крепкое вино поддержало силы Анжелики. Она несколько раз глубоко вздохнула, потом пожала недоверчиво плечами и головой.

— То, что вы рассказали, мэтр Лукас, можно истолковать по-разному. Ведь подлог был бы сразу же обнаружен, если только не предположить, что палач был заранее подкуплен...

Она тяжело вздохнула.

— Если бы вы близко сталкивались с палачами, вы бы знали, что это невозможно.

— Я ничего больше не могу сообщить вам, мадам. Это все, что я знаю. Мы часто спрашивали друг друга: «Почему та девочка больше не заходит к нам?»

— Пять лет! — прошептала Анжелика. — За это время ни он, ни его друзья не интересовались мной. Нет, не может быть.

Она поднялась, ноги ее дрожали. Хозяйка пошла отпереть дверь.

— Люди из вашего товарищества такие злые, а вы добрые, — сказала Анжелика. — Может быть, вы тоже надеетесь получить вознаграждение за молчание?

— Жизнь такая короткая, — простодушно ответил мэтр Лукас, — и мне совсем не хочется оказаться в аду после смерти за то, чтобы сделаться чуть богаче сейчас.

\*\*\*

Помимо кондитерского производства Анжелика вкладывала прибыль в различные предприятия. Она приобрела акции общества городского транспорта. Общество заполняло улицы Парижа вместительными дилижансами, в которых можно было ездить всего за пять су.

Кроме того, она вступила в долю с известным парикмахером Франсуа Бине, который был родом из Тулузы. Собственные ее волосы, с тех пор как их обрезали в Шателе, почти не росли, хотя были золотистыми и густыми. Она вспомнила, как один из стражников сказал: «Я отнесу их господину Бине на улицу Сен-Оноре».

Это был тот самый Франсуа Бине, скромный, болтливый. Он говорил, казалось бы, обо всем на свете, но ухитрялся при этом ни одним словом не обмолвиться о прошлом. Его жена ля Мартина была, как и он, искусницей в своем деле. К ним приходили укладывать прически высокие персоны со всего города.

Анжелика без всякого стыда предстала перед бывшим цирюльником своего мужа.

Уже многие в городе хорошо знали мадам Моран, но парикмахер, причесывая ее, продолжал называть ее вполголоса «графиней».

С ее волосами парикмахерская чета поступила следующим образом: волосы ее коротко срезали и из них составили три изящных локона, которые наложили на оставленные волосы. Эта прическа считалась последним достижением парижской моды. После знакомства Анжелика стала рекомендовать чету Бине многим своим знакомым, которые посещали ее ресторан и шоколадницу. Она дала им денег, чтобы нанять сборщиков волос в провинции.

Самым важным достижением Анжелики было приобретение «собственных рейсов». Она спасла от банкротства некоего капитана Кастеваса, отчаянного и благородного торговца, плавающего по

южным морям, где он занимался торговлей и обменивал пленных мавров на рабов-христиан. Но однажды одно из его судов было захвачено турками, на другом возник бунт, и оно бесследно пропало, и помимо этого внезапно возросла пошлина на товар, который он перевозил. Анжелика выручила ссудой торговца, за что он поставлял ей теперь из далеких земель редкие товары. Зерна какао шли на приготовление шоколада, красное дерево направлялось на мебельную фабрику господина Кольбера, а экзотических птиц и обезьян продавали в цирк.

\*\*\*

Однажды Анжелика шла пешком по улице Ботрейн. Она жалела, что непредусмотрительно отправила недавно домой свою карету и что ей приходится идти в неудобной юбке по многолюдной мостовой.

Впереди столпилось много людей.

— Принц приехал, — слышался чей-то голос.

Действительно, к решетчатым воротам старинного дома подъехала карета, запряженная шестью лошадьми. Открылась дверь, и Анжелика без труда узнала мрачный профиль принца де Конде.

— Да здравствует принц! — раздалось в толпе.

Когда он вошел в парадную дверь дома, движение на улице возобновилось, и Анжелика смогла подойти к дому.

Здание, на которое она натолкнулась, было современной постройки, с высокими окнами и декоративными балконами. Над дверью Анжелика заметила чей-то фамильный герб, на котором были странные следы от ударов.

— Чей это дом? — спросила она хозяйку цветочной лавки, располагавшейся через улицу.

— Господина принца, — ответила та.

— Вы не знаете, чем принцу не понравился герб над входом?

— Это другая история, — помрачнела женщина. — Это был герб человека, который строил этот дом. Герб проклятого дворянина. Колдуна, который знался с дьяволом. Его сожгли...

Анжелика вздрогнула. Так вот почему она не смогла пройти мимо этого дома. Она вспомнила этот фасад, эти деревья, эти двери. Она была здесь в дни своего первого приезда в Париж!

— Говорят, что колдун этот был очень богат, — продолжала женщина. — Король забрал его имущество и раздал его

приближенным. Господину принцу достался этот дом. Но, прежде чем поселиться в нем, он велел окропить стены святой водой, а потом пытался соскоблить герб. Все, знаете ли, хотят спать спокойно!

Анжелика поблагодарила цветочницу и пошла дальше. Она вышла на улицу Фабург-Сен-Антуан, размышляя, каким предлогом ей воспользоваться, чтобы нанести визит принцу Конде.

\*\*\*

Анжелика жила теперь на Королевской площади, в аристократическом квартале. Это было место, где дворяне дрались на дуэлях, а светские дамы собирались для утонченных бесед о философии, астрономии, стихосложении. Площадь окружали розовые аккуратные дома, первые этажи которых занимали лавки с кружевом и шляпами. Место было тихим, происшествия случались здесь крайне редко.

...Анжелика почувствовала вкус к изящной словесности, искусству, которое за полстолетия преобразовало французское общество. К сожалению, она сразу ощутила свою косность. Года, проведенные в борьбе за жизнь, не прошли даром. Ей снова надо было учиться составлять эпиграммы и мадригалы, декламировать сонеты.

По причине ее низкородности, как считалось, перед ней были закрыты двери самых блестящих салонов. Она одевалась очень богато, но опасалась, что ее платья недостаточно модны.

Флоримон и даже Кантор носили уже мужские костюмы — из шелка, парчи и велюра, с кружевными воротничками; на ногах у них были расшитые чулки и туфли на каблуках. На головах они носили фетровые шляпы с перьями, а Флоримон имел сбоку небольшую шпагу, которой очень гордился.

Анжелика завела еще слуг и кучера. Барба и Жавотта носили теперь кружевные чепчики, золотые крестики и индийские шали.

Но, несмотря на внешнюю схожесть ее обстановки и нарядов с соседскими, Анжелика понимала, что ее все еще считают чужой в этом квартале. Ей же непременно хотелось быть причисленной к аристократии.

Она начала с того, что решила завоевать расположение пожилой дамы, живущей в нижних этажах ее дома. У этой женщины были широкие знакомства, она была в курсе всех сплетен и интриг.

Почтенная мадемуазель Филонида де Паражонк считала, что женщине надо уметь вздыхать на пять разных манеров, что Мольер — негодяй и что любовь закрепощает человека.

Они ходили вместе на «лекции» в Пале Пресье, где обещали всего за три пистоля «рассказать о самых волнующих спорах ученых, дать несколько уроков философии, познакомить с лучшими литературными творениями, научить танцевать, пригласить на несколько концертов».

Анжелика скоро заметила, что, слушая лекции по математике и астрономии, она страдает, как узник в темнице.

— Наверное, мой мозг недостаточно велик для всех этих премудростей, — пожаловалась она мадемуазель де Паражонк. — Я буду ходить только на музыкальные занятия.

— Но, моя дорогая, как же вы собираетесь блистать в салонах, — огорчилась ее наставница, — если не будете знать, о чем модно сейчас рассуждать; если не сможете поддержать разговор о философии, о механике, об астрономии; если не сможете ответить в рифму? Пожалуй, вам остается только покорить всех своей набожностью. Но читали ли вы святого Поля или святого Августина?

Но Анжелика не заинтересовалась и этими книгами. Зато она с увлечением прочитала «Курс хороших манер» госпожи де Кинтин и «Искусство нравиться в придворном кругу» госпожи де Круасси.



## Глава 11

Однажды Анжелика попросила мадемуазель Паражонк погулять с ней по парку Тюильри.

Они часто гуляли там вместе. Женщина знала всех гуляющих и называла их Анжелике. Круг придворных за несколько лет изменился.

Сад Тюильри был самым популярным местом в Париже, где не только собирались на прогулки дворяне, но назначали свидания влюбленные, собирались на обсуждение поэты, философы, адвокаты. Здесь можно было встретить самого короля или королеву, а также их маленького дофина в сопровождении гувернантки.

В этот день Анжелика остановила свою наставницу у Большого партера, места, где собирались чаще всего люди высокого положения. Принц де Конде появлялся здесь почти каждый вечер.

Его карета подъехала довольно скоро. Принц вышел, сопровождаемый дворянами, и в этот момент Анжелике показалось, что она не заставит себя подойти к этому надменному человеку. Ей хотелось напрямик сказать ему: «Отдайте дом, который принадлежит не вам, а мне, законной жене Жоффрея де Пейрака!»

Порыв, который привел ее в парк для встречи с ним, был внезапным и необдуманым. Некому было даже представить ее, простую комммерсантку, знатному принцу.

— Пойдемте отсюда, — сказала она старой деве.

Через несколько шагов их остановили двое молодых людей.

— Мадам, — сказал один из них. — Мы с приятелем поспорили, кто вы. Я утверждаю, что вы жена прокурора, а он — что вы не замужем. Кто из нас прав?

— Заключайте пари, что вы — болван, — посоветовала Анжелика, — и никогда не проиграете.

Молодые люди растерянно смотрели им вслед. Филонида де Паражонк осуждающе сказала:

— Ваш ответ, конечно, не был лишен некоторого юмора, но зачем же выражаться так напрямик. Ведь через десять минут об этом узнает весь парк. Так вам никогда не попасть в салоны, где...

— Стойте, Филонида! — воскликнула Анжелика, внезапно останавливаясь. — Смотрите, вон там!

В нескольких шагах от них в зелени кустов стоял высокий молодой человек, небрежно опираясь о мраморную статую. Красота его была неповторима. Ее дополняли белая шляпа с зелеными перьями и светлый роскошный парик. Глаза его были большие и голубые, взгляд остановившийся, словно человек задумался о чем-то; эта неподвижность взгляда показалась Анжелике немного зловещей, в ней было что-то от гипнотизирующего выражения удава.

Незнакомец не обращал ни малейшего внимания на проходящих мимо него дам и кавалеров.

— Ну вот еще! — протянула мадемуазель де Паражонк. — Нельзя же так открыто выражать свой восторг, госпожа Анжелика!

— Как его имя?

— Это маркиз дю Плесси-Белльер, дорогая. Чем он так поразил вас? Стоит себе и поджидает даму или кого-нибудь из приятелей.

— Извините меня, — сказала Анжелика, приходя в себя.

Она уже ощущала себя юной девушкой в своем родовом имении Монтелуп. Перед ней был ее кузен Филипп!

Взгляд его переместился на приблизившихся женщин. Он лениво поднял руку и снял приветственно шляпу.

— Это дворянин из окружения короля, не так ли? — спросила Анжелика, когда они отошли немного.

— Да. Они воевали когда-то вместе с принцем де Конде в Испании. С тех пор он на хорошем счету у Его Величества. Однако о нем рассказывают ужасные вещи.

— Что именно? Расскажите мне.

Мадемуазель де Паражонк снисходительно покачала головой.

— Вас уже покорила этот красавчик! Что ж, вы не одна такая. Всех сражает его красота, свежесть лица и галантность. Все как один мечтают отдаться ему. Но тогда он неузнаваемо меняется. Да, да, мне рассказывали о нем. Красавец Филипп кажется мягким и культурным, он рассеян, как старый ученый, над этим даже посмеиваются при дворе. Но в любви, как утверждают, это настоящий деспот. Все, кто прошел через его руки, ненавидят его.

Анжелика вспоминала, как Филипп пригласил ее однажды танцевать. Это было в замке Плесси, окруженном Ниельским лесом.

— Говорят, что он обладает дьявольской изобретательностью, когда истязает своих любовниц. Он избил из-за пустяка мадам де Сирее. Целую неделю она не могла пошевелиться и не знала, что сказать мужу. А компании, где он верховодит! Это самые отпетые бандиты, которые пристают к женщинам даже в церкви.

— Филонида, вы просто старая ревнивица! — вскричала Анжелика, поддавшаяся неожиданному желанию защитить Филиппа. — Он не может быть таким, как вы его описали. Вы повторяете чужие сплетни.

Мадемуазель де Паражонк остановилась и подняла брови.

— Сплетни!.. Да знаете ли вы, от скольких знакомых я слышала об этом! Никто не знает столько разных вещей, сколько знаю я. И если я рассказываю о ком-то, то это чистейшая правда!

— В таком случае, — не сдавалась Анжелика, — просто женщины причинили ему много зла из-за его красоты.

— Вы сумасшедшая! — вскричала мадемуазель де Паражонк, покраснев от гнева. — Никогда не могла предположить, что вы могли бы увлечься этим ветрогоном. Прощайте!

И она направилась решительными шагами к решетке парка. Анжелике ничего не оставалось, как последовать за ней, так как она не хотела ссориться с наивной дамой, к которой успела привязаться.

\*\*\*

На воротах парка висела табличка: «Вход воспрещен лакеям и канальям!» Поэтому перед воротами обычно толпились поджидающие своих господ слуги, лакеи, кучера. От нечего делать они играли в карты, устраивали потасовки или отходили выпить вина в кабачок. В этот вечер лакеи маркиза де Лозуна заключили пари, выиграть которое должен был тот, кто заденет юбку первой женщине, которая выйдет из сада.

Этой первой дамой оказалась Анжелика. Пьяный в стельку лакей подбежал к ней, неожиданно наклонился и взметнул край юбки до самого ее лица. Мадемуазель де Паражонк визгливо закричала.

Дворянин, который в это время выходил из кареты и видел сцену, подал знак своим людям. Те, обрадованные возможностью развлечься, устремились на слуг де Лозуна. Произошла короткая свалка, после чего обидчики разбежались, а дворянин представился Анжелике.

— Спасибо вам за то, что защитили меня, — поблагодарила Анжелика, которая с ужасом представила себе, как ей пришлось бы расправляться самой с обидчиком, используя опыт работы в «Красной маске» и жаргон Двора чудес. Что бы сказали о ней после этого?!

Стараясь следовать правилам хорошего гона, она напустила на себя смущенный и беспомощный вид.

— Ничего страшного, мадам, — дворянин хотел поддержать ее за талию и подвести к карете. Это был симпатичный молодой человек с живыми глазами. Это был гасконец маркиз де Монтеспан.

Анжелика знала это имя, оно принадлежало очень древнему роду. Она улыбнулась ему самой обворожительной из своих улыбок, и молодой человек поинтересовался, где сможет встретить ее в другой раз. Анжелика не хотела называть себя. Она ответила:

— Приезжайте завтра в Тюильри в том же часу. Я надеюсь, что наша встреча обойдется на этот раз без приключений.

— Где мне вас ждать?

— Возле Эшо.

— Не подвезти ли вас до дому, мадам?

— Моя карета рядом, — заверила его Анжелика, которая не решалась ставить скромную карету перед центральными воротами.

— Как вы неосторожны, — укорила Анжелику спутница, но в этот момент за решеткой показался маркиз де Лозун.

Увидев, в каком состоянии находятся его слуги, он начал ругаться страшным голосом, а когда ему объяснили, что на них набросились слуги одного знатного сеньора, он воскликнул:

— Их следовало бы проучить палками, этих слуг и самого сеньора. Он не достоин даже того, чтобы марать о него шпагу.

Маркиз де Монтеспан еще не отъехал и слышал сказанное в его адрес. Он тотчас выскочил из кареты, и через несколько секунд уже сверкали шпаги.

— Господа, остановитесь! — кричала пожилая женщина. — Дуэли запрещены. Вы попадете в Бастилию.

Но оба маркиза не желали останавливаться, шпаги их грозно лязгали, вокруг собралась толпа, которая как бы взяла дерущихся в плотный круг. Но вот де Монтеспану удалось задеть ляжку противника, тот попятился назад и опустил шпагу. К дерущимся уже продирались гвардейцы, чтобы арестовать их.

— Быстрее! — закричал де Монтеспан. — Мадам, помогите мне. Карета успела отъехать в тот момент, как гвардейцы с алебардами наперевес устремились к виновникам.

Экипаж неся от Тюильри; Анжелика приложила платок к ране де Лозуна. Они набились в карету де Монтеспана вместе с мадемуазель де Паражонк и тем самым лакеем, который спровоцировал драку.

— Я отправлю тебя на галеры! — пообещал ему Лозун, — А вам спасибо, маркиз, вы избавили врача от необходимости пускать мне кровь.

— Сейчас доедем до меня и посмотрим, что у вас за рана.

Женой маркиза де Монтеспана оказалась прекрасная Атенаис де Мортемар, которую Анжелика встречала при дворе. Она вышла замуж и стала с тех пор еще прекраснее. Цвет лица оставался розовым, волосы золотыми, глаза голубыми. К сожалению, род ее обеднел, семья увязла в долгах, и теперь бедная Атенаис часто пропускала званые балы, так как у нее не было новых платьев.

Апартаменты, куда привезли раненого, отличались скромностью, но элегантностью и чистотой. Вместо служанки, которая была рассчитана накануне, хозяйке помогала по уходу за квартирой одна из подруг. Это была Франсуаза дубине, вдова поэта Скаррона.

— Я схожу на кухню за водой, — сказала вдова. — Не будет ли вам трудно поддержать платок у раны... мадам...

По тому, что госпожа Скаррон заколебалась, как назвать ее, Анжелика поняла, что та тоже узнала ее. В этом не было большой беды, так как вдова жила почти затворницей, а, кроме того, Анжелике все равно пришлось бы скоро быть узнанной.

В соседней комнате Атенаис говорила мужу:

— Вы узнали ее? Это же мадам Моран, шоколадница. Это из-за нее вы дрались на дуэли?

— Но она выглядит как светская женщина, она прекрасна... и не забывайте, что ее считают одной из самых богатых женщин в городе. Если это действительно так, то я не жалею о своем поступке.

— Мне противна ваша расчетливость!

— Моя дорогая, вы хотите обратно вернуть свое кольцо с бриллиантами, которое отнесли ростовщику?

«Прекрасно! Теперь я знаю, чем завоевать расположение этих благородных господ! — подумала Анжелика, слышавшая их разговор.

— Дорогой подарок, но в деликатной форме — вот что их покорит».

Несколькими минутами позже к ней подошла хозяйка с удивленно поднятыми бровями. Вероятно, подруга шепнула ей несколько слов.

— Неужели это вы, моя дорогая? Или это сон... — пробормотала она.

— Нет, вам не снится, это я, — улыбаясь, ответила Анжелика.

— Я не верила, что когда-нибудь увижу вас, Анжелика! Я так часто вспоминала вас.

Хозяйка с жадностью рассматривала платье и украшения на своей старой подруге.

— Вы продаете шоколад, это правда?

— Я развлекаюсь таким образом. Одни изучают астрономию и философию, другие продают шоколад. А как поживаете вы, Атенаис? Король по-прежнему дружелюбен с вами?

— Беда в том, моя дорогая, что король подозревает моего мужа в сговоре с де Вардом по поводу письма, подброшенного королеве. Король никак не может избавиться от этого подозрения.

— К счастью, некая особа влюблена в меня, — пояснил маркиз.

— Мадемуазель де Монпенсье?

— Да. Она не далека от того, чтобы предложить мне бросить жену и жениться на ней!

— О маркиз! — воскликнула Анжелика и залилась веселым смехом. — Вы неисправимы!

## Глава 12

После этой встречи Анжелика встречалась несколько раз в Тюильри с маркизом Лозуном и маркизом де Монтеспаном. Они представили ей своих друзей. Некоторые узнавали ее с радостью. Некоторые предпочитали не замечать.

Несколько раз ее приглашала к себе Атенаис. Ей нравилось, что Анжелика чаще молчит и что ее редкие замечания остроумны и невинны. Вдвоем они посещали салон Нинон де Ленкло. Салон этой знаменитой куртизанки вовсе не был логовом распутства, как ходили слухи, а скорее школой изысканности и хорошего вкуса. У Нинон, которая стала испытывать к ней искреннюю дружбу, Анжелика имела возможность сблизиться с самыми примечательными людьми Парижа. Здесь бывали довольно часто принц де Конде и Филипп дю Плесси-Белльер. Анжелика была представлена последнему. Филипп приковал к ее лицу свой холодный тяжелый взгляд и промолвил:

— Ах, это вы, мадам Шоколадница.

Кровь ударила в голову Анжелике. Она сделала реверанс и ответила:

— К вашим услугам, кузен.

— Кузен? — скривил рот маркиз. — Вы преувеличиваете.

— Вы разве не узнаете? — глаза Анжелики предостерегающе сверкнули. — Я ваша кузина Анжелика де Сансе де Монтелуп. Мы встречались раньше в Плесси. Как поживает ваш отец? А ваша матушка?

Анжелика отошла от маркиза, поперхнувшегося от удивления. Несколько дней затем она с трепетом ждала эффекта, произведенного ее признанием. Итак, она назвалась по-старому Анжеликой де Сансе. При следующей встрече с Филиппом она узнала, что он, к счастью, никому не рассказал об этом. Маркиз так и не понял, почему ему надо было скрыть от других настоящее имя своей родственницы.

Она заметила, что слишком часто ее мысли возвращаются к великолепному маршалу...

\*\*\*

Однажды она с удивлением и некоторой гордостью обнаружила себя в списке приглашенных на гулянье в Люксембургском саду, которое устраивала мадемуазель де Монпенсье. В назначенный день она подъехала к воротам сада и сказала жене швейцара, что находится в числе приглашенных. Самого швейцара на месте не оказалось, Анжелика не стала ждать указаний и пошла по одной из боковых аллей.

Когда она поравнялась с невысоким гротом, то услышала за ним легкий шорох. В первую минуту она подумала, что это посланец Деревянного Зада, который выбрал момент, чтобы без свидетелей напомнить бывшей маркизе ангелов об уплате налога.

Но, приблизившись, она поняла, что это молодой дворянин. Одежда на нем была дорогой и нарядной, хотя сильно испачканной и измятой. Но удивительнее всего было то, что затаился он в неправдоподобной позе, стоя на коленках и локтях.

Человек повернул голову на звук ее шагов, и Анжелика, к удивлению, узнала в нем герцога д'Энгьена, сына принца де Конде, которого встречала во время прогулок в Тюильри. Это был высокий и красивый подросток, пренебрегающий этикетом и вежливостью.

Поколебавшись несколько мгновений, Анжелика решила оставить его в покое и осторожно вернулась назад. Она натолкнулась на швейцара, который, в свою очередь, оторопело уставился на нее.

— Что вы здесь делаете, мадам? Возвращайтесь скорее к выходу!

— Но почему? Ведь меня пригласили. Мне открыла ваша жена. Служитель торопливо огляделся. Анжелика всегда была с ним любезна и предупредительна.

— Извините меня, мадам, — сказал он, — но мою жену не поставили в известность о том, что здесь происходит. Видите ли, сад закрыт сегодня для прогулок, так как люди принца ищут его сына, вообразившего, что он кролик. Да, временами с ним случается такое...

Швейцар покрутил пальцем у виска.

— Но я только что видела его за гротом...

— О Боже! Надо позвать господина принца. А вот и он.

Они побежали навстречу приближающейся карете. Из окошечка выглянул принц де Конде.

— Что вы здесь делаете, мадам? — грозно спросил он.



Швейцар торопливо вмешался и сообщил, что знает, где находится молодой герцог.

— Помогите же мне вылезти, черт возьми! И бегите за слугами, пусть двое пойдут в обход, а все остальные наступают отсюда.

Скоро в кустарнике за гротом раздался треск веток и быстрые шаги бегущих людей. Появились слуги, держащие под руки молодого человека, который яростно, но молча вырывался. Один из ловцов, пожилой слуга, уговаривал его:

— Ваша светлость, не волнуйтесь, вас не хотят убивать или сажать в клетку. Вас только переоденут, вымоют и снова отпустят в лесок.

Молодой герцог испуганно смотрел теперь на окружающих грустными и любопытными глазами пойманного зверька.

— Уведите его, — вздохнул принц. — И позовите к нему доктора. А если снова дадите ему удрать, накажу палками.

Когда группа удалилась, принц подошел к Анжелике, которая от грустной сцены сделалась бледной не менее пойманного герцога.

— Ну как, видели? — устало спросил принц. — Как вам нравится наследник? Вся его родня по материнской линии была безумной. Но я не мог не жениться на его матери. Это был приказ Людовика Тринадцатого... Это забавная история. Вы не смеетесь?..

— Вы считаете, что это и вправду должно быть смешно мне? Вы меня мало знаете...

Улыбка внезапно осветила его суровое лицо.

— Почему же, я вас неплохо изучил. Вы разве не замечали, что я подолгу смотрю на вас в салоне Нинон? Вы отличаетесь от остальных женщин, уверяю вас. Вы красивы, как настоящая куртизанка, но у вас при этом терпимое сердце, как у заботливой матери. Я подозреваю даже, что вы одна из самых умных женщин королевства. Но вы не хотите, чтобы об этом догадывались, так как знаете, что мужчины боятся умных женщин.

Она старалась заставить себя презирать старого врага своего мужа. Не он ли следил за ними с помощью слуги Клемена Тоннеля? Не захватил ли он после смерти Жоффрея его дом и другое имущество? Уже давно Анжелика собиралась выяснить окончательно, какую роль играл этот человек в гибели ее мужа.

— Мне кажется, я немного пугаю вас? — продолжал принц.

— Нет, не пугаете. Но я считаю себя несколько недостойной беседы с вами. Ваши звания, титулы...

— О! Что вы понимаете в титулах? Что от них толку? Войска мне не доверяют, и, если Его Величество не пожелает преподать урок этим голландцам или англичанам, меня ждет скучнейшая старость.

Он взял ее под руку.

— Пойдемте. Мне будет приятно дойти до дверей, опершись на такую достойную руку.. Вот чем я обязан своему титулу: ни одного шага не могу ступить самостоятельно, кости болят, как у дряхлого старика. Кстати, вы не были в моем новом доме?

— Нет, — с бьющимся сердцем ответила Анжелика.

Анжелика была очень удивлена тому искреннему почтению, которое испытывал к ней знаменитый принц. Говорили, что, с тех пор как его любимая женщина Марта ле Вижеан ушла в монахини, принц де Конде перестал обращать внимание на женщин. Его суровость обескураживала самых дерзких поклонниц. Рядом с Анжеликой же этот бывалый солдат явно прилагал усилия, чтобы понравиться ей.

С трепетом Анжелика взошла по мраморным ступенькам. Каждая деталь в этом светлом красивом строении напоминала ей о Жоффрее де Пейраке.

— Вы молчите? — удивился принц после того, как они обошли оба этажа. — Обычно мои гости не скрывают своего восхищения. Вам не понравился дом? Впрочем, мне самому он не слишком нравится.

— Откуда эта трещина? — спросила Анжелика. — Смотрите, над окнами на стене тоже видны царапины...

— Я счищал знаки прежнего владельца этого дома. Когда-нибудь я полностью заделаю их. Сейчас я направляю все свои средства на устройство дома в имении, в Шантильи.

— Чем вам не понравились знаки?

— Этого человека прокляли. Его следы пугают меня. Это был человек, который изготавливал золотые слитки с помощью рецепта, который нашептал ему дьявол. Потом его сожгли. И король передал мне этот дом. Я до сих пор не уверен, добрые ли намерения руководили им в ту минуту...

Анжелика медленно подошла к окну и выглянула в сад.

— Вы знаете его? — не оборачиваясь, спросила она.

— Кого? Колдуна? Нет, и не жалею об этом.

— Я вспоминаю об этом процессе, — сказала Анжелика и ужаснулась своей смелости. — Кажется, это был тулузский дворянин... по имени де Пейрак.

— Вы правы, — безразличным голосом подтвердил де Конде.

— Я слышала, что главная причина его смерти была в том, что он не хотел поделиться своим секретом с господином Фуке, который в то время был очень влиятелен.

— Возможно. Его называли вторым королем Франции. Но он сделал много ошибок. Он не считался с людьми. Со мной, например...

Анжелика обернулась. Принц сидел в кресле. Его лицо заставило искривиться в злой усмешке упоминание о финансисте Фуке, но он ничем не проявил интереса к личности де Пейрака. Кто же тогда приставил к нему шпионить слугу Клемена Тоннеля? Фуке?

— Говорят, что колдун почти не жил в этом доме, — продолжал принц. — Мне-то здесь, в общем, неплохо. Меня не мучают кошмары! А вот конюх, который остался здесь от прежней прислуги, утверждает, что видит по ночам его призрак. Возможно. Иногда у меня появляется ощущение чьего-то присутствия, и тогда я стараюсь поменьше находиться под этой крышей. У вас не возникло такого впечатления?

— Нет, наоборот, — отозвалась Анжелика.

«Я здесь, словно у себя дома», — подумала она.

— Вам понравилось здесь?

— Здесь прекрасно. О, я хотела бы жить здесь! — внезапно воскликнула она, прижимая руки к сердцу.

— Ну так живите, если вам нравится, — ответил принц. Она осторожно посмотрела в его властные, но добрые глаза.

— Жить? В качестве кого? — поинтересовалась она.

Он улыбнулся и поднялся из кресла, чтобы приблизиться к ней.

— Знаете, я не так уж стар, как вы могли подумать. Мне всего сорок четыре года. У меня, правда, болят колени, но во всем остальном я вполне сохранился. Другими словами, я еще гожусь в любовники. Я не знаю, откуда вы появились в Париже и кто за вами стоит, но я уверен, что, приблизившись ко мне, вы только выиграете. Я знаю, конечно, что вы богаты, но я отдам вам сверх того весь этот дом, раз он вам так нравится. Я приму участие в воспитании ваших сыновей. А что касается упомянутых вами титулов, то позволю себе заметить...

Он скромно потупился.

— ...что это вовсе не так зазорно быть любовницей Великого Конде. Так уж устроено наше общество. Я буду представлять вас повсюду. Но почему вы так скептически улыбаетесь, мадам?

Он обнял ее за талию и приблизил к себе.

— Я предлагаю вам все это лишь потому, что влюбился в вас. Только я могу оценить ваше мужество и ум... О, как вы свежи! У вас такое изящное, но твердое тело... И у вас доброе сердце.

Если бы утром кто-нибудь сказал Анжелике, что через несколько часов сам принц де Конде признается ей в любви и будет прислоняться щекой к ее волосам, она не поверила бы.

— Мне довелось любить всего одну женщину. Разумеется, я не был ей всегда верен, но любил только ее. Но интриги, которые не переставали плести наши враги, разлучили нас. Теперь я потерял все: моя возлюбленная схоронилась в монастыре, а скотина Мазарини подписал Пиренейский мир... Но оставим это, я наскучил вам своими жалобами. Вы снова зажгли мое сердце, и я хочу во что бы то ни стало удержать вас около себя.

Пока он говорил, Анжелика мягко высвободилась из его объятий, но ей не хотелось задеть принца грубым отказом.

— Вы отвечаете: да; не правда ли? — нетерпеливо спросил он. — Умоляю вас! Или вы отказываетесь? Или вы любите другого? Только не рассказывайте мне, что это лакейская душа Одиже, который сопровождает вас по всему городу, как верная собачонка.

— Это мой деловой партнер. И мне он еще нужен...

— Какая вы расчетливая, моя дорогая!

— Да, я стала расчетливой. Поэтому не думайте обо мне лучше, чем я есть на самом деле.

— Вы мне нужны такой, какая вы есть!

Если бы он делал свое предложение в другом месте, что она ответила бы? Она не знала.

— Решайтесь, мадам. Оставайтесь здесь и позвольте мне любить вас. Она медленно повернулась к нему.

— Нет. Это невозможно, монсеньор.

## Глава 13

Когда ей пришлось в следующий раз встретить принца, он не казался обиженным. В любви он не был таким же безжалостным, как на поле сражения.

— Не сторонитесь меня, по крайней мере, — попросил он. — Я буду встречать вас по понедельникам у Нинон.

Однажды, услышав, как Нинон упомянула в разговоре имя де Сансе, она насторожилась.

— Извините, мне послышалось: Ранее. Это мои дальние родственники... А вы упомянули о...

— О Сансе. Это моя подруга, которая должна скоро прийти сюда. Мадам Фалло де Сансе.

— Фалло? — голос Анжелики дрогнул. — Она скоро придет к вам?

— Ну да. Мне так нравится ее остроумие. Такое злое!.. Оно вносит необходимую остроту в беседу.

— В таком случае, мне лучше удалиться. Я не выношу эту даму.

— Мадам Фалло де Сансе?

— Она причинила мне много зла.

— Но, по-моему, она уже здесь. Пойдите.

Анжелика старалась заглушить звучащий у нее в голове голос сестры Гортензии: «Уходи прочь! Не хочу тебя знать!» Собравшись с силами, она подняла глаза и глянула на гостью.

Гортензия была в новом платье, она почти не изменилась, только побледнела немного. Нинон взяла ее за руку и повела к Анжелике.

— Дорогая Гортензия, ты так давно мечтала познакомиться с мадам Моран. Так вот она перед тобой.

Анжелика не успела сбежать. Лицо Гортензии выражало сладкую любезность, она казалась совершенно спокойной.

— Здравствуй, Гортензия, — сказала Анжелика. Нинон оставила знакомых и пошла к другим гостям.

— Анжелика, — выдохнула Гортензия.

— Да, это я, ты считала меня умершей, не так ли?

— Да! — злобно прошептала сестра.

Она сжимала в руке веер, точно оружие. Брови ее сдвинулись, губы дрожали.

«Какая она уродливая», — с жалостью подумала Анжелика.

— И можешь мне поверить, — продолжала Гортензия, — что, по мнению нашей семьи, тебе действительно лучше было бы умереть.

— Не могу с вами согласиться.

— Что о нас теперь скажут? Дело о колдуне немедленно всплывет. Мы только сумели забыть, что ты была в нашей семье. И вот ты снова появилась!

— Если ты боишься только этого, то можешь не беспокоиться: графиня де Пейрак никогда не воскреснет. Мое имя — мадам Моран.

— Так это ты скрываешься под именем мадам Моран! Женщина, которая занимается торговлей наравне с мужчинами. Все твои поступки направлены только на то, чтобы очернить нашу фамилию!

— Гортензия, расскажи лучше, как поживают мои дети, — попросила она вдруг.

Мадам Фалло пораженно уставилась на нее.

— Да, мои дети, — повторила Анжелика. — Двое моих сыновей, которых я доверила тебе, когда меня прогоняли отовсюду.

— Любящая мать! Вспомнила о своих сыновьях, когда случайно повстречала меня!

— Я оставила их тебе до тех пор, пока не смогла бы сама позаботиться о них. Где они?

— Я... я давно не видела их, — с усилием произнесла сестра.

— Ты отдала их кормилице?

— Что мне еще оставалось делать? — вскричала мадам Фалло. — Как могла я оставить их у себя, когда мне нечем было кормить собственных детей?

Она затравленно обернулась по сторонам. Уголки ее губ опустились, она готова была разрыдаться.

— Анжелика, — сказала она потухшим голосом. — Я не знаю, как сказать тебе... Твои дети... Они были украдены богемцами!

— Как тебе стало известно об этом? — после долгого молчания спросила Анжелика.

— Мне сказала кормилица, когда я ездила к ней. Было уже слишком поздно разыскивать их... Нам пришлось переехать, Гастон

потерял практику, нам потребовалось несколько лет, чтобы встать на ноги...

Гортензия вытащила платок и стала вытирать им слезы.

— Их похитила грязная испанка, которая сказала, что она их мать. А когда кормилица пыталась прийти на помощь малышам, та ранила ее кинжалом. Мне пришлось заплатить за расходы на доктора...

— Успокойся, не плачь, Гортензия, — сказала Анжелика. — С детьми все обошлось. Этой цыганкой была я.

— Ты?..

— Только я не ранила никого ножом. Я всего лишь накричала на нее за то, что мои дети были в ужасном состоянии. Тебе все равно уже не удалось бы спасти их. В другой раз выбирай получше кормилиц..

— Действительно, с тобой всегда следует ждать «другого раза». Прощай, — разгневанная Гортензия повернулась и пошла прочь.

«Люди совсем не так злы, как кажутся», — подумала Анжелика.

— Что произошло? — подошла к ней Нинон. — Я видела, как ушла мадам Фалло. Вы поругались с ней?

— Напротив, это очень милая женщина, — ответила Анжелика.

\*\*\*

Вечером этого же дня разразилась знаменитая партия в «хоко» между мадам Моран и принцем де Конде.

Играть сели, как обычно, когда стало темнеть и в зал внесли зажженные свечи. Партия длилась обычно три-четыре часа, после чего следовал легкий ужин и гости разъезжались.

Игру начинало большое число игроков. В тот вечер их было пятнадцать. Затем они начали выбывать. Игра шла по крупным ставкам.

Внезапно Анжелика, которая вспоминала волнующую встречу с сестрой, осознала, что осталась за столом почти одна, кроме нее осталось всего три противника: принц, маркиз де Тианж и герцог де Ришмон. Назначать игру в этот момент была ее очередь.

— Вам везет сегодня, — неприязненно улыбаясь, произнес маркиз де Тианж. — Будьте осторожны.

— Даже слишком везет, — заметил герцог де Ришмон. — Но не забывайте, мадам, что если вы продолжите ставку, то вам в случае поражения придется вернуть каждому из игроков столько, сколько вы уже выиграли. Еще не поздно выйти из игры.

— Я увеличиваю ставки, — объявила Анжелика.

Герцог пожал плечами. Он был уверен, что теперь-то увлекшаяся мадам Моран непременно проиграет.

Их окружило кольцо зрителей. Никто не решался покинуть зал, не узнав, чем же закончится такое смелое поднятие ставок.

Несколько следующих туров принесли равные успехи игрокам, но на фоне прежнего разрыва маркиз де Тианж был вынужден выйти из партии. За ним последовал де Ришемон.

Теперь никто не сомневался, что победа будет за принцем. Никому еще не удавалось так долго лидировать в «хоко»!

Глаза принца де Конде таинственно сощурились. Он медленно тасовал карты. В зале воцарилась неправдоподобная тишина, которую нарушил невозмутимый женский голос:

— Продолжаю увеличивать.

Свечи коптели: слуги так увлеклись игрой, что позабыли обрезать фитили.

— Поровну, — твердым голосом объявил принц после розыгрыша. Это был невероятный случай, когда «поровну» следовало десять раз подряд.

— Такого не было лет десять, — сказал кто-то.

— Ваше слово, мадам? — медленно тасуя карты, поинтересовался принц.

— Увеличиваю.

Анжелика не испытывала ни малейшего волнения. Она не думала о том, что на карту поставлено почти все ее состояние, что от партии зависит будущее ее самой и ее сыновей. Она каким-то чутьем знала, что не может проиграть, что сейчас само провидение поможет ей или отвернется от нее, если она смалодушничает.

Игроки подошли к последнему этапу игры, называемому «по выбору». Это означало, что игроки либо отказываются продолжать игру и делят выигрыш пополам, либо соглашаются на решающий розыгрыш с очень высокими ставками, которые запрашивает каждый из игроков.

Анжелика на минуту задумалась. Она знала, что потребует от нее принц де Конде. Неужели в эту решающую минуту удача отвернется от нее? Взор ее оживился и загорелся почти жестоким огнем.

— Я продолжаю!



— В игре «по выбору» полагается произнести другую фразу: «Партия принимается. В случае моего выигрыша проигравший должен...»

Анжелика кивнула и повторила, улыбаясь:

— Партия принимается. В случае моего выигрыша господин принц должен отдать мне свой дом на улице Ботрейн.

По залу пробежал восторженный ропот. Все смотрели на принца. Он немного нахмурился, но потом нашел в себе силы и улыбнулся. Это был игрок, который не знал отступления.

— Партия принимается, мадам. В случае моего выигрыша вы становитесь моей любовницей.

Все взоры обратились теперь на Анжелику. Она не переставала лучезарно улыбаться. Снова воцарилась полнейшая тишина.

Анжелика взяла карты. Ей выпали валет с дамой вместе с мелочью, это была самая плохая раздача за весь вечер. Постепенно, в ходе обмена, она немного улучшила ее, составив малозначительную комбинацию.

Нерешительным движением она выложила свои карты. Принц, не шевелясь, смотрел в свои карты. Внезапно он поднялся, отбросил карты и отвесил ей низкий поклон.

— Дом ваш, мадам.

## Глава 14

Она не могла поверить своим глазам. Самая незначительная карта принесла ей самый дорогой выигрыш.

С мальчиками на руках она обежала все этажи своего нового жилища. Она не осмелилась сказать им:

— Это дом вашего отца.

Принц де Конде, когда въехал в этот дом несколько лет назад, не стал в нем ничего менять. Теперь он взял отсюда кое-какую мебель, но почти всю обстановку оставил Анжелике. Сам он решил уехать в свое имение, опасаясь, как бы слух о знаменитой партии не достиг ушей короля, который не любил слишком рискованные предприятия.

Вне себя от радости, Анжелика решила заполнить дом самой роскошной мебелью, коврами, которые ей только удастся достать. Она покупала множество вещей для устройства нового жилища: китайские безделушки, картины, белье, хрустальные вазы, позолоченную посуду. В числе других покупок был невысокий, но красивый белоснежный иноходец для Флоримона.

У Кантора теперь были два грозных пса, которых он мог перевозить в специальной позолоченной карете, в которой оставалось еще место только для него.

И наконец, согласно правилам этикета, Анжелике следовало дать торжественный обед с балом. Этот праздник посвящался переезду мадам Моран на новое место, что означало, что она перестала быть простой, хотя и богатой шоколадницей, но стала одной из светских дам, живущих в квартале Маре.

Готовясь к торжественному обеду, Анжелика вспомнила об Одиже, который мог бы дать ей ценные советы. Правда, она не видела его уже почти два месяца, и это означало, что она несколько запустила свои дела, но от такой передышки была даже некоторая польза. Самым важным было то, что корабли продолжали непрерывные рейсы.

Она написала письмо своему компаньону, в котором спрашивала о новостях и просила повидать ее. Одиже появился на следующий день, насупленный и неразговорчивый.

— Что скажете о моем дворце? — весело спросила Анжелика. — Не правда ли, это одно из лучших зданий Парижа?

— Я ничего не могу сказать про него, — мрачно ответил тот. — Мне он безразличен.

— Вы сердитесь? И не хотите разделить моей радости? Или вы не рады моему успеху?

— Успехи бывают разные. Есть успехи, которых добиваются упорством и трудом. Если не ошибаюсь, вага успех зависел от сдачи карт? А правду говорят, что в случае поражения вы должны были стать любовницей принца де Конде, который был вашим партнером?

— Это тоже правда, мой дорогой Одиже!

— И как бы вы поступили в случае проигрыша?

— Я стала бы его любовницей, Одиже! Вы же хорошо знаете, что карточный долг для меня священен.

Дыхание молодого человека участилось, на лбу его выступил пот. Анжелика поспешила прибавить:

— Но я не проиграла! Я стала владельцем этого великолепного дома. Разве он не стоит риска? Немного кокетства...

— Посейте зерна кокетства, и вы пожнете распутство, — голос Одиже стал совсем мрачным.

— Вы не понимаете жизни, мой друг. Посмотрите правде в глаза: я не проиграла и весьма далека от распутства. Кроме того, вам не о чем беспокоиться, так как мы не женаты. Не забывайте этого.

— Мне остается только мечтать об этом, — упавшим голосом ответил молодой человек. — Анжелика, давайте поженимся, умоляю вас! Пока еще не поздно!.. Уверю вас, что сейчас самое время.

— Самое время? — повторила она скорее для самой себя. — О нет. Не думаю...

Эти слова точно пощечина заставили Одиже отступить на два шага. Бедный коммерсант не понимал, какая огромная метаморфоза произошла с бедной служанкой, превратившейся в роскошную даму.

— Вы писали, что рады были бы видеть меня... — нерешительно проговорил он.

— Да, да! — воскликнула Анжелика, обрадовавшись возможности переменить тему. — Представляете, я решила дать званый обед, а потом устроить бал. Я хотела попросить вас заняться заказом блюд, устройством стола и инструктированием слуг.

Он покраснел, губы его сжались. Заметив, что ее предложение оскорбило его, Анжелика попыталась смягчить его:

— К кому же мне еще обратиться? Ведь вы самый замечательный знаток в этом деле. Вы пишете книгу, в которой...

Одиже не мог произнести ни слова от обиды. Он хотел обругать Анжелику, ударить ее, сокрушить все вокруг... Но он вовремя напомнил себе, что нет такой женщины, которая могла бы заставить мужчину выйти из себя, если бы он этого не захотел. Он выбрал самый достойный способ ретироваться.

— Я очень сожалею, но прошу не рассчитывать на меня, — сказал он надменным голосом.

На обеде присутствовали наиболее знатные люди Парижа, мадам Моран танцевала с дю Плесси-Белльером. На ней было голубое платье, шитое золотом, сливающееся со светло-синим камзолом маркиза.

Они были самой великолепной парой на балу. Анжелика с удивлением заметила на холодном лице Филиппа улыбку, когда он отводил ее после танца в глубь салона.

— С сегодняшнего дня вы перестаете быть баронеттой Грустного Платья, — сказал он.

Она хранила потом эти два слова в своем сердце, как хранят редкую драгоценность.

Ее происхождение по-прежнему оставалось для него загадкой. Он не мог поверить, что перед ним та самая женщина, которую когда-то он знал робкой девушкой, которая была его кузиной.

\*\*\*

Когда торжества по поводу ее переезда в желанный дом отшумели, на Анжелику внезапно напал приступ глубокой тоски. Ее стало угнетать одиночество, затворничество в огромном доме.

Сидя прохладными весенними ночами перед камином, она предавалась воспоминаниям. Ее безостановочная многолетняя деятельность опустошила ее. Что ждало ее впереди? Не считая детей, она была совсем одна в жизни.

\*\*\*

Новый дом Анжелики имел внутренний дворик, посреди которого находился старинный колодец, похожий, благодаря зубчатому окаймлению, на старинную монету. Край мог служить скамейкой, здесь приятно сидеть теплыми вечерами и предаваться размышлениям.

Однажды вечером молодая женщина вышла через запасную дверь во дворик и застала у колодца высокого старика с белой бородой, который набирал воду в два ведра. Это был один из прежних слуг де Конде, который, по его словам, служил еще графу.

Воспользовавшись случаем, она подошла к старику и спросила как его имя.

— Паскаль Арренжен, мадам, к вашим услугам.

— Ты гасконец или из Беарна?

— Почти, мадам. Я из Байонны. Другими словами, я баск.

— Правду говорят, что тот, кто велел построить этот дом, был из Лангедока?

— Точнее, он был из Тулузы, мадам.

— Как его звали?

Она почувствовала, что имя родного ей человека, произнесенное чужими устами, наполнит ее волнующими воспоминаниями. Но старик поднес палец к губам и испуганно огляделся по сторонам.

— Тише! Не надо произносить его имя. Он проклят! Сердце Анжелики сжалось.

— Значит, это правда? — спросила она, продолжая играть роль несведущей. — Говорят, его сожгли на костре как колдуна?

— Говорят.

Человек смотрел на нее с пристальным вниманием. Его бесцветные глаза, казалось, испытывали ее искренность, будто он намеревался сделать ей важное признание.

Внезапно он коварно улыбнулся.

— Говорят, — повторил он, — но это не верно. На площади Грев сожгли другого... мертвого.

Услышав во второй раз о мнимом сожжении, Анжелика пришла в такое волнение, что сердце ее бешено заколотилось.

— Откуда ты мог узнать это?

— Я видел его после казни.

— Где ты его видел?

— Здесь... Ночью... В центральной галерее. Он был там.

Анжелика в изнеможении закрыла глаза. Неужели она поверит рассказам выжившего из ума старика, которому пригрезилось, что он видел своего хозяина? Ей надо придерживаться совета Дегре.

— Это было той же ночью, после костра. Я ночевал здесь, во дворе. Никого больше не оставалось в доме, все разбежались. А мне некуда было идти... И я услышал шаги по галерее, его шаги.

Ухмылка обнажила его беззубый рот.

— Кто бы не узнал его шаги? Шаги Великого Хромого из Лангедока! Я зажег фонарь и вошел в дом. Шаги раздавались прямо передо мной, но я никого не видел, потому что остановился на лестнице. Потом я решился и выглянул в галерею. Он открыл дверь в свой кабинет и обернулся ко мне...

По спине Анжелики бежали мурашки.

— Ты узнал его?

— Я узнал его, как собака узнает хозяина своего, но я не видел его лица. На нем была маска. Маска из черной стали. Вдруг он погрузился прямо в стену, и я его больше не видел.

— Господи, уходи! Ты нагнал на меня страху! — Анжелика соединила руки, точно в молитве.

Старик удивленно посмотрел на нее, вытер руки о штаны и удалился, осторожно неся ведра.

Анжелика содрогнулась от ужаса, добрела до своей комнаты. Вот почему ей так страшно бывало вечерами в безмолвных комнатах! Она уронила голову на ладони и готова была разрыдаться.

В этот момент до нее донесся чей-то слабый заунывный голосок; мало-помалу он обрел интонации нежного пения, как будто запевал хор ангелов, знаменующий близость Рождества.

Анжелика решила, что пение мерещится ей, но она вышла в коридор и там отчетливо услышала голос поющего ребенка.

Взяв свечу, она пошла в спальню детей.

Светильник слабо освещал стоявшие рядом кровати. На одной из них стоял Кантор в белой ночной рубашке и пел, подняв глаза кверху. Он, действительно, напоминал ангела, поющего в раю. Голос его был необычайной чистоты, некоторые сложные слова песни он с трогательной наивностью упрощал, называя Иисуса «Сусом»...

## Глава 15

Мадам Моран обзавелась постепенно двумя экипажами, шестью лошадьми, двумя конюхами, четырьмя лакеями. Обслуга по дому состояла из двух слуг, повара, клерка и нескольких служанок.

Но, чтобы стать равноправной среди дам квартала Маре, ей следовало наладить отношения с церковью.

Анжелика почти не появлялась во время службы. Слишком много воспоминаний обрушивалось на нее, когда она переступала порог Божьего пристанища. Ей вспоминались ее давнишняя юношеская провинность перед Богом, пламя инквизиторского костра, монах Беше...

\*\*\*

Госпожа де Скаррон имела тайное намерение вернуть Анжелику в лоно церкви. Ей представлялось, что с Анжеликой это легче проделать, чем с несносной Нинон.

Они встречались часто у своих знакомых и обратно шли вместе. Обе они привыкли когда-то обходиться без карет и с удовольствием бродили по парижским улочкам. Сколько раз Анжелика одергивала себя, чувствуя, что заходит слишком далеко в своих рассказах! В свою очередь, мадам де Скаррон поведала ей о своем детстве в Ля Рошели, когда ей приходилось выпрашивать у иезуитов миску супа, чтобы не умереть с голода, о бесконечных путешествиях на муле, сопровождая тетюшку, приютившую ее.

Обе они не добивались до самых сокровенных глубин в своих исповедях, по родство их укреплялось, сердца сближались.

Другой соседкой, сделавшейся Анжелике со временем доброй подругой, была очаровательная маркиза де Севине.

Жизнь ее была подточена неразделенной любовью. По словам маркизы, она «заполнила в своем сердце недостаток любви стремлением к дружбе». Самым близким подругам она читала по вечерам свои давнишние письма, которые никого не могли оставить равнодушным.

Только у нее Анжелика могла услышать достоверные сведения о жизни Версаля, куда маркиза ездила иногда по личному приглашению

короля, который любил побыть в ее компании. Когда она замечала, что в глазах Анжелики появляется сожаление, она успокаивала ее:

— Не грустите, моя дорогая, Версаль — это королевство Беспорядка. После праздников куртизанкам некуда деться, так как король не заботится о них. Однажды мадам де Гиз и мадам д'Эльбев, не найдя себе уголка, отправились ночевать на конюшню.

Но Анжелика была уверена, что любая куртизанка согласилась бы ночевать на конюшне, лишь бы получить возможность оставаться в Версале. И она не была далека от истины.

Знаменитый королевский дворец, где она не собиралась показываться, прежде чем завоюет настоящее право сделать это, сделался в глазах Анжелики символом исполнения всех ее мечтаний, последним этапом борьбы с судьбой. Прорваться в Версаль!..

Анжелика не теряла надежды, что это рано или поздно свершится. Сколько преград ей уже удалось преодолеть на пути к заветной цели!

\*\*\*

Когда королева-мать умерла от рака, король, упавший в обморок от горя у ее изголовья, оправлялся от потрясений в Версале. Три дня бродил он в одиночестве по липовым аллеям, среди пышных клумб и мраморных статуй. Там он мог, никого не смущаясь, проливать слезы о той, которая сделала из него короля, умиленно созерцать, попадая в заветные покои, многочисленные букеты жасмина и собрание китайских безделушек — два пристрастия Анны Австрийской.

В это же время мадам де Монтеспан, прекрасная Атенаис, тоже потеряла свою мать. Она стала чаще приходить к Анжелике, так как ведение хозяйства раздражало ее. Однако выглядела она совсем не подавленно, а иногда даже весело. Она рассказывала о своем детстве. Отец ее был игрок и гуляка, а мать — святоша. Они виделись крайне редко, так как один отсутствовал по ночам, а другая проводила все дни в церкви. Соседи удивлялись, как им удалось родить нескольких детей. Атенаис рассказывала о жизни при дворе, но со всевозможными уколами и насмешками. Королева, по ее словам, была непроходимой идиоткой, а ля Валльер — ущербной простачкой.

Ходили слухи, что госпожи де Рур и де Суассон наведывались к Вуазен. Может быть, они собирались отравить ля Валльер?

В Париже много говорили об отравлениях. Три пожилые дамы из квартала Маре применяли средство, оберегающее от яда: к столу



выносили сундучок, в котором лежал кусок рога нарвала и коробочка со змеиными зубами...

Но молодое поколение не желало пользоваться опытом старших. Люди умирали при загадочных обстоятельствах, врачи обнаруживали при вскрытии, изъеденные отравой внутренности. По меткому выражению полицейского Дегре, «тарелка супа заменяла пулю в живот».

Анжелика познакомилась в числе других и с госпожой де Бринвилье. Той самой, которую она помогала когда-то грабить в карете на мосту Неф. Госпожа де Бринвилье не узнала ее, разумеется, но Анжелика чувствовала неловкость во время первого визита, так как доставшийся ей тогда браслет хранился теперь как сувенир в шкатулке рядом с кинжалом Родогона-Египтянина.

Мадам Моран пришла к ней, чтобы просить ее брата, заступившего на должность начальника полиции после смерти отца, хлопотать об освобождении одного бедняка, взятого под стражу за бродяжничество. Его имя было Легкая Нога.

Анжелика наткнулась на него, пересекая в карете площадь Пирали.

Положение его всегда было плачевным, так как у молодого человека рука не поднималась на воровство. Ему приходилось довольствоваться подачками, и даже в башне Несль Каломбрден согласился кормить его, не требуя взамен «налога».

Анжелика велела кучеру остановиться и спрыгнула на землю.

— Легкая Нога, что с тобой приключилось?! — воскликнула она.

— Ах, это... маркиза... — ответил несчастный. — Я не знаю, за что меня арестовали. Ничего плохого я не сделал никому.

— Я попытаюсь помочь тебе, — крикнула Анжелика вдогонку. Зная, что от письменного прошения толку не будет, она направилась сразу к господину д'Обрею. Она добилась освобождения на следующий день. А господин де Бринвилье, найдя в ней приятную собеседницу, пригласил ее в один из ближайших вечеров.

Легкая Нога, облаченный в яркую ливрею, был назначен слугой в детскую комнату. Ему нельзя было поручать сложных дел, но он был мягким и знал много детских историй.

Множество бродяг, побирušек и калек быстро запомнили дорогу в ее гостеприимный дом, где три раза в неделю им выносили горячий

суп, хлеб и одежду. На этот раз Анжелике не было нужды просить Жанина избавить ее от пришельцев. Ей хотелось помочь как можно большему числу своих собратьев по несчастью.

Несколько позже, после освобождения Легкой Ноги, Анжелика встретила Черного Хлеба. Он не изменился, на нем висели лохмотья.

— Я пришел за тем, чтобы предупредить тебя: если тебе дорога жизнь, перестань разъезжать по гостям.

— О чем ты говоришь, Черный Хлеб?

— О том, что тебе надо поостеречься, — мрачным голосом настаивал нищий.

— Кого?

— Твоей подруги, которая сегодня выходила от тебя.

Анжелика вспомнила, что сегодня утром к ней заходила госпожа де Бринвилье.

— Женщина маленького роста, одетая в малиновое пальто?

— Она самая. Я знаю ее достаточно, чтобы посоветовать тебе: опасайся ее, как дьявола!

— Ты с ума сошел! Да это же дочь самого господина д'Обрея, начальника полиции.

— Возможно. Но я предупредил тебя...

— Откуда ты ее знаешь? — улыбнулась Анжелика, ласково кладя руку на плечо бродяге.

— Однажды я ночевал в церкви Сент-Оппортуны. Меня накормили, дали одеяло... Я жил там несколько дней. К нам приходила эта дама. Она приносила с собой варенье и ветчину. Как она была добра! Только вот что странно: все больные, кто ел продукты, умирали как мухи, я быстро заподозрил неладное. Когда она подошла ко мне и сказала сладким голосом: «Возьми, покушай печенье», я ответил ей: «Спасибо, мадам, мне еще рано на небеса». Видели бы вы, какими глазами смотрела она на меня. В них был дьявольский огонь! Вот почему я говорю тебе: держись от нее подальше!

— Ты выдумал все это, мой бедный Черный Хлеб!

— Выдумал... выдумал! Я говорю то, что видел своими глазами. А еще я знаю человека по имени ля Шоссе, он слуга де Сен-Круа, который таскается за этой вашей Бринвилье. Ля Шоссе рассказывал мне много интересного.

Анжелика задумалась. Имя Сен-Круа заставило ее вспомнить налет на дом аптекаря Глазера, в лаборатории которого она обнаружила арсенид. Она вспомнила также слова Дегре о том, что самые коварные преступники не бродят по улицам с ножом за пазухой.

Анжелика вздрогнула. Мирный дамский квартал Маре!

— Я буду осторожной, Черный Хлеб, — ответила она. — Я не буду больше ездить к ней. Спасибо, что предупредил меня.

\*\*\*

Последний год Дегре навещал ее очень редко. Анжелика не могла забыть сцены, происшедшей па квартире, несмотря на подчеркнуто вежливое обращение полицейского. Она не могла избавиться в его присутствии от чувства страха и какой-то обнаженности.

Когда ее предупредили о его появлении, Анжелика скривила лицо и нехотя спустилась в вестибюль. Она провела полицейского в небольшой кабинет, где обычно вела деловые беседы.

— Не слишком-то вы рады моему приходу, мадам, — сказал он весело. — Мой визит испортил вам настроение? Но я хотел бы поздравить вас с таким замечательным приобретением.

Дегре обвел рукой кабинет, имея в виду дом де Конде.

— Я заходил уже несколько раз, но не мог застать вас дома. Бог его знает, отчего вам так везет!

— Бог-то этого не знает, но я уверена, что это знаете вы, — парировала Анжелика. — Не стройте из себя простачка, господин полицейский. Говорите напрямую, что вам сегодня от меня нужно.

— Деловая хватка! Как всегда... Ну что ж, перейдем к делу. У вас есть подруга, некая очаровательная госпожа де Бринвилье. Не могли бы вы при случае представить меня ей?

— Зачем вам это? Вы полицейский, а ее родной брат...

— Знаю, знаю. Но я не хочу знакомиться с ней в качестве полицейского. Я мог бы сделаться, например, молодым дворянином из вашего окружения, сраженным прекрасными глазами...

— Зачем вам это? — повторила Анжелика. — Зачем вы просите об этом именно меня?

— Потому что вы могли бы мне помочь.

— Я не кочу помогать, мм! — вскрикнула женщина. — Я не собираюсь вводить вас в круг своих знакомых, чтобы вы испортили

мне репутацию. Я не буду больше встречаться с этой женщиной. Я ни с кем не хочу больше встречаться. Оставьте меня в покое!

Руки ее дрожали. Молодой человек удивленно посмотрел на нее.

— Что с вами случилось? Ваши нервы расстроены, клянусь вам. Мне приходилось видеть вас яростной, обескураженной, но никогда — испуганной. И без видимой причины... Такой дом, такое убежище!

— Я не могу считать себя в убежище, если вы позволяете себе, когда вам вздумается, врывать в мой дом! Вы шантажируете меня моим прошлым. Я не знаю, чего вы от меня хотите, я ничего не желаю знать. Разве вы не понимаете, что я достаточно узнала о жизни, чтобы не вмешиваться в чужие истории? И если я пего и боюсь, так это вас, всех тех, кто хочет использовать меня в своих интересах.

Он задумчиво слушал ее, и в его грустных глазах чудилось выражена? побитого пса.

— Вы правы, — вздохнул он. — Вам причинили много зла. Вы имеете право отказаться в помощи. Прощайте, милое создание, я больше не потревожу вас.

Он ушел, и она больше не видела его. Поняв, что полицейский оставил ее в покое, Анжелика испытала облегчение. Она не желала больше ворошить прошлое, она освобождалась от него, как от поношенной одежды.

Пусть господин де Бринвилье поотравляет все свое семейство, Анжелике это безразлично. Ее не касаются дела, которыми занимаются сыщики. У нее другая цель: вновь появиться в Версале.

Но последние ступеньки ее восхождения оказались самыми трудными. Она задыхалась. Близилось самое жестокое сражение, которое потребует величайшего напряжения...

## Глава 16

Ранним вечером, когда Анжелика собиралась отправиться в гости к Нинон, ее известили, что незнакомый монах хочет передать ей что-то важное и срочное. У входа она встретила аббата, который сказал, что ее брат Раймонд хочет ее видеть.

Анжелика поднялась к себе, чтобы взять накидку и маску. Нелегко было иезуиту Раймонду решиться на встречу с вдовой колдуна!

Аббат сказал, что брат ждет ее недалеко от дома. На соседней улице они остановились около небольшого средневекового строения, принадлежащего теперь ордену иезуитов. Она поднялась по лестнице на второй этаж, где ее ждал высокий силуэт, держащий свечу.

— Это вы, сестра моя?

— Это я, Раймонд.

Не задавая лишних вопросов, Анжелика пошла за монахом. Он провел ее в небольшую слабоосвещенную келью. На ложе она разглядела бледное крохотное личико с закрытыми глазами.

— Она больна. Вероятно, она умрет, — сказал иезуит.

— Кто это?

— Мари, наша сестра.

После короткого молчания он добавил:

— Она попросила крова у меня. Я впустил ее, но мне потребовались помощь и совет женщины. Я вспомнил о тебе.

— Правильно сделал. Что с ней?

— Она потеряла много крови. Неудачная попытка освободить себя от плода...

Анжелика осмотрела девушку. Кровотечение было не сильным, но постоянным.

— Надо остановить кровь, иначе она умрет.

— Но я не мог пригласить акушерку. Ты же знаешь наш устав. Я даже не имею права впустить родную сестру. Я нарушил правила, но долго она оставаться у меня не может. Этот дом принадлежит семинарии, пойми меня...

— Как только ей окажут помощь, я возьму ее к себе. А теперь надо послать за Великим Матье.

Через четверть часа Флипо гнал лошадь к мосту Неф. Анжелике приходилось иногда прибегать к помощи знаменитого врача, например, после несчастного случая с Флоримоном, когда карета с ним перевернулась. Она знала, что у эмпирика есть чудодейственное лекарство, останавливающее кровь. А он знал, в свою очередь, что появляться у Анжелики можно, лишь завернувшись в темный плащ...

Он примчался сразу же и занялся больной с ловкостью и проворством практика, не переставая, впрочем, болтать по привычке.

— Эх, малышка! Почему ты не воспользовалась вовремя чудесным эликсиром, который Великий Матье продает на мосту Неф? Достаточно принимать его утром и вечером. Три-четыре капли на стакан молока, окунаешь затем в него раскаленный докрасна гвоздь — и пьешь!

Но бедная Мари ничего не слышала. Щеки ее были белыми, веки не открывались. Лицо ее казалось восковым в окаймлении черных волос.

Наконец Анжелика пришла к выводу, что кровотечение остановлено, а щеки больной слегка порозовели.

Великий Матье ушел, оставив Анжелике снадобье, которое девушка должна принимать, чтобы «заменить потерянную кровь». Он велел не двигать ее с места в течение нескольких часов.

Анжелика и Раймонд сели друг перед другом за столом, стоящим посреди кельи.

— Я думаю, что ранним утром мы сможем отвезти ее ко мне, — сказала Анжелика. — Скажи, Раймонд, как ты узнал, что я скрываюсь. Под именем мадам Моран?

— Было совсем просто узнать тебя. Я восхищаюсь тобой, Анжелика. То ужасное дело, жертвой которого ты стала, в прошлом.

— Не так уж далеко, — грустно возразила она. — Я еще не вернулась на ту высоту, с которой упала когда-то. На меня продолжают смотреть как на новоявленную коммерсантку.

Он пристально посмотрел на нее. Ему, священнику, были известны все способы избежать мирских трудностей.

— Почему ты не выйдешь замуж за человека с большим именем? У тебя достаточно поклонников, твои деньги, кроме красоты, привлекут многих. Ты приобретешь имя и титул.

Анжелика подумала тотчас о Филиппе, и кровь прилила к ее лицу. Выйти за него замуж? Сделаться маркизой дю Плесси-Белльер?

— Раймонд, как я не додумалась до этого раньше?

— Возможно, ты не до конца осознала себя вдовой и свободной женщиной, — сухо сказал брат. — Но сегодня у тебя есть возможность подняться наверх честным путем. Я могу помочь тебе в этом.

— Спасибо, Раймонд, — мечтательно сказала Анжелика. — Это будет чудесно... Ты даже представить не можешь, как низко я пала... Наверное, никто в семье не заходил так далеко. А Мари... Совсем юной она убегала к деревенским парням, а уж при дворе, должно быть, она перепробовала всех. Ты не спрашивал, кто отец ее ребенка?

— Я думаю, она сама этого не знает, — строго сказал иезуит. — Но знаю точно, что ей устроили подпольные роды, и содрогаюсь при мысли, что живой ребенок остался у этой колдуньи Вуазен.

— Она была у Вуазен?

— Я так думаю. Она бормотала в бреду ее имя.

— Кто же к ней не ходит? — пожала плечами Анжелика. — Даже брат короля просит ее совета. Она многое может...

Раймонд посмотрел на сестру, потом тяжело вздохнул.

— Анжелика, сестра моя, — медленно произнес он, — меня пугает наш век, пугают наши люди. Нравы так ужасны, преступления чудовищны. Только в этом году сотни женщин признались мне на исповеди, что умертвили в себе детей. Половина прихожан поведали, что задумывались о том, как умертвить близкого. Только церковь спасает нас от хаоса...

Анжелика с удивлением слушала признание высокопоставленного иезуита.

— Почему ты рассказываешь это мне, женщине, которая является одной из тех...

— Нет, ты как бриллиант. Камень благородный, твердый, но легкий, маленький. Я не знаю, что за ошибки ты совершила, куда тебя забрасывала судьба, но я уверен, что если ты их совершила, то потому, что у тебя не оставалось выбора.

Наивная благодарность наполнила сердце Анжелики. Точно прощение свыше сошло на нее, точно Божьей милостью одарили ее. Неожиданно для себя она опустилась на колени на каменный пол.

— Раймонд, хочешь услышать мою исповедь?

## Глава 17

Выздоровление Мари проходило в доме на улице Ботрейн. Болезнь отступала, но девушка оставалась молчаливой и безрадостной. Сначала она не выражала ни малейшей признательности за заботу Анжелики. Но по мере ее выздоровления Анжелика нашла подходящий случай для дружеской затрецины, и с тех пор сестры сделались большими приятельницами. Кроме Анжелики Мари ни с кем больше не говорила, и долгими зимними вечерами они сидели вдвоем у камина и рассказывали друг другу об общих знакомых, о событиях, происшедших во время их разлуки.

Выздоровев, Мари не спешила покинуть дом «своей подруги мадам Моран». Никто не знал, что они были родственниками. Королева прислала узнать, как себя чувствует ее любимица. Мари ответила, что она поправилась, но собирается уйти в монастырь. Ее решение оказалось серьезнее, чем казалось сначала.

Анжелика чувствовала большое облегчение после исповеди Раймонду. Отныне она могла войти в храм Божий. С удовлетворением окунулась она в атмосферу размеренных и торжественных церемоний, ей доставляло удовольствие слушание молитв, хоров...

Однако она не простилась с мыслью женить на себе Филиппа. Все ее мысли были заняты тем, как преодолеть равнодушие этого странного молодого человека, который, казалось, весь был сотворен изо льда. Он был довольно частым гостем в доме Анжелики. Он держался небрежно, говорил мало.

Глядя на его красивое лицо, она вспоминала всякий раз первую их встречу в Плесси, но это воспоминание несколько омрачало другое видение: она помнила белые руки Филиппа, хватающие ее бедра, ссадины, оставленные его кольцами.

Естественно, он не знал, что перед ним была женщина, которую он с друзьями пытался изнасиловать тем вечером.

Когда Филипп смотрел на нее, ей казалось, что он не замечает ее красоты. Он не делал ей комплиментов, даже самых банальных, он оставался холоден, и даже дети побаивались его.



— Меня волнует, что ты так заворожено смотришь на Филиппа, — сказала ей как-то вечером Мари. — Ты самая здравомыслящая женщина из тех, что я знаю. Как тебе не претит общество этого...

Она искала словечко покрепче, но не нашла и заменила его гримасой отвращения.

— Прекрасная тема разговора для молодой особы, которая собралась стать монахиней, — засмеялась Анжелика.

— Надо пользоваться случаем, — весело ответила сестра. — Если мужчина обнимает тебя так крепко, что не вырвешься, и одновременно нежно, — о, какое это блаженство!..

Ее хрупкое лицо с выражением коварной кошки потеплело. Но вскоре брови девушки строго сдвинулись.

— Надо заметить, что лишь немногие мужчины обладают этим умением. Но это лучшие из них. Филипп к ним не относится. У него одна манера обращаться с женщиной: он мучает их.

Наклонившись к камину, Анжелика старалась скрыть от сестры негодование, вызванное ее словами.

Женитьба на Филиппе дю Плесси означала для нее вершину многолетнего восхождения. Но ей хотелось, чтобы второй ее супруг был достойным, чтобы она могла с полным правом любить его.

На следующий день она поспешила навестить всезнающую Нинон, чтобы избавиться от терзающих ее сомнений.

— Что вы думаете о Филиппе дю Плесси? Куртизанка задумалась, приложив палец к щеке.

— По-моему, когда узнаешь его несколько ближе, он кажется хуже, чем сначала. Но, когда узнаешь его больше, замечаешь, что он не так уж плох.

— Не совсем поняла.

— Я хочу сказать, что в Филиппе совсем нет тех качеств, которые обещает его внешность: от него нельзя требовать любви. Но зато в нем есть черта, за которую его следует уважать. Он принадлежит к вымершей породе дворян с утонченным благородством и рыцарством. Он будет погибать, но никогда не попросит помощи.. А если обратится за ней, то только к королю.

— Я не замечаю в нем подобного величия!

— Но вы не замечаете в нем и низости, моя дорогая. Благородство не бросается в глаза.

— Говорят, что он жесток с женщинами?

— Говорят многое.

— Вы заставляете меня думать, что спали с ним.

— Но это так! Он заставил меня страдать, этот Адонис с голубыми глазами. Я слышала, что поговаривали о его холодности, но верила, что сумею воспламенить его. Бесполезно! Я затащила его в свой альков, но больше толку было бы от снеговика, слепленного во дворе, чем от этого красавца. Мне кажется, он нарочно заставляет себя быть жестоким, чтобы хоть немного прийти в форму.

— Это сумасшедший!

— Нет. Он всего лишь опоздал родиться. Ему следовало родиться пятьюдесятью годами раньше. Когда я его увидела, он странным образом взволновал меня, как если бы я встретила свою юность.

— Вашу юность, Нинон? — спросила Анжелика, всматриваясь в безупречную кожу на лице Нинон. — Но вы выглядите моложе меня.

— Про одних говорят: их тело стареет, но душа остается молодой. Со мной же совсем обратное. Моя юность выпала на конец прежнего правления. Мужчины были другими. Резня, восстания, дуэли, убийства. Молодые люди умели воевать, но не умели любить. Сколько было трагических судеб в ту пору!

— Нинон, не подражайте нашим бабушкам, это не идет вам!

— Но я должна немного поворчать на вас, Анжелика. Зачем вам этот холодный полководец? Ведь вы женщина, познавшая настоящую любовь. Вы не представляете, как далеки вы от Филиппа.

Анжелика покраснела, губы ее затрепетали, как у обиженного ребенка.

— Откуда вы знаете, что я познала настоящую любовь?

— Потому что об этом можно прочесть в ваших глазах. В их глубине таится грусть и радость воспоминания. Я знаю очень хорошо это выражение. Но оно говорит и о потере этой любви. Наверно, он женился на другой или обманул вас. Или же он умер...

— Он умер, Нинон!

— Тем лучше. Значит, вашу рану не будет ничто беспокоить. Анжелика поспешно поднялась с дивана.

— Не говорите больше ничего. Нинон, прошу вас. Я хочу выйти замуж за Филиппа. Вы не можете понять, зачем мне это надо. Я не

люблю его, это правда, но он притягивает меня. И я всегда была уверена, что однажды он будет принадлежать мне.

\*\*\*

Филипп продолжал появляться в салоне у Анжелики, но интрига не развивалась.

Наконец Анжелика спросила себя, не к ее ли сестре ездит маршал. Но Мари уехала в монастырь Сен-Жак, чтобы помогать монахиням готовиться к пасхе, а Филипп не перестал наносить визиты.

В Париже было известно, что в салоне у Анжелики подают замечательный ликер, приготовленный самой хозяйкой. Анжелика очень гордилась своим умением готовить изысканные напитки, но ее ранила мысль, что только ликер заставляет Филиппа навещать ее.

С приходом весны ситуация не изменилась. Анжелика связывала с замужеством столько надежд, что не решалась на активные действия. Сделавшись маркизой, она вернется ко двору, попадет в родную стихию. Кроме того, она завоюет белый, похожий на плывущего лебедя замок дю Плесси недалеко от ее родного Монтелупа.

Не зная, что ей предпринять, Анжелика решила пойти к Вуазен и узнать у нее свое будущее. Удобный случай подвернулся, когда к ней зашла мадам де Скаррон.

— Анжелика, вы должны обязательно сопровождать меня к Вуазен. Дело в том, что наша сумасшедшая Атенаис хочет узнать что-то у старухи, но просит, чтобы с ней пошли еще две женщины, которые своими молитвами разогнали бы злых духов.

— Я пойду с вами, Франсуаза, — согласилась Анжелика.

Вуазен оказалась пьяной настолько, что едва держалась на ногах. Но она устремилась к посетительницам и схватила за руку де Скаррон.

— Ну-ка, что тут у вас? У вас спокойная судьба. Я вижу море, потом ночь, а за ней солнце. Ночь — это изгнание. Солнце — это король. Король полюбит вас, красавица. Может быть, даже он возьмет вас в жены.

— Это неправда! — вскричала Атенаис. — Это я пришла к вам, чтобы услышать предсказание! Вы все перепутали!

— Не сердись, милочка, — ласковым голосом зашебетала старуха. — Что же, мне трудно погадать двум сразу? У каждого своя судьба. Дай-ка мне твою руку. У вас я тоже вижу солнце. Вас тоже полюбит король. Но... вероятно, он не женится на вас.

— Чума вас забори! — Атенаис яростно отдернула руку.

Но старуха уже уцепилась за протянутую руку Анжелики. Глаза ее округлились, она покачала головой.

— Необыкновенная судьба! Ночь, ночь, но кругом огонь. Все пожирает огонь.

— Мне хотелось бы узнать, выйду ли я замуж за маркиза? — скромно спросила Анжелика.

— Я не могу сказать вам, кто будет это — маркиз или нищий, но я вижу две свадьбы. Вот смотрите, две черточки сбоку. А затем шесть детей. Но главное — огонь! Он сожжет вашу жизнь. Он настолько силен, что затмит солнце. Король полюбит вас, но вы не будете любить его. Любовь украдет огонь.

В карете Атенаис ругалась сквозь зубы и поносила колдунью.

— Она не стоит тех денег, что ей платят. Послушайте ее бредни! Вас полюбит король! Она говорит это всем подряд.

\*\*\*

От мадам де Паражонк Анжелика узнала последнюю новость.

— Знаете, что мадам де ля Муанье выдает замуж свою дочь?

— Это в порядке вещей, — отозвалась Анжелика. — Малышка не слишком красива, зато богата. У нее есть все шансы сделать хорошую партию.

— Вы, как всегда, правы, моя дорогая. Ей удалось пленить самого маркиза дю Плесси-Белльер.

Анжелика побледнела. С трудом она нашла слова для ответа.

— Но мне казалось, что маркиз предпочел бы жениться на представительнице более знатного рода.

Пожилая женщина усмехнулась.

— Один мой крестьянин сказал как-то: «Деньги лежат на земле. Но, чтобы иметь их, нужно нагнуться». Всякий знает, что у младшего дю Плесси пусто в карманах. Он играет в карты в Версале...

Анжелика уже не слышала ее. Ее охватил приступ отчаяния. Закрылась последняя лазейка, способная пропустить ее к свету Короля-Солнца... Она остановится на уровне Одиже, сделается обыкновенной коммерсанткой, а дети ее никогда не станут дворянами.

## Глава 18

Эту ночь она не могла сомкнуть глаз. Утром она была в церкви и слушала мессу. Из церкви она вышла успокоенной, хотя и не принимала никакого окончательного решения.

Но она стала с особенным старанием готовиться к выезду. Она выбрала самое дорогое платье, цвета увядшей листвы, с позолотой, самые нарядные кружева. Анжелика знала, что это платье вместе с жемчужным ожерельем очень шло ей, хотя и немного старило.

Собачка Хризантема, высунув язычок, следила за действиями своей хозяйки, надеясь, что ее возьмут на гулянье.

Анжелика нерешительно спустилась вниз и долго не отдавала приказа кучеру трогаться.

Все же, подъезжая к саду Тюильри, она взбодрилась. Глаза ее заблестели, она достала из сумочки зеркальце и внимательно осмотрела свое лицо. Она выглядела сегодня как нельзя лучше.

Анжелика улыбнулась, взяла на руки Хризантему и направилась к воротам парка. Она пыталась убедить себя, что ей нечего бояться, что Филиппа наверняка нет на прогулке. Но он оказался там в компании принца де Конде.

Анжелика решительно пошла к ним навстречу. Ей вдруг пришла мысль, что раз уж Филипп оказался здесь в тот час, то ее план непременно должен удался.

Она подошла к ним и поздоровалась. На ходу она поискала глазами юную ля Муанье, но ее соперницы поблизости не оказалось.

— Здравствуйте, моя дорогая! — приветствовал ее де Конде. — Не окажете ли любезность прокатиться в моей карете?

Но Анжелика ответила, бросив взгляд в сторону Филиппа:

— Пусть Ваша светлость простит меня, но господин маркиз уже пригласил меня на прогулку.

— Ох уж эти молодые проныры! — вознегодовал принц. — Маркиз! Вы собираетесь похитить у всех самую очаровательную даму столицы?

— Избави меня Бог от этого, монсеньор! — подошел к ним Филипп, не понимающий, о какой женщине идет речь.

— Ну что же, забирайте ее. Но все же не забывайте, что не вы один способны оценить ее восхитительную улыбку.

Сделав реверанс принцу, Анжелика взяла под руку Филиппа, и они пошли по аллее к стоящей неподалеку карете.

Неподалеку на лавочке сидели господа де ля Фонтен, де Расин и де Буало.

— Фазан и фазанка! — сказал де ля Фонтен.

Опустив глаза, Анжелика наблюдала за неспешными шагами маркиза. Ни у кого в королевстве больше не было такой величественной походки, ни у кого не было таких стройных ног. «Даже у короля, — подумала она. — Надо попасть в Версаль».

Они войдут в центральную галерею вот так же, под руку с Филиппом. Придворные замрут от восторга, глядя на их восхитительное убранство. Они остановятся в нескольких шагах от короля... «Мадам маркиза дю Плесси-Белльер...»

Ее пальцы чуть сильнее сжали запястье Филиппа. Тогда он произнес удивленно:

— Я так и не понял, почему господин принц отделался от меня с помощью вас.

— Потому что он хотел таким образом доставить вам удовольствие. Он вас любит сильнее, чем сына. Вы больше подходите ему по духу.

Она добавила разочарованным голосом:

— Мое присутствие в тягость вам? Вы ожидали кого-то другого?

— Нет. Я вообще не собирался ехать на прогулку сегодня.

Она не осмелилась спросить почему. С Филиппом это случилось: его решение нельзя было принимать всерьез, но никто не смел спрашивать о том, почему он передумал сделать то или другое.

Они сели в карету и поехали по аллеям сада. Никогда еще Анжелика не была так подавлена молчанием Филиппа. Ей не оставалось ничего иного, как забавляться с Хризантемой и смотреть на встречные экипажи. Несколько раз она собиралась завязать беседу, но равнодушный профиль Филиппа отбивал у нее всякую охоту.

Они подъехали к месту, где деревья сомкнулись над аллеей, и в карете сделалось совсем темно. Кучер спросил через лакея, возвращаться ли ему или ехать прямо через Булонский лес.

— Прямо, — велела Анжелика, не дожидаясь ответа хозяина кареты. Молчание наконец было нарушено, и она воспользовалась этим.

— Знаете ли вы, какую небылицу рассказывают о вас? Говорят, что вы женитесь на дочери ля Муанье.

Он повернул к ней лицо.

— Это чистая правда, моя дорогая.

Анжелика справилась с замешательством и продолжала:

— Но это невозможно! Вы, такой элегантный, свяжете свою жизнь с этой неловкой дурнушкой?

— Я разделяю ваше мнение о ней.

— Что же вас тогда притягивает в ней?

— Ее состояние.

Мадемуазель де Паражонк, таким образом, сказала правду, Анжелика глубоко вздохнула, чтобы перевести дух. Это всего лишь вопрос денег! Все будет улажено.

— О Филипп! Я не знала, что вы такой расчетливый!

— Расчетливый? — повторил он, поднимая брови. — Но чего же вы от меня ждали, если мой отец почти не посылает мне ничего?

— Для вас, следовательно, женитьба — деловая сделка?

— А что же еще?

— Например... союз с любимой...

— О, если вас волнует семейная сторона, моя дорогая, то уверяю вас, я наделаю ей целый ворох детей!

— Нет! — гневно вскрикнула Анжелика.

— Она будет иметь их за свои деньги.

— Нет! — повторила Анжелика, топнув ногой. Филипп удивился еще сильнее.

— Вы не хотите, чтобы у моей жены были дети?

— Речь идет не о детях, дорогой Филипп. Я не хочу, чтобы она была вашей женой. Вот и все.

— Почему бы ей не сделаться моей женой?

Анжелика даже вскрикнула от переполнявшего ее волнения.

— Филипп! Неужели вы не понимаете смысла нашей беседы? Вы заставляете меня говорить напрямую.

Она пришла в ярость. Чем ей пронять равнодушие этого баловня? Его улыбка вывела ее из себя.

— Почему бы вам не жениться на мне вместо этой девчонки? У меня приличное состояние, которое не зависит от урожайности лета.

— Жениться на вас? — пораженно повторил он и засмеялся весьма невежливо.

— Мне сделаться мужем шоколадницы?

Анжелика густо покраснела. Как обычно, Филипп опрокинул ее доводы одной репликой.

— Мне кажется, я не претендую на смешение своей крови с королевской. Не забывайте, что моя фамилия де Сансе де Монтелуп не менее знатна, чем ваша, мой кузен, а род даже древнее. Ведь по мужской линии ваш род не тянется дальше Генри II.

Он посмотрел на нее долгим взглядом, и легкая заинтересованность появилась на его лице.

— Кажется, вы уже говорили мне что-то в этом роде. Вспоминаю. Это было в Монтелупе, в вашем полуразвалившемся замке. Расхристанная, непричесанная замарашка, стоя под лестницей, доказывала мне, что ее кровь благороднее моей.

Анжелика попробовала улыбнуться. Потом она почти прошептала умоляющим голосом:

— Филипп, женитесь на мне. У вас будут мои деньги. Я благородной крови. Про шоколадное дело все быстро забудут. Сейчас многие дворяне занимаются коммерцией.

Она замолчала, потому что он не слушал ее. Он думал о своем или вообще ни о чем не думал. Если бы он спросил ее: «Почему вы хотите выйти за меня замуж?» — она воскликнула бы: «Потому что я люблю вас!». Так как в эту минуту она поняла, что любит его той девичьей любовью, которая зародилась было когда-то в ней в Монтелупе. Но он не спросил.

— Поймите меня, мне надо вернуться в свою среду... обрести имя... предстать перед королем...

Она сейчас же пожалела об этом признании, но он, кажется, ничего не слышал. Однако Филипп усмехнулся и молвил:

— Значит замужество — это все-таки сделка?

Потом он перестал улыбаться и решительно объявил:

— Нет, моя дорогая, и не надейтесь.

\*\*\*



Карета выехала на людные места. Анжелика принялась машинально отвечать на поклоны гуляющих. У нее было ощущение, что солнце погасло, а жизнь перестала иметь смысл. Неужели ничего нельзя больше предпринять?

— Господин принц кивнул вам, — заметил Филипп. — Вы единственная женщина, к которой монсеньор питает какие-то чувства.

Маркиз слегка усмехнулся, непонятно было, насмешка это или одобрение.

— Со дня смерти его возлюбленной, госпожи ле Вижеан, он поклялся, что будет получать от женщин только физическое удовольствие. Он сам мне в этом признался. Но я не могу понять, чего же он требовал от них раньше?

После некоторого молчания Филипп снова продолжил разговор о принце де Конде.

— Он мечтает только об одном: о войне. Едва он прослышал об агрессивных планах Его Величества, как стал виться рядом с ним и оплачивать его долги золотыми пистолетами.

— Какой героизм! — хмыкнула Анжелика, миролюбивый тон кавалера стал обнадеживать ее. Быть может, маршал смиростивится и изменит свое решение?

— Чем только не жертвовал этот хитрец, чтобы добиться расположения короля! Если вспомнить, что было время, когда он собирался отравить короля!..

— О чем вы говорите, мадам? — встревожился Филипп. — Монсеньор интриговал против Мазарини, он был во вражде одно время с королевской семьей, но чтобы покушаться на жизнь Его Величества!..

— Не прикидывайтесь невинным, Филипп. Вы хорошо знаете. Ведь заговор зрел не где-нибудь, а в вашем фамильном замке.

Воцарилось молчание, которое подтвердило, что Анжелика на верном пути.

— Вы с ума сошли! — нерешительным голосом сообщил Филипп. Он побледнел, его глаза наконец приняли внимательное выражение. Она сказала тихим, но твердым голосом:

— Я была там. Я их слышала. Я их видела. Всех: принца де Конде, монаха Эксили, графиню Бофор, вашего отца и еще несколько

человек. Все целы и невредимы, а кое-кто даже ездит в Версаль. Тогда же все они служили Фуке!

— Неправда!

Закрыв слегка глаза, Анжелика стала читать по памяти: — «Я, принц де Конде, клянусь господину Фуке повиноваться всю жизнь ему одному, содействовать ему своими войсками...»

— Замолчите! — в ужасе крикнул маршал.

— «Составлено в Плесси-Белльер 20 сентября 1649 года».

— Глупая женщина, — Филипп немного оправился и надменно пожал плечами. — Зачем вы ворошите прошлое? Никто не поверит вам.

— Король никогда не прощал изменников. Когда арестовали Фуке? Не так давно. Но сообщников так и не нашли. Неужели вы полагаете, что король поверил, что их и не было?

Молодой человек торопливо пододвинулся к ней на бархатной скамейке. Если бы это движение предвещало страстный поцелуй!

Филипп схватил ее запястье и сжал с такой силой, что молодая женщина закусил губу. Все же она предпочитала видеть его таким вот грубым рядом с собой, чем галантным и предупредительным на расстоянии.

Маркиз тяжело дышал и не сводил с нее пронизывающего взгляда.

— Флаконт с ядом!.. — выпалил он. — Это вы похитили его?

— Да, я.

— Негодяйка! Я всегда подозревал, что вы разнюхали что-то. Мой отец в это не верил. Исчезновение шкатулки с ядом терзало его до самой смерти. Так это сделали вы! Шкатулка до сих пор у вас?

— Где же еще?

Он пробормотал какое-то ругательство, его красивые губы, сжавшись в презрительную гримасу, восхитили Анжелику.

— Отпустите меня наконец, — велела она. — Мне больно. Он нехотя отпустил ее руку. Лицо его пылало.

— Я знаю, что вам хотелось бы сделать мне еще больнее, — сказала она. — И даже заставить меня замолчать навсегда. Не делайте этого, Филипп. В день моей смерти мое признание будет передано через надежные руки прямо королю.

Снаружи уже наступал вечер, солнце садилось за деревья, и в парке быстро становилось темно. Карета бесцельно катилась обратно в

Булонском лесу.

Филипп сидел неподвижно и своей бледностью напоминал статую.

— Принц — мой друг. Он был другом моего отца, — вымолвил он наконец. — Не следует выдавать его... Сколько вы хотите за вашу шкатулку? Я достану деньги, не сомневайтесь.

— Мне не нужны деньги.

— Что вы хотите взамен?

— Я уже вам сказала некоторое время назад. Мне нужно, чтобы вы женились на мне.

Всю обратную дорогу они молчали. Только когда карета остановилась у дома Анжелики, она спросила:

— Ну что же, маркиз? Куда завели вас размышления?

Он зашевелился и показался ей разбуженным после плохого сна.

— Я женюсь на вас, мадам! Завтра вечером я буду ждать вас у себя на улице Сен-Антуан. Вы сможете обсудить с моим управляющим условия контракта.

Поднявшись к себе в кабинет и отослав Жавотту, она поняла вдруг, что достигнутая цель не вызывает в ней ощущения триумфа.

Слезы текли по ее щекам. Она плакала и клялась себе, что эти слезы слабости — последние в ее жизни.

## Глава 19

Появившись на следующий день в доме у Филиппа, Анжелика держалась уверенно, но не заносчиво. Она решила, что ей не следует останавливаться на полдороге.

В салоне, который освещался лишь огнем камина, она встретила пожилого мужчину и с изумлением узнала в нем старого Молина.

— Господин Молин!.. Возможно ли?.. Как я рада вновь встретить вас.

— Благодарю вас, мадам, — старик поклонился. — Прошу садиться вот в это кресло.

Он тоже сел напротив камина за столик, на котором лежали необходимые для записей принадлежности.

Пока он затачивал перо, Анжелика успела получше рассмотреть его. Молин постарел, но черты его лица не были дряблыми, взгляд оставался быстрым и жестким. Одни волосы, совсем побелевшие, напоминали о его годах.

— Как поживает мой отец, Молин?

— Господин барон в добром здравии, мадам.

Сидя рядом с Молином, Анжелика почувствовала себя юной девушкой. Она вспомнила, как уговаривал ее выйти замуж за графа де Пейрака Молин. Как странно, что сегодня именно он участвует в подготовке ее второго брака.

— Помните, Молин, как мы сидели точно так же перед моей первой свадьбой? Благодаря вам, я сделалась счастливой.

Старик перевел на нее строгий взор из-под густых бровей.

— Мы здесь для того, чтобы скорбеть о вашем первом замужестве или чтобы обсудить условия второго?

Щеки Анжелики порозовели.

— Вы жестоки, Молин.

— Вы тоже, мадам. Я имею в виду средства, с помощью которых вы принуждаете жениться на вас моего молодого хозяина.

Анжелика подумала, что теперь она не пугливая девушка, которая трепещет перед всемогущим управляющим, от которого зависит

благосостояние ее семьи. Теперь она сама твердо стоит на своих ногах и не разрешит никому влиять на ее решения.

— Когда-то вы сказали мне: «Если хочешь добиться чего-либо, надо идти на жертвы». В этом деле я тоже кое-что теряю, а именно уважение к самой себе. Тем хуже для меня. Но у меня есть цель.

— Если от моего одобрения вам станет немного легче, считайте, что вы его получили, мадам.

Настала очередь Анжелики улыбнуться. Она всегда могла найти общий язык с Молином. Как хороню, что она обрела хоть какую-то поддержку в этом щекотливом деле.

— Мадам, — перешел к делу управляющий, — мы должны быть предельно точными в формулировках. Господин маркиз дал понять мне, что речь идет о весьма важных вещах. Поэтому я должен изложить вам вначале ряд условий, без которых помолвка не состоится. Затем вы изложите свои требования. Все будет скреплено письменным соглашением. Прежде всего вы должны поклясться, что знаете, где находится шкатулка, которая интересует маркиза. Только в этом случае возможны дальнейшие переговоры.

— Я готова сделать это, — подтвердила Анжелика, подняв руку.

— Через несколько минут господин дю Плесси представит вам своего поверенного. А сейчас я зачитаю вам суть контракта. «Будучи уверенным, что госпожа Моран предоставит в его распоряжение интересующую его шкатулку, господин маркиз дю Плесси-Белльер обязуется жениться на госпоже Моран, урожденной Анжелике де Сансе де Монтелуп, при условии выполнения следующих условий: господин маркиз получает вышеупомянутую шкатулку и получает право свободно распоряжаться собственностью своей супруги!..»

— Извините, Молин! — живо прервала его Анжелика. — Речь идет только о прибыли с предприятий. Я согласна назвать в контракте сумму годовой ренты, которая будет отчисляться маркизу, но я желаю остаться единственной обладательницей и управляющей моих предприятий. Я слишком хорошо знаю мотовство придворных сеньоров.

Молин зачеркнул несколько фраз и дописал новые. Затем он попросил ее подробно перечислить все свои предприятия, и Анжелика с удовольствием рассказала этому старому лису о своих успехах в

коммерции. Она ссылалась на известнейшие имена, у которых управляющий мог справиться о достоверности ее слов.

Она прочла в глазах Молина искреннее восхищение.

— Вы многого достигли, мадам. Скажите, с какого капитала вы начали? Анжелика рассмеялась и торжествующе, и немного злорадно:

— Я не имела никакого капитала, Молин. У меня не было ничего! Бедность, в которой мы жили в Монтелупе, была ничто по сравнению с той нищетой, в которой я оказалась после смерти графа.

Молин подошел к камину и бросил в него несколько поленьев.

— Я должен рассказать вам о шахте, где добывали серебро, — усаживаясь на место, сказал он. — Последние годы она выручала вашу семью, давая неплохой доход. Сейчас вы имеете право взять ее в свои руки.

— Почему же шахту не отобрали вместе с другим имуществом моего мужа?

— Королевские контролеры упустили ее из виду. Она была записана на ваше имя. Собственник ее не был ясен до конца...

— Это так похоже на вас, дорогой Молин! — улыбнулась Анжелика. — Вы всегда ухитрялись служить сразу нескольким хозяевам.

— Ничего подобного! — с задетым видом возразил управляющий. — У меня нет нескольких хозяев, мадам. У меня есть несколько дел.

— Я поняла разницу, мэтр Молин. Давайте продолжим разговор о деле. Итак, в обмен на шкатулку и деньги маркиз должен передать мне свое имя и титул. Я и мои дети должны быть представлены его семье. Я должна быть поставлена в известность о стоимости имущества, которым он располагает.

— Хм!.. Боюсь, мадам, что здесь вас ждет разочарование. Маркиз располагает множеством долгов, а что касается имущества... Кроме дома в Париже у него есть еще два замка: один в Турине, доставшийся ему от матери, другой в Пуату. Земля вокруг обоих замков почти не приносит доходов. Средств катастрофически не хватает ни маркизу, ни его отцу. Король, благосклонный к нему, изредка жалует маркизу выгодную должность, но тот быстро перепродает ее, чтобы заплатить тот или иной долг.

«Если я сделаюсь маркизой, — подумала Анжелика, — Молин станет моим управляющим. Как любопытно! Никогда не могла

предположить такого. Он попытается, конечно же, запустить свои длинные пальцы в мои дела. Я не должна доверять ему. Но в то же время это неплохо. В его лице я найду замечательного советчика».

— Могу ли я предложить вам внести дополнительную поправку?  
— прервал ее мысли Молин.

Старик снял очки и с улыбкой посмотрел на Анжелику.

— Мое мнение таково, что ваш брак может быть очень удачным. В таком случае, у меня есть все основания желать вам добра обоим.

— Пожалуй. В чем же заключается ваша поправка?

— Вы должны потребовать выполнения маркизом... так сказать, супружеских обязанностей.

— Супружеских обязанностей? — изумилась Анжелика.

— Ну конечно же! Мадам... Неужели вы не понимаете, о чем я хочу сказать?

— Отчего же, понимаю. Но вы меня удивляете. По-моему, достаточно ясно, что наш брак...

— Достаточно ясно другое. Вы не станете отрицать, что чувства, которые питает к вам маркиз, далеки даже от дружеских?

— Ну и что из этого? — Анжелика была близка к тому, чтобы рассердиться, хотя ей пришлось признать справедливость слов управляющего. — Мне нужно, прежде всего, имя, его титул. Остальное мне безразлично. Пусть он презирает меня и спит с кем угодно, если ему это нравится. Я не стану бегать за ним!

— Мне кажется, мадам, что вы недостаточно хорошо знаете мужчину, за которого собираетесь выйти замуж. В данный момент ваша позиция сильна, и вы можете диктовать свои условия, вот почему вы считаете его слабым. Но вам надо заботиться о том, чтобы сохранить преимущества и в дальнейшем. Иначе... Вы будете исключительно несчастливы!

Лицо молодой женщины приняло ожесточенное выражение, она проговорила сквозь зубы:

— Он не сделает меня несчастнее, чем мне довелось уже быть! Я не прочь помериться силами...

— Я не собираюсь предложить вам способ защиты. Послушайте, Анжелика, я намного старше вас и могу называть вещи своими именами. После вашей свадьбы у него будет все: и шкатулка, и деньги.

Чувства его не интересуют. Но его может заинтересовать постель. Только этим путем вы сможете покорить его.

— Довольно сложный путь, — заметила Анжелика. Поразмыслив немного, она поняла, что управляющий прав, ведь в глубине души она надеялась на близость с Филиппом уже в первую же ночь после свадьбы.

— Я думаю, что с вашей внешностью вы победите, — добавил Молин, — но не надейтесь на быструю победу. Филипп не любит женщин, хотя он хорошо знает их.

— И все же ему доводилось пускаться в отчаянные наслаждения, например, с пленницами во время Норгенской кампании.

— Это были страсти, разожженные войной. С равной жестокостью он призывал поджигать деревни и закалывать попадавших детей.

— Вы говорите ужасные вещи, Молин!

— Я не хочу пугать вас, хочу только предупредить. Ваша семья благородного происхождения, но она слишком долго жила в провинции и... немного отстала от жизни. Вы не знаете, в каких развращенных условиях воспитывались молодые люди, подобные моему хозяину. С раннего детства он был игрушкой в руках служанок и лакеев, а затем и сеньоров, к которым его направили в качестве пажа. Л элементы итальянского воспитания, которые ему преподали...

Молин сел в кресло и снова надел очки.

— Должен ли я вписать эту поправку?

— Вписывайте, что хотите. Я...

В этот момент открылась дверь, и она прервала себя на полуслове. В сумраке зала показался светлый силуэт Филиппа. Он был одет торжественно, будто собрался сразу же после переговоров отправиться на бал.

— Контракт составлен, Молин?

— Да, господин маркиз. Мадам Моран согласна с вашими требованиями и не изменила своих.

— Вы готовы подтвердить перед распятием, мадам, что шкатулка действительно у вас?

— Да, — ответила Анжелика.

— Пройдите сюда, господин Каретт, — обернувшись, позвал Филипп.



За его спиной возник силуэт священника. Он молча подошел к Анжелике и протянул ей крест, перед которым Анжелика поклялась, что знает место, где спрятана шкатулка. Затем Молин зачитал контракт, назвав сумму ренты.

— Хорошо, Молин, — кивнул головой Филипп. — Как скоро мы можем закончить с этим неприятным делом?

Управляющий кашлянул и встал со своего места.

— Есть еще одна поправка, на которой настаивает госпожа Моран. Вот она: «Финансовая сторона контракта войдет в силу лишь при условии исполнения повенчанными их супружеских обязанностей».

— Невозможно!.. Это невозможно! — Филипп задохнулся от негодования. — Верх наглости! Развратница!

Даже в полумраке зала было видно, как побелело от гнева лицо жениха.

— Как же вы узнаете, выполняется ли это условие, Молин? — язвительно произнес он. — По-моему, нельзя полагаться на слова шлюхи, которая спала со всеми столичными финансистами. Или ей понадобятся свидетели, которые будут присутствовать при церемонии?

Молин миролюбиво поднял руки.

— Не знаю, господин маркиз, что привело вас в негодование. Ведь это условие весьма выгодно и вам. Если вы не будете выполнять супружеского долга, любая церковь согласится расторгнуть ваш брак. Вы будете втянуты в оскорбительный для вас и дорогостоящий процесс, а ваша жена сохранит при этом титул маркизы. Подтвердите справедливость моих слов, господин Каретт.

— Совершенно верно, господин Молин. Церковь видит в институте семьи, прежде всего, залог детопроизводства.

— Таким образом, — подхватил Молин, — лучшим подтверждением выполнения последней поправки будет появление на свет нового наследника дю Плесси-Белльер...

Филипп пронизывающе взглянул на Анжелику, но та не осмелилась поднять на него глаз. На губах его появилась жестокая усмешка.

— Хорошо. Хорошо, мадам, мы займемся этим...

## Глава 20

Напряжение последних дней и ночей совсем не сказалось на самочувствии Анжелики. Никогда еще она не чувствовала себя так приподнято и не казалась такой прекрасной, как теперь. Как должное приняла она перемену в салонном отношении к ней, вызванную, во-первых, известием о скором замужестве, а во-вторых, открытием ее аристократического происхождения.

Это имя все чаще стало звучать в придворных кругах. Умиравшая Анна Австрийская вызвала перед смертью не кого-нибудь, а знаменитого иезуита Раймонда де Сансе, и теперь светские дамы мечтали исповедоваться ему. Сначала никто не поверил, что красивая коммерсантка является родной сестрой строгого священника. Но на одном из вечеров, данном госпожой д'Альбер, все видели, как иезуит поцеловал будущую маркизу дю Плесси. Говорили также о грациозной Мари де Сансе, изящество которой украшало двор уже два сезона.

За исключением де Гиша, все давнишние знакомые Анжелики благоразумно не вспоминали прошлых неурядиц в ее судьбе. Де Вард попал в тюрьму, чему способствовала история с убийством Лино, а также подозрения насчет испанского письма.

Мадам де Монтеспан не забывала одного странного давнего происшествия, приключившегося с Анжеликой де Сансе. Но она была слишком поглощена своими делами, чтобы ломать голову над воспоминаниями. Она понимала, что Анжелика будет скоро представлена ко двору, и считала, что это внесет полезное оживление в придворную жизнь. Атенаис часто навещала ее и давала полезные советы относительно туалетов, украшений и манер, которых требовал этикет Версаля.

В такой атмосфере понимания и дружелюбия прошлое Анжелики должно было быстро забыться. Однажды вечером, вынув из сундучка кинжал Родогона, Анжелика внезапно поняла, что все невзгоды последних лет — всего-навсего злой сон. Она была и есть Анжелика де Сансе из Монтелупа, родового имения в Пуату.

## Глава 22

Как-то утром ее известили о прибытии Одиже. Анжелика хотела было надеть платье и спуститься к нему, но передумала. Светской даме пристало принимать своего управляющего в пеньюаре.

Когда молодой человек вошел, она не повернулась к нему, а продолжала неторопливо пудриться. Она приветствовала его через овальное зеркальце, стоящее перед ней.

— Входите, Одиже, — дружеским тоном сказала его бывшая компаньонка. — Садитесь рядом со мной. Мы давно не виделись, но в этом, впрочем, не было нужды. Дела идут прекрасно, не так ли?

— Я всегда ругал себя за то, что позволяю вам долго находиться без присмотра. Ибо всякий раз вы совершаете какую-нибудь глупость. Правда ли то, что вы собираетесь выйти замуж за маркиза дю Плесси-Белльер?

— Чистая правда, мой друг, — небрежно ответила Анжелика. — Маркиз мой кузен, и мне всегда казалось, что я была в него немножко влюблена.

— Таким образом, вы нашли все-таки способ удовлетворить свои амбиции. Любой ценой вы хотели приобщиться к благородным...

— Я всегда была благородной, Одиже, даже в ту пору, когда мы обсуждали посетителей мэтра Буржуса.

Лицо молодого человека перекошилось. Он сделался совершенно красным.

— Теперь понимаю, почему вы не выходили за меня замуж. Вам было бы стыдно иметь меня рядом с собой! Вы были сброшены на самое дно, а теперь выбираетесь в свою среду...

— Мой дорогой друг...

— Я больше не друг вам. Пусть госпожа маркиза рассчитает меня. Каким я был идиотом, что надеялся на брак с вами! Ну что ж, пусть я буду сожалеть об этом всю свою жизнь, но, по крайней мере, я не буду себя презирать. Прощайте, мадам!

«Как жаль, что такой симпатичный мужчина одновременно такой олух!» — подумала Анжелика, когда за ним закрылась дверь.

На следующий день она получила уведомление, что молодой человек покинул Францию.

## Глава 23

С самого начала было уговорено, что свадьба будет происходить в Плесси. Филипп не собирался устраивать пышного торжества, и все это было на руку Анжелике, потому что шкатулка с ядом находилась именно в Плесси.

Иногда ее бросало в пот при мысли, что ларца не окажется на месте, в одной из декоративных башенок замка. Мог ли кто-нибудь забраться на крышу и пройти по карнизу, удержаться на котором было под силу лишь ребенку? Анжелика выяснила, что за последние годы в замке не производилось никаких строительных работ.

Сборы заняли много времени. Она брала с собой Флоримона с Кантором и всю прислугу: Барбу, Легкую Ногу, Жавотту, а также собак, обезьянку и даже попугаев. Выехали на карете и двух повозках. Экипаж маркиза должен был ехать следом самостоятельно.

Филипп не участвовал во всех приготовлениях. Он продолжал посещать балы и званые обеды. Когда при нем кто-то намекал о близкой свадьбе, маркиз недоуменно поднимал брови, потом восклицал с презрительным видом:

— Ах да, действительно.

За всю последующую неделю Анжелика не видела его ни разу.

В короткой записке, переданной через Молина, он велел выезжать такого-то числа, и сам обещал приехать через два-три дня и привезти с собой Молина и аббата. Свадьба состоится в тот же день.

Анжелика не стала противиться его напористости. Придет время, решила она, и она собьет спесь с этого красавчика. Она заставит его понять, что если и действовала сама чересчур дерзко, то лишь с целью принести пользу им обоим. Радуюсь и одновременно сожалея о том, что так и не увидела Филиппа, Анжелика тронулась в путь, пообещав себе поменьше думать о нем.

Париж от Пуату отделяло расстояние в три дня. Дороги были никудышные, размытые обильными весенними дождями. Когда оставался день пути, Анжелика начала узнавать места, которые они проезжали. Как ни торопила она кучера, заночевать пришлось перед

самым Монтелупом в грязной харчевне, кишущей клопами и крысами: дети были слишком утомлены дорогой.

Высунувшись из кареты, она с наслаждением вдыхала деревенский воздух и спрашивала себя, как смогла она столько лет прожить в грязном городе. Узнавая уже совсем близкие хутора, попадающиеся вдоль дороги, она издавала крики радости и рассказывала сыновьям какую-нибудь историю из своего детства. Еще давно она описала им свое родовое имение и поведала о тех замечательных играх, в которые играла с братьями и сестрами.

Наконец вдали показался белый замок Плесси. Он показался ей менее значительным, чем в воспоминаниях: слишком много роскошных дворцов довелось ей повидать в Париже.

В этом имении бедного семейства дю Плесси бросалось в глаза благополучие и ухоженность, обеспеченные стараниями Молина. Курьер предупредил обитателей замка о приезде хозяев. Все комнаты проветрили, ковры выбили, мебель натерли воском.

Но Анжелику уже не радовал приезд в родные места. Ею снова овладело беспокойство, напряженность ожидания.

Устроив детей и прислугу, разместив свои вещи в приготовленной для нее комнате, Анжелика прошла в северное крыло замка и нашла комнату, которая отводилась когда-то для де Конде.

Мимоходом она заметила, какой старомодной массивной мебелью обставлена комната. Открыв окно, она выглянула посмотреть на карниз, по которому ей предстояло пройти, и поняла, что не сумеет теперь сделать этого.

«Какая я стала толстая! Мне ни за что не добраться до башенки». Да, с годами не делаешься гибче и смелее!

Поразмыслив, она решила позвать Жавотту.

— Жавотта, девочка моя, посмотри, насколько ты тоньше и легче меня. Ведь ты сможешь пройти по этому карнизу вон до той башенки, как делала я когда-то?

— Хорошо, мадам, — ответила девушка, которая согласилась бы пролезть в ушко иглки, лишь бы доставить удовольствие госпоже.

С замиранием сердца следила Анжелика за осторожным продвижением Жавотты по узкому карнизу.

— Загляни внутрь башенки. Ты там видишь что-нибудь?

— Какой-то темный предмет, коробка, — ответила та.

— Возьми ее и неси сюда, — Анжелика прислонилась лбом к раме и с облегчением закрыла глаза.

Это был тот самый ларец монаха Эксили. Его покрывал слой ржавчины, но внутри он был из сандалового дерева, способного сохранять содержимое как от плесени, так и от птиц.

— Теперь иди и не рассказывай никому о нем, — велела Анжелика девушке. — Если не разболтаешь никому, подарю тебе одно из своих платьев.

Потом она почистила шкатулку и с трудом открыла крышку. На бумажной подстилке покоился изумрудного цвета флакон с ядом.

Она сочла, что самым подходящим местом для хранения яда будет теперь тот самый шкаф, откуда она стащила его пятнадцать лет назад. Ключ от него она спрятала под корсаж.

«Если бы я знала тогда!.. — думала Анжелика, и тяжелые воспоминания нахлынули с новой силой. — Если бы не эта кража, Жоффрей де Пейрак не был бы приговорен к смерти».

...Потом вместе со слугами и сыновьями она отправилась в родной Монтелуп.

Анжелике показалось, что в радости, с которой отец встретил ее, было что-то натянутое, как если бы перед ним появилось существо, которое все считали мертвым. Он уже пролил слезы по ней и свыкся с ее исчезновением, как вдруг она вновь возникла...

Присутствие Флоримона и Кантора сняло скованность. Кантор, вскарабкавшись на стол, спел несколько своих любимых песенок.

Ни одного намека не было сделано на первое замужество Анжелики. Отец не мучил ее лишними расспросами. По мере того как его дети уезжали, женились, возвращались или не возвращались, он постепенно перемещал их в своем сознании...

Мальчики настаивали, чтобы их оставили ночевать в Монтелупе, но Анжелика вернула их обратно в имение Филиппа.

— Теперь мы сможем чаще видеться, отец, — сказала на прощание Анжелика. — Через несколько дней будет моя свадьба с Филиппом дю Плесси-Белльер.

— Но я слышал, что вы уже поженились с ним!

Анжелика закусила губу. Каковы были намерения Филиппа, если он распустил слух, будто свадьба уже состоялась? Может быть, он не хотел, чтобы в Плесси съезжались гости?

## Глава 24

Через день, возвращаясь с прогулки, Анжелика увидела у парадного входа экипаж маркиза. Сердце ее в предчувствии недоброго бешено забилось.

Лакей сказал, что его хозяин прибыл около двух часов назад.

Когда она поднималась по лестнице, сверху раздались отчаянные крики ее детей.

Она побежала в сторону детской комнаты, чтобы усмирить малышей; не хватает, чтобы они с первой минуты стали докучать своему капризному отчиму.

Анжелика распахнула дверь и увидела странную картину: у камина, в котором пылал огонь, вцепившись друг в друга, тряслись от страха и ревели Флоримон с Кантором. На них наступали три черных, как ночь, волкодава, которые истошно лаяли и щерили зубы на малышей. Поводки этих дьяволов держал в руках хозяин замка, на лице его блуждала улыбка развлекающегося человека. Недалеко от них весь в крови лежал растерзанный труп одной из собак ее мальчиков, которая пыталась их защитить.

Анжелика не стала долго раздумывать. Она схватила тяжелый дубовый табурет и бросила им в псов, которые, взвизгнув, отскочили к хозяину.

Она сейчас же схватила Флоримона и Кантора на руки и отнесла их в сторону от камина.

— Филипп, — сказала она, переводя дыхание, — нельзя же так пугать детей. Они могли свалиться в огонь.

Молодой человек обратил на нее свои водянистые глаза:

— Ваши сыновья пугливы, как женщины, — сказал он небрежным тоном. Лицо его было темнее, чем обычно, он слегка покачивался и с трудом удерживал собак.

«Он пьян!» — поняла Анжелика.

В комнате появилась Барба с выражением ужаса на лице. Она испуганно воскликнула:

— Простите меня, мадам. Мне пришлось отойти на кухню, чтобы распорядиться об ужине...



— Ничего страшного не произошло, Барба, — сказала Анжелика.  
— Просто мальчики никогда не встречали охотничьих собак.

Филипп, широко расставив ноги, созерцал некоторое время новоявленное семейство. Потом он резко дернул за поводки и вывел псов из комнаты.

\*\*\*

Дверь в комнату открылась, и на пороге появился Филипп, глядя исподлобья на Анжелику.

— У вас шкатулка с ядом?

— Вы получите ее сразу после нашей свадьбы.

— Мы поженимся сегодня вечером. Она улыбнулась ему и протянула руку:

— Мы еще не приветствовали друг друга.

— Не вижу в этом необходимости, — бросил он и резко захлопнул дверь.

Анжелика закусил губу: ее нового мужа не так-то легко будет приручить. Она подумала: «Свадьба назначена на вечер, но никто не предупредил моего отца».

В дверь постучали, на этот раз скромно. Появился Флоримон, державший на руках обезьянку. За ним показался Кантор.

— Мама, — наперебой заговорили они. — Отвези нас к бабушке. Мы боимся оставаться здесь.

— И это я слышу от юношей, которые уже носят шпаги! — строго ответила Анжелика.

— Но он убил уже Партоса, а теперь убьет еще и Пикколо!

— Ладно, я отправлю вас с Барбой в Монтелуп, — согласилась Анжелика. — Обещайте мне быть послушными.

Менее чем через час повозка с детьми, слугами и необходимым снаряжением выехала в Монтелуп. Даже слуги были рады покинуть замок, хозяин которого, будучи элегантным кавалером при дворе, у себя в имении был настоящим деспотом.

— Мадам, вы остаетесь здесь одна... — прошептала Барба.

— Барба, — ответила Анжелика, — благополучное существование, я вижу, заставило тебя забыть некоторые моменты нашей прошлой жизни. Не забывай, что я умею постоять за себя.

## Глава 25

В вестибюле ее встретил лакей и сообщил, что ужин подан.

В гостиной, где был накрыт на двоих стол, тотчас появился и сам маркиз. Трапеза прошла в полнейшем молчании, слышался только лязг приборов о тарелки. В окна было видно, как темнота опускается на сад. Анжелика заметила, что Филипп много пил, но количество выпитого, казалось, только усугубляло его сдержанность. Отказавшись от десерта, он поднялся, и ей пришлось последовать за ним в соседний зал. Там находился Молин и священник, а вместе с ними старик-крестьянин.

— Все готово, аббат? — выходя из оцепенения, спросил Филипп.  
— Тогда пойдете в часовню.

Анжелика упала духом. Неужели ее свадьба, которую она так ждала, будет проходить в таких ужасных условиях? На улице ночь. Все слуги уехали. Если бы не Молин, который любил ее, как родную дочь, Анжелика решила бы, что попала в ловушку.

— Филипп дю Плесси-Белльер, согласны ли вы взять в жены Анжелику де Сансе де Монтелуп? — проговорил священник, когда они оказались в полумраке часовни.

— Да.

— Анжелика де Сансе де Монтелуп, согласны ли вы взять в мужа Филиппа дю Плесси-Белльера?

Она сказала «да» и протянула руку к Филиппу, чтобы он надел ей кольцо. Пьяный Филипп долго не мог надеть ей кольцо на палец. Наконец обряд был завершен.

— Теперь ваш черед, мадам, — с невыносимой ледяной улыбкой сказал Филипп.

Она поняла, о чем он просит, и повела всех в комнату принца де Конде. Там она открыла шкаф, достала шкатулку, открыла ее и протянула супругу. Пламя свечи отразилось на флаконе...

— Это та самая пропавшая шкатулка, господа. Все в порядке, — удовлетворенным голосом сказал Филипп.

Священник и управляющий подписались в документе о том, что они присутствовали при передаче ларца.

Филипп взял Анжелику за руку и вывел из комнаты. Они спустились в вестибюль и вышли наружу. Ночь была лунная, над прудом стлался туман. У крохотного причала их ждала лодка.

— Садись, — сухо сказал маркиз.

Он осторожно положил ларец с собой и сел за весла. Он правил лодку на середину пруда. Ни берега, ни замка не было видно. В молчании он взял со скамейки шкатулку, исчезновение которой пятнадцать лет не давало покоя его семье, и осторожно опустил ее под воду. Выпустив воздух, ларец ушел на дно.

Филипп посмотрел на Анжелику так, что она задрожала. Он пересел на ее скамейку, совсем рядом. Медленно, с грациозностью, которой отличались все его движения, он поднял руки и сомкнул их на горле бедной женщины.

— А теперь, моя дорогая, вы последуете за вашим ларцом, — тихим голосом сказал он.

Она заставила себя не шевелиться. Пьян он был или безумен, но он способен сейчас задушить ее. Ей некого было звать на помощь. Бессознательным движением она наклонила голову и коснулась его щеки. Закрыв глаза, она покорно ждала суда над собой.

Маркиз резко отдернул руки, лицо его перекопилось от гнева.

— Черт возьми, — выругался он. — Вы думаете, я не смогу испугать вас? Думаете, я не заставлю вас кричать, умолять о пощаде? Терпение, дорогая моя! Все впереди!

Он яростно погнал лодку к берегу. Когда они причалили, у Анжелики было паническое желание пуститься бежать со всех ног. Но она не знала, что будет делать потом, и пересилила себя.

Он снова взял ее за руку и потащил за собой к замку. Когда они поднимались по лестнице, он снял со стены длинный охотничий кнут для собак.

— Филипп, давайте расстанемся здесь до утра, — попросила она. — Нам нечего больше обсуждать. А завтра мы...

— Зачем же откладывать, — недобро усмехнулся он. — По контракту мы должны еще выполнить супружеские обязанности. Но сначала я должен дать вам маленький урок, я должен немного проучить вас за шантаж. Не забывайте, что по закону вы находитесь в полной моей власти.

Анжелика сделала попытку вырваться, но муж встряхнул ее, как непослушную собаку.

— Филипп, вы с ума сошли! — крикнула она.

— Вы будете просить у меня прощения, — прошипел он, сжав зубы. — За все, что вы устроили тут.

Он втолкнул ее в пустую комнату и запер дверь. Не раздумывая, он начал стегать ее кнутом. Она закрыла лицо руками и прижалась к стене. Филипп умело пользовался кнутом. После каждого удара Анжелика закусывала губу, чтобы не закричать. Неожиданно первоначальный гнев, охвативший ее, уступил место странной покорности. Она закричала:

— Хватит, Филипп, остановитесь! Я прошу у вас прощения.

Удивленный легкой победой, он остановился, но она не дала ему опомниться.

— Извините меня, я была не права перед вами...

Маркиз принял было ее признание за хитрую уловку, но что-то в голосе истязаемой заставило его поверить в искренность ее слов. Неужели она была не такая, как все те хитрые стервы, с которыми ему прежде доводилось расправляться?

Свет от единственной свечи падал на сжавшуюся около стены женщину. Вид ее обнаженных плеч, истерзанных кнутом, возбудил в нем жестокое сладострастие, но не такое, которое нападало на него обычно после мучений жертвы. Это не было просто животное желание, в нем присутствовало теперь что-то таинственное, почти нежное. Ему почудилось внезапно, что с Анжеликой у него может произойти что-то новое, неведомое до сих пор — прорыв в тайную область любви.

Он с силой отшвырнул кнут, затем снял с себя пояс и парик.

Внезапно он подскочил к ней, схватил ее за плечи и впился губами в ее шею как раз в том месте, которое обжег минуту назад кнут. Ее гордость не могла позволить, чтобы процедура истязания перетекла по прихоти мучителя в любовный акт.

Она отстранила от себя новоявленного супруга.

Ее отказ разъярил Филиппа. Только он взлелеял мечту о новом наслаждении, как эта мерзавка опрокинула ее! Нет, она такая же, как другие женщины: наглая, расчетливая, требовательная!.. Он размахнулся и ударил ее в лицо.

Анжелика покачнулась, потом схватила его за отворот рубахи и попробовала оттолкнуть от себя. Эта манера трактирщиков вышвыривать пьяных из своего заведения удивила маркиза и даже развеселила его. Ему еще не приходилось сталкиваться со светской женщиной, которая защищалась бы таким образом. Может быть, она решила, что сможет дать ему отпор?

Распираемый жаждой разрушения, Филипп сжал яростно зубы, зарычал и ударил ее головой о стену. На секунду Анжелика потеряла сознание. Теперь она была уверена: там, в таверне «Красная маска», это он оглушил ее, прежде чем другие могли изнасиловать ее. Зверь, настоящий зверь!

Вес его тела придавил ее к ледяному каменному полу. Она чувствовала себя жертвой чудовища, которое сожрет ее, когда насладится ею. Она кричала от боли.

— Пощади, Филипп!..

Он торжествующе заревел...

Когда он ее отпустил, она была почти без сознания. Он долго стоял над ней, как над подстреленной птицей. Анжелика застонала и открыла глаза. Филипп тронул ее носком ноги и сказал с усмешкой:

— Теперь, думаю, вы удовлетворены? Спокойной ночи, мадам маркиза дю Плесси.

Она слышала, как его тяжелые шаги удаляются по коридору пустого замка.

## Глава 26

Утром ее ждало новое разочарование. Только она успела привести себя наспех в порядок, запудрив следы побоев и царапин, чтобы не шокировать Жавотту, как постучавшийся лакей сообщил ей, что маркиз на рассвете уехал в Париж.

Четырьмя часами позже карета, запряженная шестеркой лошадей, несла Анжелику по каменистым дорогам Пуату в Париж. Израненная, изуродованная, но решительная Анжелика тоже возвращалась в Версаль. Она оставила письмо управляющему, в котором просила его позаботиться о детях. Впереди их ждало веселое и красочное деревенское лето.

В Париже она сразу отправилась к своей надежной подруге Нинон. Сорок восемь долгих часов та заставила ее лежать в постели с лечебными примочками и компрессами на лице и шее, с телом, натертым мазями и маслами.

Анжелика объяснила подруге свое жалкое состояние тем, что попала в аварию по дороге, что ее карета врезалась во встречную и перевернулась. Она так никогда и не узнала, поверила ей куртизанка или нет.

Нинон рассказала ей, что встречала в Тюильри Филиппа, что в Версале началась предсезонная полоса развлечений: танцы, балет, спектакли, фейерверк. Во дворце собралось множество гостей, а те, кого не пригласили, скрипят зубами от зависти.

Сидя у изголовья постели Анжелики, Нинон рассказывала ей обо всем без остановки, лишь бы ее раненой подруге не пришлось бы открыть рот. Ей нужен был покой, чтобы скорее заживали раны и восстановился приятный цвет лица.

Нинон не сожалела, что испорченная репутация не позволяет ей быть приглашенной ко двору. Здесь, в своем доме в квартале Маре, она была королевой, и ей не страшны были никакие слухи. Ей было достаточно, что по тому или иному поводу король спрашивал иногда: «А что сказала об этом Нинон?»

## Глава 27

2 июня 1666 года маркиза дю Плесси-Белльер ехала в украшенной зеленым бархатом карете по направлению к Версалю. У нее не было приглашения, но была величайшая решимость предстать перед королем. У кареты были позолоченные колеса и борта, ее несли две крупные лошади в яблоках. На Анжелике было роскошное зеленое платье, украшенное серебряными цветами и жемчужным колье. Волосы ее были уложены парикмахером Бине и тоже украшены жемчугом и двумя белоснежными легчайшими перьями.

Ее нетерпение и радость были столь сильны, что она захватила с собой Жавотту, чтобы по дороге болтать с нею.

— Мы едем в Версаль, Жавотта! — повторяла она девушке, сидящей напротив нее.

Дорога показалась ей бесконечной, она была разбита многочисленными телегами, возящими во дворец, где велись строительные работы, камень, цемент, свинцовые трубы.

Каждую минуту Анжелика выглядывала в окошко кареты, рискуя потревожить творение Бине.

Но вот над деревьями показалась крыша дворца, отливающая розовым в лучах утреннего солнца.

Они проехали через центральные ворота к парадному входу.

Флипо, облаченный в фамильную сине-желтую ливрею дю Плесси, нес за Анжеликой подол ее платья.

Вокруг дворца царило большое оживление. Пестрые ливреи лакеев смешивались с темными блузками рабочих, сновавших повсюду со своим инструментом. Везде стоял лязг молотков, отесывающих камни. С балюстрады раздавался бой барабанов, издаваемый мушкетерами-музыкантами.

Анжелика долго выискивала среди приглашенных знакомое лицо. Наконец она вошла во дворец через дверь левого крыла, где выходило и входило множество людей.

По широкой мраморной лестнице она поднялась в просторный зал, где томились во множестве скромно одетые люди. Она спросила, где находится, и ей ответили, что перед кабинетом для подачи

прошений. Каждый понедельник здесь рассматривались жалобы и получались ответы на предыдущие прошения.

Анжелика в своей нарядной одежде почувствовала себя неуютно среди бедно одетых военных, вдов, сирот и решила пойти дальше, как вдруг заметила мадам Скаррон.

— Я ищу двор, — сказала она. — Там мой муж, я хочу присоединиться к нему.

— Король сейчас в кабинете беседует с несколькими своими приближенными, — ответила вдова, добиваящаяся себе пенсии. — Я не знаю, будет ли он заходить сюда, но потом он спустится в сад и отправится на прогулку. Поэтому вам лучше всего отправиться вон по той галерее к его кабинету.

— Я умираю от страха, — призналась Анжелика. — Вы не могли бы проводить меня?

— О моя дорогая! Как я могу? — воскликнула Франсуаза, глазами показывая на свое скромное платье. — Не бойтесь. Король очень чувствителен к женской красоте. Вы очаруете его.

«А я-то как раз сомневаюсь», — подумала Анжелика, сердце которой забило еще сильнее. Роскошь Версаля подавляла ее. Как она осмелилась показаться здесь? Но отступить было поздно.

Когда она прошла половину пути, с другого конца появилась группа людей. Даже с такого расстояния Анжелика без труда узнала величественную фигуру короля, окруженную свитой из придворных и куртизанок. Помимо высокого роста и роскошного парика Людовик Четырнадцатый выделялся величественной походкой и манерой нести трость, которую он ввел в моду. До сих пор это был атрибут стариков и калек. Людовик же сделал из трости инструмент обольщения.

Итак, он приближался, выставляя вперед свою эбеновую с золотым набалдашником трость и обмениваясь любезностями с двумя принцессами, идущими по обе стороны от него: с Генриеттой Англтерской и юной графиней д'Энгьен. Сегодня его прежняя фаворитка Луиза де ля Валльер не принимала участия в прогулке.

Бедная девушка становилась все менее привлекательной. Оставаясь с ней наедине, Его Величество оказывал ей знаки внимания, но на фоне Версаля ее бледность и худоба казались неуместными.

Анжелика сразу поняла, что ей уже нельзя повернуться спиной к королю, и отбросила мысль о бегстве. Она почти остановилась, ноги



едва слушали ее, как это иногда бывает во снах.

Из всей группы она видела только короля и не могла отвести глаз от его лица. Людовик Четырнадцатый замедлил шаг и тоже остановился. Лозун, который узнал Анжелику, положил руку на глаза и спрятался за спины свиты.

Король вежливо снял шляпу с, огненными перьями. Было известно, что его легко покоряет женская красота. На этот раз он также был пленен пристальным взглядом зеленых глаз, которыми смотрела на него незнакомка. Почему он до сих пор не замечал ее?

Анжелика, повинувшись бессознательному приказу, присела в глубоком реверансе. Стоя на колене, она подумала, что лучше бы ей совсем не подниматься. Но она все же поднялась, продолжая неотрывно смотреть на короля. Король был удивлен. В ситуации было что-то щекотливое, вокруг воцарилось необычное молчание. Он слегка нахмурил брови, огляделся.

Анжелика подумала, что ноги ее не выдержат и подкосятся, руки ее дрожали, и она прятала их в складки платья. Но в этот момент чья-то рука взяла ее за локоть, а знакомый спокойный голос произнес:

— Сир, позвольте представить Вашему Величеству мою жену, маркизу дю Плесси-Белльер.

— Вашу жену, маркиз? — спросил король. — Неожиданная новость. Я слышал что-то об этом, но я надеялся, что вы сами расскажете...

— Сир, мне не казалось столь важным извещать вас о таком пустяке.

— Пустяке? Женидьба — пустяк! Клянусь Святым Луи, меня интересовало, что у вас вместо меня. Знаете ли вы, что, скрыв от меня это событие, вы поступили почти что дерзко?

— Сир, я не мог предположить, что вы подобным образом истолкуете мое молчание. Поверьте, это не стоит...

— Молчите, маркиз. Ваша бессовестность переходит все границы, и я не позволю вам подобные речи в присутствии прекрасной дамы. Мадам, что вы думаете о своем супруге?

— Я буду стараться привыкнуть к нему, сир, — ответила Анжелика, которой уже удалось взять себя в руки.

Король улыбнулся.

— Вы разумная женщина. И, помимо того, очень красивая. Эти две вещи редко сочетаются. Маркиз, я прощаю тебя за твой выбор... и за красивые глаза. Зеленые глаза... Редкий цвет...

Он прервал себя, задумчиво остановившись взглядом на лице Анжелики. Здесь улыбка медленно сползла с его губ, монарх пораженно округлил глаза и замер, будто его поразил удар молнии.

Луи Четырнадцатый начал бледнеть, что сейчас же заметили окружающие, так как цвет лица у короля был излишне красным и его врачу приходилось пускать ему кровь.

— Не с Юга ли вы родом, мадам, — наконец произнес он. — Может быть, из Тулузы?

— Нет, сир, моя жена родом из Пуату, — немедленно отозвался Филипп. — Ее отец — барон де Сансе де Монтелуп.

— О сир! Перепутать пуатинку с дамой с Юга! — воскликнула Атенаис де Монтеспан, заливаясь своим нежным смехом.

Прекрасная Атенаис была уже достаточно приближена к Его Величеству, чтобы позволить себе смелость подобного рода. Напряжение было снято, король обрел присутствие духа. Он ответил в тон Атенаис:

— Не буду отрицать, что пуатинки — первые красавицы в королевстве, но как бы вашему мужу не пришлось драться за ваши слова со всеми гасконцами Версаля, если они захотят отстоять честь своих женщин.

— Что вы, сир! Я всего лишь хотела сказать, что если красота женщин разных рас поразительна в одинаковой степени, то их все равно нельзя смешивать. Простите мое неумелое замечание, Ваше Величество.

В голубых глазах Атенаис можно было прочесть все, кроме раскаяния, но король не мог сопротивляться их красоте.

— Я давно знаю мадам дю Плесси, — продолжала Атенаис. — Мы воспитывались вместе. Ее семья дружила с моей.

Анжелика обещала себе никогда не забывать, чем она обязана подруге. Король приблизился к Анжелике и улыбнулся:

— Версаль рад принять вас, мадам. Пусть вам будет весело. Чуть тише он добавил:

— Мы счастливы увидеть вас снова.

Анжелика поняла, что король согласен забыть прошлое. Еще раз опустившись в глубоком реверансе, она почувствовала, что слезы готовы политься из ее глаз. Но король уже продолжал свой путь. Она смогла спокойно подняться и вытереть глаза.

Она бросила благодарный взгляд на стоящего рядом Филиппа.

— Как вас отблагодарить, Филипп?

— Отблагодарить? — сдерживая гнев, процедил он. — Я защищал себя от немилости. Вы моя жена, черт возьми, и представляете отныне мое имя! Приехать в Версаль без приглашения! Без представления! Так дерзко смотреть на короля! Ничто не может остановить вашей одержимости. В следующий раз я буду вынужден просто убить вас.

Внизу подали карету для короля. Но, перед тем как уехать, он обернулся и снова поднялся по ступенькам, направляясь к Анжелике.

— Любуетесь Версалем, мадам? — спросил он.

Анжелика сделала реверанс и ответила трепещущим голосом:

— Сир, история отблагодарит вас за то сокровище, что вы создали здесь. Король не сразу нашел подходящую случаю фразу.

— Вы счастливы? — спросил он.

— Как мне не быть счастливой в таком прекрасном месте? — проговорила она тихим голосом.

— В таком случае, оставайтесь счастливой. И окажите мне любезность: разделите со мной прогулку. Я хочу показать вам парк.

Анжелика вложила руку в широкую ладонь Людовика Четырнадцатого. Они спустились вместе по ступенькам и пошли к карете. Придворные кланялись, когда они проходили мимо них.

Когда она сидела в карете Его Величества рядом с Атенаис де Монтеспан, напротив двух принцесс и самого короля, она увидела в окошко своего мужа.

Филипп смотрел на нее с необычным выражением. Он начал понимать, что получил в жены необыкновенную женщину.

Анжелике казалось, что она готова воспарить. Будущее виделось ей таким же голубым, как небо над горизонтом. Но в глубине души она знала, что огонь любви, который тлел в ней, — этот дьявольский огонь — не потухнет никогда. Он будет гореть всю ее жизнь. Так предсказала Вуазен.

Но судьбе было угодно, чтобы Анжелика сделала передышку, оказавшись на вершине успеха, чтобы испытать опьянение от своего

триумфа.

Скоро ее снова понесет в бурный водоворот событий, но сегодня мечта ее сбылась: она была в Версале!